ISSN 2218-1644

16+

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

2022 №3 (40)

Index П2454
podpiska.pochta.ru

ISSN 2218-1644

NORTH-EASTERN JOURNAL OF HUMANITIES

Scientific journal
Periodical publication
Published quarterly
2022, № 3 (40)

JOURNAL INCLUDED IN
The list of Russian reviewed scientific journals in which should be published the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate and Doctor of Science,
Database (European Database) of the European Citation Index in the Humanities (ERIH PLUS)

Founder
FSBIS Federal Research Centre "The Yakut Scientific Centre of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences" (FRC YaSC SB RAS)

Editorial Board:

Efremov N.N., editor-in-chief, Doctor in Philology (IHRISN SB RAS); *Boyakova S.I.,* deputy editor-in-chief, Doctor in History (IHRISN SB RAS); *Gogolev A.I.*, deputy editor-in-chief, Doctor in History, Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Danilova N.I.*, deputy editor-in-chief, Doctor in Philology (IHRISN SB RAS); *Aprosimova Iu.Iu.*, executive secretary (IHRISN SB RAS); *Abdulaev S.N.*, Doctor in Philology, Professor (Kasym Tynystanov ISU); *Antonov Ye.P.*, Candidate in History, Associate Professor (IHRISN SB RAS); *Bravina R.I.*, Doctor in History, Professor (IHRISN SB RAS); *Burtsev A.A.*, Doctor in Philology, Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Vasilieva N.M.*, Candidate in Philology (IHRISN SB RAS); *Vinokurova D.M.*, Candidate in Sociology, Associate Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Gabysheva L.L.*, Doctor in Philology, Associate Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Dmitrieva E.N.*, Doctor in Philology, Associate Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Illarionov V.V.*, Doctor in Philology, Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Larionova A.S.*, Doctor in Arts, Associate Professor (IHRISN SB RAS); *Melnichuk O.A.*, Doctor in Philology, Associate Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Petrov A.A.*, Doctor in Philology, Professor (A. Herzen RSPU, St. Petersburg); *Pokatilova N.V.*, Doctor in Philology Professor (IHRISN SB RAS); *Popova N.I.*, Candidate in Philology, Associate Professor (IHRISN SB RAS); *Romanova E.N.*, Doctor in History (IHRISN SB RAS); *Romanova L.N.*, Candidate in Philology (IHRISN SB RAS); *Sivtseva S.I.*, Doctor in History, Associate Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Struchkova N.A.*, Candidate in History, Associate Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Suleimanov A.A*., Candidate in History (IHRISN SB RAS)); *Filippov G.G.*, Doctor in Philology, Professor (M.K. Ammosov NEFU), *Khazankovich Iu.G.*, Doctor in Philology, Associate Professor (M.K. Ammosov NEFU).

© FRC YaSC SB RAS, 2022

Индекс П2454
podpiska.pochta.ru

ISSN 2218-1644

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Периодическое издание
Выходит четыре раза в год
2022, № 3 (40)

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В
Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата наук и доктора наук,
Российский индекс научного цитирования (РИНЦ),
базу данных (БД) Европейского индекса цитирования в гуманитарных науках (ERIH PLUS)

Учредитель:
ФГБУН Федеральный исследовательский центр
«Якутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук»

Редколлегия:

Ефремов Н.Н., глав. ред., д.филол.н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Боякова С.И.*, зам. глав. ред., д.и.н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Гоголев А.И.*, зам. глав. ред., д.и.н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск); *Данилова Н.И.*, зам. глав. ред., д.филол.н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Апросимова Ю.Ю.*, ответ. секретарь (ИГИиПМНС СО РАН); *Абдуллаев С.Н.*, д.филол.н., проф. (Иссык-Кульский государственный университ им. К. Тыныстанова, г. Караол, Кыргызстан); *Антонов Е.П.*, к.и.н., доцент (ИГИиПМНС СО РАН); *Бравина Р.И.*, д.и.н., проф. (ИГИиПМНС СО РАН); *Бурцев А.А.*, д.филол.н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск); *Васильева Н.М.*, к.филол.н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Винокурова Д.М.*, к.социол.н., доцент (СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск); *Габышева Л.Л.*, д.филол.н., доцент (СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск); *Дмитриева Е.Н.*, д.филол.н., доцент (СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск); *Илларионов В.В.*, д.филол.н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск); *Ларионова А.С.*, д.иск., доцент (ИГИиПМНС СО РАН); *Мельничук О.А.*, д.филол.н., доцент (СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск); *Петров А.А.*, д.филол.н., проф. (РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург); *Покатилова Н.В.*, д.филол.н., проф. (ИГИиПМНС СО РАН); *Попова Н.И.*, к.филол.н., доцент (ИГИиПМНС СО РАН); *Романова Е.Н.*, д.и.н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Романова Л.Н.*, к.филол.н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Сивцева С.И.*, д.и.н., доцент (СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск); *Стручкова Н.А.*, к.и.н., доцент (СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск); *Сулейманов А.А.*, к.и.н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Филиппов Г.Г.*, д.филол.н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск); *Хазанкович Ю.Г.*, д.филол.н., доцент (СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск).

© ФИЦ ЯНЦ СО РАН, 2022

Editorial Council:

Alekseev A.N., Chairperson, Doctor in History, Professor (IHRISN SB RAS); *Anikin A.E.*, Doctor in Philology, Professor, Academician of RAS (IPh SB RAS, Novosibirsk); *Argounova-Low T.I.*, Doctor in Anthropology (University of Aberdeen, Aberdeen, UK); *Balash D.B.*, Doctor in Ethnology, Professor (Institute of Ethnology, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary); *Bakhtikireeva U.M.*, Doctor in Philology, Professor (PFUR, Moscow); *Golovnev A.V.*, Doctor in History, Professor, Corresponding Member of RAS (MAE (Kunstkamera) named after Peter the Great, St. Petersburg); *Derevyanko A.P.*, Doctor in History, Professor, Academician of RAS (IAE SB RAS, Novosibirsk); *Zhamsaranova R.G.*, Doctor in Philology, Associate Professor (Transbaikal SU, Chita); *Karoly L.*, Doctor in Philology (University of Gutenberg, Mainz, Germany); *Nevskaya I.A.*, Doctor in Philology, Associate Professor (IPh SB RAS, Novosibirsk, Frankfurt am Main, Germany); *Takakura H.*, Doctor in Social Anthropology (University Tohoku, Japan); *Shishkin V.I.*, Doctor in History, Professor (IH SB RAS, Novosibirsk), *Urganova I.I.*, Doctor in History (IRH RAS, Moscow).

Executive editor *E.N. Dmitrieva*

Editors: *N.Yu. Pechetova*
English text: *O.N. Kochmar*
Page-proofs: *A.N. Stepanova*

ISSN 2218-1644

Редакционный совет:

Алексеев А.Н., председатель, д.и.н., проф. (ИГИиПМНС СО РАН); *Аникин А.Е*., д.филол.н., проф., акад. РАН (ИФЛ СО РАН, г. Новосибирск); *Аргунова-Лоу Т.И*., д-р антропологии (Абердинский университет, г. Абердин, Великобритания); *Балаш Дьюла Балог*, д-р этнологии, проф. (Институт этнологии Венгерской академии наук, г. Будапешт, Венгрия); *Бахтикиреева У.М*., д.филол.н., проф. (РУДН, г. Москва); *Головнев А.В*., д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (МАиЭ (Кунсткамера) им. Петра Великого РАН, г. Санкт-Петербург); *Деревянко А.П*., д.и.н., проф., акад. РАН (ИАиЭ СО РАН, г. Новосибирск); *Жамсаранова Р.Г*., д.филол.н., доцент (ЗабГУ, г. Чита); *Кузьмина Е.Н*., д.филол.н., проф. (ИФЛ СО РАН, г. Новосибирск); *Ласло Кароли*, д-р филологии (Майнцский университет им. И. Гутенберга, г. Майнц, Германия); *Невская И.А*., д.филол.н., доцент (ИФЛ СО РАН, г. Новосибирск, Франкфуртский университет, Германия); *Хироки Такакура*, д-р социальной антропологии (Университет Тохоку, г. Сендай, Япония); *Шишкин В.И*., д.и.н., проф. (Институт истории СО РАН, г. Новосибирск); *Юрганова И.И*., д.и.н. (Институт российской истории РАН, г. Москва).

Ответственный за выпуск *Е.Н. Дмитриева*

Редактор: *Н.Ю. Печетова*
Английский текст: *О.Н. Кочмар*
Верстка: *А.Н. Степанова*

© ФИЦ ЯНЦ СО РАН, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

История и археология

Жукова Л.Н. Этнография одного предмета: юкагирский лук 8

Степанова О.Б. Жизненное пространство Верхнего Таза: этнолокальный ландшафт реки Покольки..... 22

Юрганова И.И. Русская православная церковь в Восточной Сибири: от фронтира до окраины 32

Винокурова Л.И. «Женские ресурсы» сельской Якутии: к истории общественного активизма 1970-х – 2000-х гг. 41

Саввинов П.О. Историография мирового и коронного судопроизводства в Якутии в конце XIX – начале XX вв. 50

Языкознание

Афанасьева Е.Н. Переводная лексикография: проблема эквивалентности в условиях опосредованного перевода (на примере проекта «Монгольско-русско-якутский словарь») 61

Монастырёв В.Д., Васильева Н.Н., Аммосова И.В. Фонетические средства выражения семантики образности в якутском языке (на материале образных глаголов с общей архисемой 'располнеть') 71

Кичеева К.В. Временная нелокализованность ситуаций настоящего времени с формой на *-(п)ча* в хакасском языке 79

Курилова Л.Г. Образование имени действия в языке тундренных юкагиров 91

Литературоведение и фольклористика

Мухоплёва С.Д. Рукопись якутской народной песни *Эһэ ырыата* «Медвежья песня» как уникальный документ 100

Жулева А.С. Антропоморфные образы в творчестве чукотского писателя Юрия Рытхэу 110

Ларионова А.С. Ритмические формы дэгэрэн ырыа (на материале олонхо В.О. Каратаева «Могучий Эр Соготох») 120

Сведения об авторах 130

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию журнала «Северо-Восточный гуманитарный вестник» 134

CONTENT

History and Archaeology

Zhukova L.N. Ethnography of one object: Yukagir bow 8

Stepanova O.B. The living space of the Upper Taz: the ethno-local landscape of the Pokolka River 22

Yurganova I.I. Russian orthodox church in Eastern Siberia: from frontier to outskirts 32

Vinokurova L.I. "Female resources" of rural Yakutia: on the history of social activism in the 1970s – 2000s 41

Savvinov P.O. Historiography of magistrates' and Crown courts in Yakutia in late 19th – early 20th centuries 50

Linguistic

Afanasieva E.N. Translation lexicography: the problem of equivalence in indirect translation (project "Mongolian-Russian-Yakut Dictionary") 61

Monastyrev V.D., Vasilieva N.N., Ammosova I.V. Phonetic means of expressing figurative semantics in the Yakut Language (illustrated by figurative verbs with the generic seme 'to gain weight') 71

Kicheeva K.V. Time non-localization of the Present Tense situations with form *-(p)cha* in the Khakass Language 79

Kurilova L.G. Formation of the verbal noun in the Tundra Yukagirs' Language 91

Literary Studies and Folklore Studies

Mukhopleva S.D. Manuscript of the Yakut folk song *Ehe Yryata* "Bear Song" as a unique document 100

Zhuleva A.S. Anthropomorphic images in the works of the Chukchi writer Yury Rytkheu 110

Larionova A.S. Rhythmic forms of Degeren Yrya (based on V.O. Karataev's Olonkho "Mighty Er Sogotokh") 120

Information about authors 132

The manuscripts rules 134

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Л.Н. Жукова

DOI: 10.25693/SVGV.2022.40.3.001
УДК 903.223:39(=554)

Этнография одного предмета: юкагирский лук

Научная новизна. Осуществлен анализ палеоэтнографических и этнографических данных с привлечением материалов языка и фольклора об использовании лесными юкагирами (одулами) и их предками одного из главных атрибутов охотничьей культуры – луков. Систематизированы сведения о применении луков в обрядовой сфере, а также магические свойства, если предмет изготовлен женщиной. Определены сферы современной востребованности.

Цель и задачи. Исследуются промысловый, боевой, ритуальный и детский луки на примере периферийного этно-экологического локуса юкагиров Верхней Колымы. Определяется сохранность данных артефактов в материальной и духовной культуре в диапазоне раннеюкагирского времени (поздний неолит – бронзовый век) – традиционной культуры (XVII – начало XX вв.) – современности (конец XX – начало XXI вв.).

Методы исследования. Исследование проводилось в диахронном и синхронном диапазонах. Для характеристики охотничьего промыслового хозяйства коренного населения Якутии от древности до нового времени применялся комплексный междисциплинарный подход. Орудия промысла юкагиров и их предков изучены по археологическим, историческим, этнографическим, фольклорным и языковым данным, что позволило определить предполагаемый вектор адаптивных изменений луков в исследуемые хронологические периоды.

Результаты. Анализ разнообразных данных, в том числе музейных источников, показал, что юкагиры и их предки в прошлом хорошо владели искусством лучников. Луки (*эйэ*) распределялись на простые и составные, промысловые и боевые, ритуальные и детские. Простые луки из одного куска дерева были древнейшими, типичными по основному принципу изготовления для охотничьих племен Западной и Восточной Сибири. Материалы XIX – начала XX вв. свидетельствуют, что простые луки, в том числе усиленные, бытовали на севере Евразии у ваховских хантов, нганасан, энцев, юкагиров, чукчей, эвенов, якутов, в прошлом у древних жителей побережья Берингова моря. На древность простого *эйэ* у юкагиров указывает применение его моделей в магических/ритуальных обрядах и обучающих играх детей. В обрядовой практике обнаруживается не исследованная ранее значимость изготовленных женщиной лука и стрел. Традиция создания охотничьих и боевых предметов в натуральную величину и их использование юкагирами ныне утрачена.

Ключевые слова: Северо-Восток Сибири, юкагиры, типы луков, история и эволюция, охотничий промысел, обрядовая сфера

© Жукова Л.Н., 2022

I. Введение. В современном тренде арктических исследований в начале XXI в. периферийный этно-экологический локус юкагиров верхней Колымы представляет уникальный феномен пролонгации аборигенной культуры пеших номадов. На протяжении многих тысячелетий кочевники-собаководы Восточной Сибири вели присваивающее охотничье-рыболовное хозяйство. Появление среди археологических материалов каменных и костяных наконечников стрел однозначно указывает на пользование луками древним населением.

Луки раннего периода, которые можно было бы атрибутировать как протоюкагирские, в археологических материалах Якутии не представлены. В неолитических грунтовых захоронениях встречаются фрагменты костяных обкладок луков. Их принадлежность к протоюкагирской культуре вызывает сомнение: предполагается, что юкагиры в историческое время и ранее не практиковали грунтовый способ захоронения умерших, характерными были воздушные могилы (помосты и амбары на столбах, деревьях), наземные (в шалашах), имеются фольклорные сведения о кремации [Иохельсон, 2005а, 2005б]. Воздушные и наземные могилы ранее второй половины II тыс. н.э. и сопроводительный инвентарь в силу воздействия природных факторов не сохранились и не донесли до нас типы древних луков. Грунтовые захоронения по археологическим и палеоэтнографическим данным оставлены группами пришлого населения. Среди предметов и их фрагментов из такого нестойкого материала, как дерево, обнаруженных археологами в жилищах, на стоянках однозначно определяемые луки отсутствуют. Поскольку древние орудия рыболовства и ихтиофауна в количественном соотношении значительно уступают орудиям охоты и соответствующим костным остаткам, полагаем, что использование лука аборигенами-собаководами носило преимущественно круглогодичный характер. Накоплению научной информации по истории юкагирского лука положили начало работы В.И. Иохельсона (конец XIX – начало XX вв.), ученого и писателя одула Н.И. Спиридонова (Тэки Одулок) в 1920-х гг. [Спиридонов, 1996]. Обобщающему исследованию луков народов Северной Евразии посвящена одна из глав монографии Ю.Б. Симченко с привлечением музейных и архивных данных [Симченко, 1976]. Следует особо отметить публикацию этнографической коллекции В.И. Иохельсона, хранящейся в Американском музее естественной истории, со справочной информацией каталожного характера [Иванова-Унарова, 2017]. Предлагаемая статья на новых данных продолжает исследование генезиса юкагирского артефакта.

Специфику охотничьего хозяйства демонстрирует неолитическое наскальное искусство центральной и южной Якутии, где изображения лосей и в целом тема охоты преобладают над темой рыболовства. Выборка и анализ сюжетов с присутствием луков и лучников периода неолита – раннего железного века, опубликованных в работах А.П. Окладникова и А.И. Мазина [Окладников, Запорожская, 1970, 1972; Окладников, Мазин, 1976, 1979] вызывают интерес в свете предложенной темы исследования (рис. 1*а–ж*).

Рисунки выполнены красной охрой разных оттенков. Писаницы неолита – бронзового века иллюстрируют сцены охоты преимущественно на лося, примечательно, что нет сюжетов боевых стычек на луках. Здесь мы впервые обнаруживаем антропоморфные персонажи, держащие в руках луки эллипсовидных и дугообразных форм. На рис. 1*а–г* натянутые луки имеют эллипсовидный абрис, составляют одну группу и относятся к наиболее ранним (неолит – бронзовый век; р. Алдан, средняя Лена). Сюжет рис. 1*б* (бронзовый век) в ином изобразительном стиле копирует неолитический рис. 1*а*.

Другую группу составляют рисунки, где луки имеют вид дуги (1*д–ж*), здесь иная стилистика и, возможно, изображены луки более крупных размеров (неолит Забайкалья, бронзовый(?) – ранний железный век южной Якутии). По форме луков здесь возможна изобразительная и территориальная локальная традиция.

В соответствии с датировками исследователей ранний эллипсовидный абрис артефакта укладывается в пределы существования среднеолитической белькачинской археологической культуры Якутии – бронзового века Средней Лены. В эти временные рамки включена позднеолитическая ымыяхтахская культура, на которую предположительно приходится время становления раннеюкагирской культуры. Следовательно, изображения эллипсовидных луков

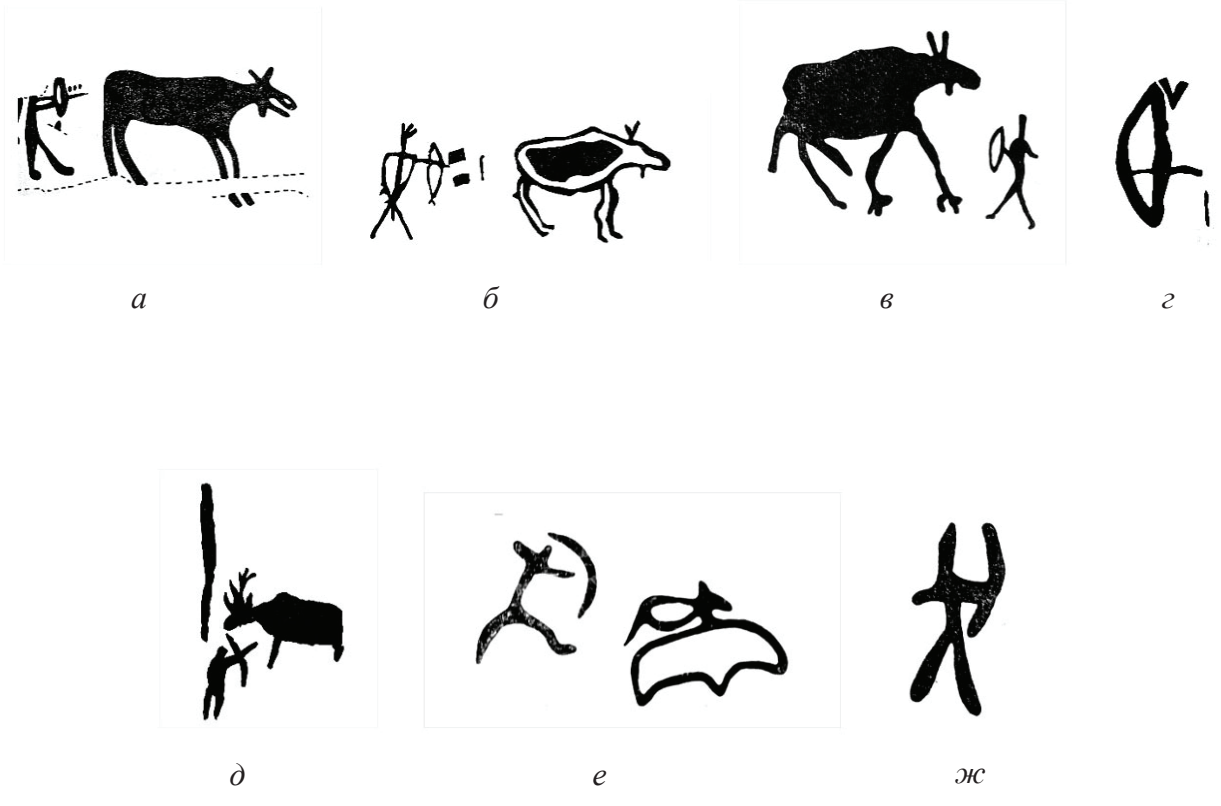


Рис. 1. Антропоморфные фигуры с луками и рисунок лука на писаницах бассейна р. Лены (*а–г*, *е, ж*) и Забайкалья (*д*) [Окладников, Запорожская, 1970, 1972; Окладников, Мазин, 1976, 1979]: *а* – профильное изображение охотника на лося с эллипсовидным луком и стрелой в руках на майской писанице в бассейне р. Алдан (фрагмент). Над стрелой нанесены три пятна. Голова антропоморфной фигуры сколота. Один из древних рисунков Якутии со сценой охоты на лося с луком, IV – III тыс. до н.э., средний неолит [Окладников, Мазин, 1979: 46, 58, табл. 54]; *б* – на среднеленской писанице Ой-Муран изображена сцена охоты на лося (фрагмент). Фаллическая фигура с тройной развилкой на голове держит натянутый в виде эллипса небольшой лук, стрела нацелена на лося. Перед луком вертикально нанесены два широких пятна красной краски и вертикальная полоса. Бронзовый век. [Окладников, Запорожская, 1972: 39–40, табл. 61]; *в* – остроголовая антропоморфная фигура держит небольшой эллипсовидный лук перед лосем-самцом(?) в многофигурной композиции на р. Синей (фрагмент). Бронзовый век [Окладников, Запорожская, 1972: 44, 81, табл. 77]; *г* – на скале вблизи деревни Еланка имеется фигура, напоминающая лук со стрелой, неолит [Окладников, Запорожская, 1970: 58, табл. 130]; *д* – охотник из Забайкалья вооружен коротким луком, он направляет стрелу в лося (фрагмент), за лосем следуют три кабана, слева четыре вертикальные полосы краски – магическая охотничья изгородь, предназначенная для добычи зверей в тайге. Пятнами или счетными палочками ведется подсчет убитых животных [Окладников, Запорожская, 1970: 51–52, табл. 59]. «Рисунок этот по стилю, композиции и содержанию полностью помещается в рамках неолитического искусства сибирской тайги» [Там же: 131]. Лесная охотничья тема в петроглифах Забайкалья контрастирует с расположенными неподалеку рисунками степняков; *е* – сцена загонной охоты с луком на многофигурной композиции р. Нюкжа (фрагмент). Человек находится в движении, ноги расставлены, руки разведены. IV тыс. до н.э., средний неолит [Окладников, Мазин, 1976: 86, табл. 7]. По нашему мнению, рисунок «*е*» по стилю изображения животных (контурная прорисовка при большой схематизации фигур) и отсутствию характерной для неолита «лосиной» темы правильнее датировать бронзовым или ранним железным веком; *ж* – одно из двух изображений человека с луком на многофигурной Арбинской писанице (фрагмент). Конец I тыс. до н.э. – начало I тыс. н. э., ранний железный век [Окладников, Мазин, 1976: 74, 102, табл. 60]

могли быть оставлены представителями аборигенных юкагироязычных племен. При сопоставлении сюжетов и композиционного построения рисунков среднего неолита и бронзового века (рис. 1*а, б*) обнаруживается преемственность традиций на протяжении нескольких тысячелетий на локальной территории Центральной Якутии, однако различаются стилевые особенности почерка древних художников. Пока неясны причины трансформации художественных стилей от неолита к бронзовому веку (дивергентное влияние?), при этом константными остаются семантические связи антропоморфов с основным промысловым и культовым копытным животным таежной зоны.

Другой по абрису стиль в подаче лука принадлежит охотничьей группе иной южной культуры, где в неолите Забайкалья лук рисовали в виде дуги и в этой традиционной манере исполнения он появился севернее, в бронзовом – раннем железном веке южной Якутии. Соответственно наконечники стрел были изготовлены из металла. Меняются и объекты охоты: в неолите это лось, в позднем рисунке другие животные, в том числе пушной зверь (рис. 1*д, е*). Безусловно, представленная выборка сюжетов количественно незначительна, но уже намечается локус аборигенной петроглифической традиции и дивергентных изменений в ней, приведших в конечном итоге к упадку наскального искусства в железном веке Якутии. Мы пока не располагаем информацией о присутствии абрисов данного артефакта на писаницах северной Якутии, что могло бы показать распространенность выявленных форм или обнаружить новые. Остается невыясненным вопрос о луках аборигенного населения в период средневековья.

Теоретическая значимость. Наскальное искусство в совокупности с фольклорными и этнографическими данными, в частности тамгами юкагиров в виде луков и пиктографическим письмом, в сопоставлении с типами этого оружия у соседних народов позволяют в какой-то степени реконструировать примерные этапы эволюции артефакта в локусе Северо-Востока Якутии.

Практическая значимость. Работа демонстрирует генезис одного из артефактов аборигенной охотничьей культуры, способствует целостному представлению истории народов многонациональной Якутии и перспектив включения потомков пеших номадов Восточной Сибири в современный тренд арктических исследований и освоений.

II. Материалы и методы. Исследование луков как одного из главных атрибутов промыслового хозяйства коренного населения Якутии осуществлялось по опубликованным литературным данным, музейным коллекциям и материалам автора. В теоретическом и методологическом планах работа опирается на труды В.И. Иохельсона [2005а, б], А.П. Окладникова [1955, в соавт.: 1970, 1972, 1976, 1979], Ю.Б. Симченко [1976], З.И. Ивановой-Унаровой [2017]. По теме исследования приводятся выборки из словарных статей [Данилова, 2004; Иохельсон, 2005б; Курилов, 2001; Николаева, Шалугин, 2002; Спиридонов (Тэки Одулок), 2003]. Получены фото современных детских луков из музея юкагирской средней школы им. Тэки Одулока в с. Нелемное Верхнеколымского улуса РС (Я). Основные методы работы: сравнительно-сопоставительный, типологический, историко-системный, ретроспективный и структурный анализы. Междисциплинарный комплексный подход аккумулировал разнообразные сведения из многих источников, вплоть до пролонгации и функционирования артефакта в современных условиях. Ретроспективный метод и предпринятый экскурс в историческое прошлое позволили высказаться относительно многофункциональности древнейшего простого лука, в том числе его макетов.

III. Результаты. По историко-этнографическим данным конца XIX – начала XX вв. промысловая жизнь одулов (лесных юкагиров верхней Колымы) разделялась на два сезона: летом преимущественно рыболовство, зимой – охота на копытных. Этот промысловый цикл был экстраполирован на представления о «занятиях» теней-душ умерших в мире предков. Поэтому в летнее воздушное захоронение с умершим клали рыболовные принадлежности, в зимнее – лыжи с посохом, «импровизированный лук со стрелами», посуду, чучело собаки [Спиридонов (Тэки Одулок), 1996: 51]. «Импровизированный лук» означает специально изготовленный для похоронного обряда макет. Надо полагать, годовой хозяйственный цикл юкагиров тайги с чередованием периодов преимущественного рыбо-

ловства и охотпромысла не имеет древних корней, он сложился в условиях сокращения промысловых угодий, когда сезонно стали вычерпывать биологические ресурсы кочевой площади. Первоначально пользование луком и другими орудиями охоты было круглогодичным.

Наиболее полные сведения о юкагирских луках конца XIX – начала XX вв. имеются в работах В.И. Иохельсона [Иохельсон, 2005б: 555–556]. Верхнеколымские юкагиры имели луки двух типов: простой *эйэ*, в том числе усиленный, и составной *оуйэд-эйэ*. Детский *уорпэд-эйэ* для обучения мальчиков стрельбе делали по типу простых луков. Простой, не усиленный *эйэ* изготовляли из одного куска дерева (рис. 2*а*) [Симченко, 1976: 122, рис. 11], размеры не указаны. Центральная часть кибити заужена, в профилировке ее с внутренней стороны имеется утолщение. Концы имеют т-образную форму. Простые уменьшенные луки входят в конструкцию самострела *пукэлэд-эйэ* [Иванова-Унарова, 2017: 721, рис. 164] и капкана на мелких зверей. На рис. 2*б* представлена современная модель простого лука без тетивы, расстояние между концами 70 см (сборы автора статьи, передана в ЯГОМИиКНС РС(Я) [Жукова, 2011]).

Процесс изготовления составного *оуйэд-эйэ* описал В.И. Иохельсон. Он сделан из двух слоев: внешний – из лиственницы, внутренний – из березы, между ними прокладки из тонко разбитых сухожилий оленя и бересты/кожи (рис. 2*в*) [Иохельсон, 2005б: 555–556]. На средней части кибити для прочности захвата имелось небольшое сужение и утолщение. Тетиву *мараи* делали из скрученной кожи оленя или молодого лося, закрепляли на концах лука с помощью костяных ушков из оленьего рога или кости мамонта (рис. 2*г*). На концах ушков вырезали желобок для тетивы. Длина тетивы на рис. 2*в* равна 161 см. Конструкции концов луков и способы крепления тетивы у простого и составного луков разные.

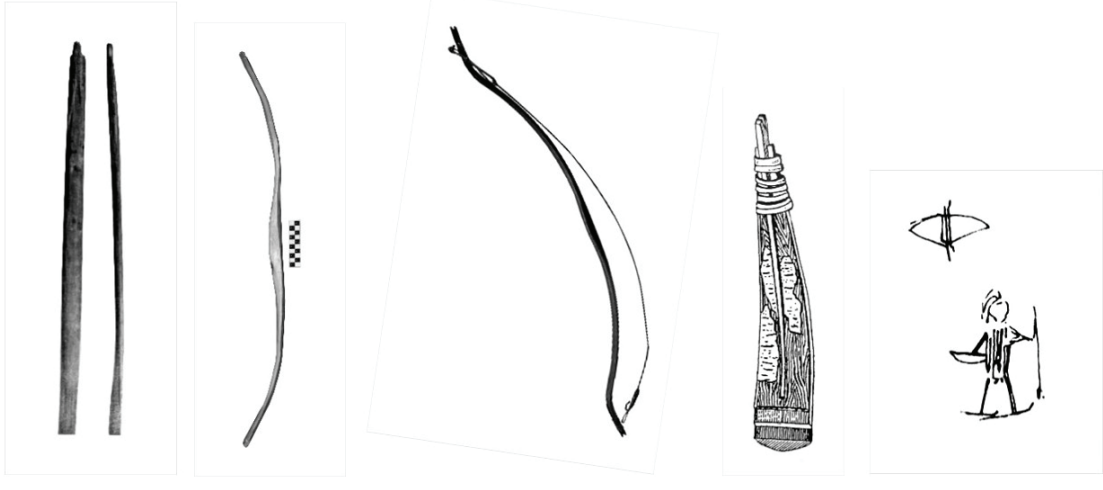


Рис. 2. а – простой юкагирский лук [Симченко, 1976]; *б* – макет простого *эйэ*. Мастер М.М. Лихачев [Жукова, 2011]; *в* – составной лук юкагиров из коллекции В.И. Иохельсона [Иванова-Унарова, 2017]; *г* – вставные ушки из кости с обмоткой [Иохельсон, 2005б]; *д* – охотник на лыжах с луком в одной руке и стрелой(?) в другой, вверху капкан на мелких зверей. Фрагмент пиктографического письма [Там же]

Луками лесные юкагиры пользовались на войне и на охоте. «В прежние времена молодые люди имели два лука, один для войны, другой для охоты. Первый был легким и маленьким… Тетиву лука воины натягивали слабо для того, чтобы можно было быстро и без большого напряжения выстрелить. Охотничий лук должен быть более упругим и тугим для увеличения расстояния и скорости полета стрелы» [Иохельсон, 2005б: 556–557]. С присоединением к Российскому государству войны между враждовавшими северными народами прекратились, и лук

стал только охотничьем оружием. С распространением огнестрельного оружия (юкагиры называют ружье *кукул-эйэ* «лук дьявола») потребность в луках сократилась. Только в случае поломки ружья, а также при отсутствии пороха или дроби одулы прибегали к луку.

Верхнеколымский юкагир, писатель и ученый Н.И. Спиридонов (Тэки Одулок) дал краткую характеристику охотничьего хозяйства одулов в начале XX в. (до 1930 г.), он писал, что для верхней Колымы характерна исключительно пешая охота с собакой. Объекты и средства охоты он разделил по сезонам в зависимости от природных зон (тундра и тайга). По его данным, верхнеколымские юкагиры только осенью прибегали к древнему охотничьему оружию – лукам. Осенью (конец августа – начало ноября) охотились на лося, оленя, медведя, зайца, белку, лисицу, горностая и боровых птиц с применением следующих средств охоты: «ружье, берданка и кремневка, петля и самострел, пасть (пад[ающая] ловушка), лук со стрелами, черкан (капкан на мелких зверей. – *Л. Ж.*) и силки» [Спиридонов, 1996: 30]. То есть еще в 1920-х гг. одулы эпизодически пользовались луками и стрелами. В одульских мужских промысловых письмах на бересте в сценах охот-промысла мужчины вооружены огнестрельным оружием, лишь в одном из писем промысловик на лыжах держит в руке лук (рис. 2*д*) [Иохельсон, 2005б: 613, рис. 69е]. В другой руке сжимает не стрелу, как полагал В.И. Иохельсон, а лыжный посох. В противном случае величина стрелы несоразмерна луку, кроме того, посох является обязательным атрибутом лыжника. Прочерченный на бересте небольшой эллипсовидный лук по абрису приближается к первому выявленному типу (см. рис. 1*а–г*).

Исследователь охотничьей культуры народов Северной Евразии Ю.Б. Симченко в 1976 г. писал о том, что две фундаментальные работы Б.Ф. Адлера по истории луков народов Северной Азии опубликованы в Германии в начале XX в. (1901, 1902 гг.). В частности, Б.Ф. Адлер отмечал южное происхождение сибирских луков, что обусловливалось передвижением «северосибирских инородцев» с юга на север. Он же высказал интересное замечание в отношении того, что луки народов Сибири постоянно изменялись. А после присоединения к России «лук перестал быть военным оружием, он стал менее совершенным и более приспособленным к охоте, чем к войне» [Симченко, 1976: 108]. Кроме юкагиров, простой лук бытовал на севере Евразии у ваховских хантов, нганасан, энцев, чукчей, у древних жителей побережья Берингова моря. Ю.Б. Симченко привел схемы простых одного нганасанского и двух энецких луков [Там же: 122, рис. 11]. Исследователь полагал, что на основе простых луков у народов северной Евразии появились усиленные, возникшие под влиянием южных соседей [Там же: 123].

Простые, в том числе усиленные луки с дополнительными накладками и обмотками из тонких полосок бересты и кожи, известны в инструментарии относительно молодых народов, сложившихся в Восточной Сибири во II тыс. н.э. – эвенов и якутов (саха). В эвенской коллекции В.Г. Богораза, собранной в с. Марково в конце XIX – начале XX вв. на западе Чукотки (р. Анадырь), имеются шесть луков простого типа (охотничьи и детские), датированные XVIII – XIX вв. Длина кибити луков разная: у охотничьих – 1) 177,1 см; 2) 148,5 см; 3) 145 см [Иванова-Унарова, 2017: 588, рис. 358–360]; детские луки предназначены для охоты на птиц – 4) 101,1 см; 5) 117,5 см.; 6) 62,4 см [Там же: 597, рис. 384–386]. По длине кибити охотничьи луки варьируют от 145 см до 177,1 см, детские – от 62,4 см до 117,5 см. Эвены как этническая общность сформировались на территории Восточной Сибири в относительно позднее время, в своем этнокультурном составе они имеют юкагирские аборигенные и пришлые тунгусские компоненты. Полагаем, к аборигенному компоненту относятся простые луки анадырских эвенов, находившихся в близком соседстве и родстве с юкагирскими племенами.

Аборигенный компонент вошел в состав сложившегося в Центральной Якутии народа саха (якутов), в результате в охотничьем инвентаре саха появились простые луки «северного» типа. Длина кибити якутского лука северного усиленного типа 173 см (XVIII–XIX вв., сборы В.И. Иохельсона) [Там же: 248, рис. 323]. Простой лук лежит в основе конструкции якутского охотничьего лука-самострела *айа* (длина кибити 104 см) [Там же: 249, рис. 325]. Возможно, из юкагирского языка в якутский вошло название лука-самострела от юк. *эйэ* «лук»,

айа «веселиться, развлекаться» [Иохельсон, 2005б: 449, 469].

Длина кибити усиленных простых луков эвенов и якутов из сборов В.Г. Богораза и В.И. Иохельсона (коллекция Американского музея естественной истории, США) находится в пределах 145–177,1 см. Несомненно, величина луков должна была соразмеряться с ростом владельцев. В связи с этим интересны антропометрические замеры лесных юкагиров. «Юкагиры являются самым низкорослым народом Северо-Восточной Сибири… средний рост мужчины составляет 1560 мм, женщин – 1470 мм» [Там же: 59]. Трудно представить, чтобы в условиях снежной таежной зимы пеший юкагир промысловик или воин имел лук, превосходивший его своей высотой. Такой большой юкагирский лук, состоящий из двух слоев дерева, приведен в книге В.И. Иохельсона: длина тетивы – 161 см, лука – 164 см (см. рис. 2*в*). В каталоге, составленном З.И. Ивановой-Унаровой, у этого лука (инв. № 70/8457) уточнены величины, равные соответственно 154 см и 157 см [Иванова-Унарова, 2017: 721, рис. 163].

По В.И. Иохельсону, юкагиры имели один лук для войны, другой для охоты. Первый был легким и маленьким, в музейных коллекциях он не сохранился. Можно полагать, о них косвенно сообщают приведенные выше наскальные рисунки периодов неолита – бронзового века Центральной Якутии, небольшие и эллипсовидные по абрису (см. рис. 1*а–г*). Однако сюжеты рисунков не касаются военной темы. Боевым луком, вероятно, вооружен мужчина в пиктографическом письме (см. рис. 2*д*). Все другие рисунки этого письма посвящены теме зимней охоты и рыбалки. Фигура лучника стоит особняком крупным планом и символизирует покой и охрану родовых промысловых угодий. Такое прочтение фигуры лучника тем более вероятно, что на других письмах мужчины изображены вооруженными огнестрельным оружием.

Предназначен для промысловой охоты крупный по величине лук одулов, упругий и тугой. Следует полагать, что юкагирские промысловые луки XVIII – начала XX вв. преимущественно были крупными усиленными или составными. Составные луки юкагиров находят аналоги в другом круге сибирских культур: «К востоку от Енисея, вплоть до Чукотки, был распространен лук единой конструкции, отличный от западносибирского. Этот лук бытовал у эвенков, эвенов, якутов и лесных юкагиров. Основа его состояла из двух частей, как у западносибирского, но концы вклеивались иначе» [Симченко, 1976: 116]. Примечательно присутствие восточносибирских луков в арсенале разных по происхождению народов: уралоязычных юкагиров, тунгусоязычных эвенков и эвенов, тюркоязычных якутов. «Появление сложных луков в Северной Евразии следует, по всей вероятности, связывать с широтными перемещениями самодийцев или кетов в Западной Сибири и тунгусоязычных народов в Восточной Сибири в сравнительно позднее время, чем и объясняется существование двух основных типов луков лесной полосы» [Там же: 135]. Луки сложной конструкции нганасанам и энцам поставляли енисейские ненцы или кеты [Там же: 108].

Предположение о тунгусском происхождении составных луков Восточной Сибири, имеющих конструктивное сходство с западносибирскими, нуждается в уточнении. Косвенно о проникновении иного типа луков сообщает наскальное искусство Якутии (рассмотренный второй тип), луки предположительно более крупных размеров (усиленные простые или составные) и соответственно рослые представители пришлых из Забайкалья племен. Время их проникновения определяется бронзовым – ранним железным веком, скорее всего, это были нетунгусские группы пеших охотников. Говорить о влиянии луков южного хуннского типа не позволяет дугообразный абрис.

Ю.Б. Симченко исследовал составные луки юкагироязычных чуванцев западной Чукотки: оформления концов луков и другие детали имеют сходства с чукотскими (рис. 3*а*, *б*). Автор относит их к переходному типу между восточносибирскими и чукотскими луками [Там же: 116, 119].

Тамги двух территориальных групп колымских юкагиров запечатлены в документах XVII в. еще до окончательного замирения северных народов (рис. 3*в*, *г*) [Там же: 130–131]. Не беремся судить, имеются ли сходства с древними эллипсовидными, ясно только, что они являются промежуточным звеном между писаницами и пиктограммой с лучником. Тамги отличаются от эвенкийских и эвенских: «в них не

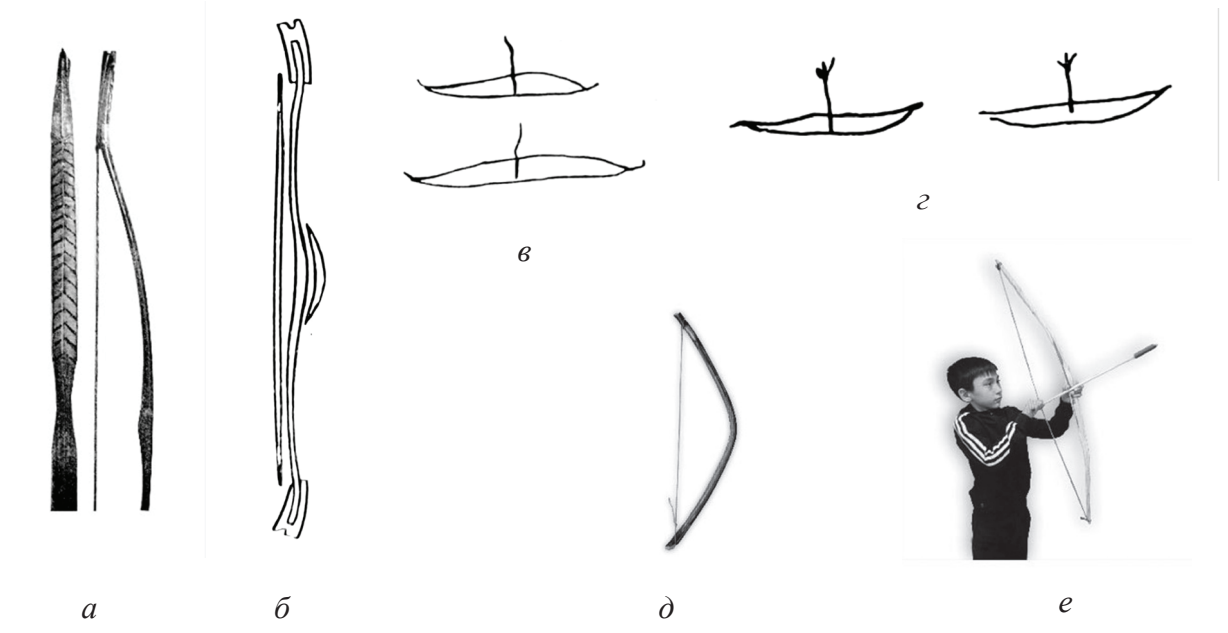


Рис. 3. *а*, *б* – составной лук юкагиров-чуванцев [Симченко, 1976]; *в* – тамги в виде луков нижнеколымских и *г* – среднеколымских юкагиров. XVII в. [Там же]; *д*, *е* – детские луки из экспозиции школьного музея с. Нелемное

выделены концы, тетива и основа соединены на торцах… При сравнении юкагирских знаков с тамгами того же типа их соседей обнаруживается своеобразие графических приемов первых. На рисунках не акцентируется такая конструктивная особенность, как отогнутые по отношению к кибити концы. Точка соединения тетивы и основы изображается или на самих торцах, или близко к ним» [Там же]. Ю.Б. Симченко считает, что народы Севера так прорисовывали простые луки. Примечательно, что на собранных у народов Сибири и Европейской части России тамгах имеются кибити, тетива луков и обычно стрела, знаки в виде дуг отсутствуют.

Устное народное творчество одулов сообщает, что луки были обычным вооружением мужчин охотников-промысловиков и воинов. Фольклор часто повествует о сражениях юкагиров на луках с враждебными народами (эвены, коряки), редки сюжеты о нападении на представителей царской администрации, якутских князцов. Если мужчина вышел на промысел или сражение, то говорится только, что он надел колчан для стрел. Луки имели шаманы, и они, как воины, боролись с помощью луков с враждебными народами или другими шаманами наряду с использованием иных специфических и магических приемов. Очень редко сообщается о девушке с луком, вышедшей из дома для добычи лося, причиной служило отсутствие мужчины-кормильца. Это свидетельствует об обучении девочек стрельбе из лука. Вооружены луками сказочные персонажи: Мифический Старик-людоед; стреляют друг в друга рыбы и птицы, в результате получают отметины на всю жизнь (этиологический текст) [Иохельсон, 2005а, № 13, 29, 36, 52, 57, 62–67; Иохельсон, 2005б: 339–342, 355–356, 360–363; Жукова и др., 1989, ч. 1, № 10, 21, ч. 2, № 37]. В записях конца XX в. упоминается о луках реже, чем в материалах В.И. Иохельсона. Замечено, что в фольклорных текстах, записанных на протяжении более ста лет (конец XIX – начало XXI вв.), луки как вооружение мужчин в контексте сражений преобладают над применением их в промысловых целях, в текстах не встречаем даже намека о разделении на два типа.

Одульский детский *уорпэд-эйэ* «лук для обучения мальчиков стрельбе» (рис. 3*д*, *е*) делали по типу простого *эйэ* отец, родственники или, как сейчас, заказывают одному мастеру. Лук на рис. 3*д* сделан А.Е. Солнцевым, длина тетивы 32 см, на рис. 3*е* лук изготовлен В.Г. Шалугиным-Слепцовым, тетива 96 см. Юкагирские мальчики на занятиях школьного спортивного клуба «Кичил» тренируются в точности стрель-

бы из луков по мишеням, в том числе по шкуре лося/оленя, макетам уток (Сообщение А.Н. Мироновой, 1979 г.р., с. Нелемное, 2021 г.). У детей юкагиров тундры игра с луком (стрельба в цель) называется *нондайwэлэк йуорал* [Данилова, 2004: 74].

Приведем некоторые словарные материалы лесных (Л) и тундровых (Т) юкагиров, касающиеся лука и его составных частей. Цифрами обозначены следующие источники: (1) – [Данилова, 2004]; (2) – [Иохельсон, 2005б]; (3) – [Курилов, 2001]; (4) – [Николаева, Шалугин, 2002]; (5) – [Спиридонов (Тэки Одулок), 2003].

Лук (Л) – *эйэ* (2; 4; 5); *айи* (2: указан только в рус. переводе, также «стрелять, вести огонь», ср.: *айа* – веселиться, развлекаться)

Лук (Т) – *аандawиэ* (1); *ари* (2)

Кибити (Л) – *эйэн-шаал* (2: «дерево лука»); *ej̓en-migam* (5: «лука рука»), (ср. 4: *нугэн* «рука»)

Внешний слой лука из лиственничной крени (Л) – *эйэд-аалэ* (2)

Рога с ушками (Л) – *эйэ-мараи-морэйэ* (2)

Кожаные браслеты для защиты руки (Л) – *эйэ-марайэ-эйунуйэ* (2: «получатель тетивы лука») и *нугон-тобуль* (2: «покрытие руки»)

Самострел (Л) – *эйэ пухиль* (1: ошибочно указан как простой «лук (оружие)»); *пукэлэд-эйэ* (2: возможно от *пукэльэ* «снег»); *paqil-dieje* (5)

Самострел (Т) – *йанил* (1)

Особое приспособление (на самостреляющем луке), посредством которого придерживается сильно натянутая тетива самострела до выстрела (Л) – *circhugu suje* (5)

Стрела (Л) – *йоготии мухил* (1); *йо5отии* (2; 4)

Стрела (Т) – *чawур* (1)

Колчан (Л) – *йо5/готиид абут* (1; 2; 4)

Колчан (Т) – *чawундawур* (1); *чоуд-авур* (2)

Тетива (Л) – *эйэ-мараи* (1; 2; 5); *марай* (4)

Натянуть (тетиву) (Л) – *ачи* (2); *аасиим* (4)

Шкура с шеи животного (Т) – *ньамиин сава* (3). Тетиву изготовляли из шкуры с шеи дикого оленя, сняв шерсть.

Название лука «колымских юкагиров», по-видимому, лесных, приводится Ю.Б. Симченко как *eje-deje* [Симченко, 1976: 135].

Лексика лесных и тундровых юкагиров по теме исследования имеет различия, что укладывается в общее различие языков/диалектов двух родственных территориальных групп. Ю.Б. Симченко выявил сходство в названиях луков северных уральцев (энцы, нганасаны, манси, юкагиры), известное подобие, считает автор, «может служить лишним подтверждением существования в прошлом в Заполярье единого в общих чертах простого лука и позднего появления сложного лука двух типов в лесной полосе» [Там же].

IV. Обсуждение. Луки прошлых эпох кроме утилитарного назначения имели еще и иное применение. Существовали ритуальные обряды, в которых одулы использовали луки или их макеты, всего известно четыре.

1. Луки применяли в похоронной обрядности. В.И. Иохельсон в конце XIX в. осмотрел воздушные могилы юкагиров, в том числе оставленные до прихода русских в XVII в. В них отмечено присутствие полуистлевших предварительно сломанных луков [Иохельсон, 2005б: 312–314]. Обычно ломали натуральные предметы из сопроводительного инвентаря, вместе с тем уже приводилась ссылка на Н.И. Спиридонова (Тэки Одулок), писавшего об «импровизированных» луках в зимних захоронениях, то есть о моделях-заместителях. К примеру, в мужские захоронения нганасан и энцев клали луки простые и сложные, натуральные и модели, причем последние в натуральную величину, специально сделанные для покойника [Симченко, 1976: 116].

2. Одульский фольклор сообщает об изготовлении женщиной лука и стрелы с магическими целями. Утром отец и мать обнаруживают, что взрослый сын ушел из дому. Прождав до вечера, отец намерен отыскать сына и передать важное сообщение, касающееся его семейной жизни. Мужчина попросил свою супругу подать дорожную одежду и лук со стрелой. Женщина изготовила и подала мужу лук («лиственничную ветку, натянув, дала») и стрелу («талину, приготовивши, дала»). Муж «до большой безлесой поляны дошел. Упомянутую свою стрелу вверх бросил. Сказал: «С концом-невидимкой деревом сделайся». На то дерево поднялся. До верхушки дошел, потом смотрит: сын его немножко (с трудом) виднеется. Потом закричал…» [Иохельсон, 2005а, № 5]. Сын услышал, получил нужную информацию и поступил так, как велел отец.

В сказочном тексте волшебное «дерево с концом-невидимкой», возникшее из стрелы, ру-

котворно, его появление обусловлено магией предметов, созданных женщиной. В данном случае изготовление лука и стрелы не мотивировано промысловыми целями. Обозначим следующие звенья ритуала:

– обращение мужчины с просьбой к жене;

– женщина из ветки лиственницы делает лук, из тальника – стрелу;

– передает изготовленные предметы мужчине.

Не сообщается, были ли произнесены женщиной какие-либо слова заклинаний, что весьма вероятно. Затем ритуальные действия совершает мужчина:

– избирает соответствующее место – большую безлесую поляну;

– с заклинанием «с концом-невидимкой деревом сделайся» бросает стрелу вверх (стреляет из лука);

– превращение стрелы в волшебное дерево;

– поднимается «до верхушки» этого дерева;

– появляется возможность через время и расстояние (один день пешего пути) увидеть сына, сообщить информацию и быть услышанным им.

В устранении семейного конфликта помощь сыну оказывают мать и отец. Женская тема в сказочном тексте выделена особо: 1) магические свойства приобретают сделанные женщиной лук и стрелы; 2) помощь оказывает родовое поколение женщин, воплощенное, полагаем, в образе «дерева с концом-невидимкой». Это юкагирский вариант известного мифопоэтического образа Мирового Древа. Определение «с концом-невидимкой» указывает на неограниченную высоту родового дерева и устремленность к небу. Изготовление и применение волшебных предметов рассматриваются как способ ритуального обращения за помощью к предкам по женской линии. Ритуал совершают родители с целью заботы о семейном благополучии сына и продолжении рода, отец юноши является инициатором и исполнителем обряда.

Сказка демонстрирует семантическую значимость предметов, изготовленных женщиной с обрядовыми целями. Лук и стрела, по-видимому, не имели каких-либо символических знаков, украшений или раскраски, это были модели традиционных предметов, их изготовление также не сопровождалось особой обрядностью. В фольклоре юкагиров и других народов севера особой силой обладают вещи, принадлежащие, сделанные или поданные женщиной [Жукова, 2012: 207–209]. Так, у приамурских дауров, имевших этнокультурные связи с эвенками-орочонам и монголам, герой сказки Апкати Мэргэн жил в лесу с матерью. В пять-шесть лет «взяв лук и стрелы, сделанные матерью, не боясь волка и барса, отправлялся на охоту на птиц и возвращался домой, настреляв полный подол жаворонков». В десять лет уже стрелял «в летящих в небе гусей и бегущих по земле зайцев» [Цыбенов, 2021: 152].

3. Промысловая магия в начале XXI в. сохраняется в культурной памяти одулов и свидетельствует о преемственности неолитических традиций. Раннему приобщению мальчиков к традициям предков служит стрельба из лука по вырезанным из бересты или жести мишеням в виде лося, по шкуре животного. Мишень имеет прямое отношение к промысловой магии взрослых охотников. Охотники в случае крайней необходимости (долгое отсутствие добычи) перед промыслом изготовляли плоскостной макет животного и стреляли в него для добывания охотничьей удачи [Жукова, 2008]. Для таких магических обрядов лук и стрелы выстругивали в виде моделей. Не исключено, что подобным обрядовым целям в прошлом служили отдельные изображения лосей на писаных скалах, а промысловик мог воспользоваться натуральным охотничьим инвентарем.

Среди рисунков на скалах встречаются числовые серии животных, например, 9 однотипных фигур лосей на писанице Булгуньяхтах [Окладников, Запорожская, 1972, табл. 164, рис. 1] или 14 пушных зверьков в «картинной галерее» р. Токко [Окладников, Мазин, 1976, табл. 35, рис. 1–12, 14, 16]. Предполагается, что числовые серии отражают магические обряды испрашивания охотничьей удачи, фиксации добычи и благодарения. Около скал с изображениями лосей и других промысловых животных обычны жертвенники с дарами многих поколений промысловиков. «Остяки (ханты), – цитирует Ф. Белявского А.П. Окладников, – оказывают почтение горам и деревьям… ни один остяк не проедет мимо без того, чтобы не выстрелить сперва из лука в то место, где находится святыня, чем и оказывается благопочтение» [Окладников, Запорожская, 1972: 80]. У аборигенов Якутии кроме непосредственного принесения жертвенных подарков, ве-

роятно, существовала ритуальная стрельба из луков в фигуры на скалах.

Магические обряды привлечения охотничьей удачи с использованием натуральных луков или их моделей известны сибирской этнографии. А.П. Окладников со ссылкой на ряд исследований приводит описание многоактных обрядов *шингкэлавун* у эвенков, где присутствовали только мужчины и шаман [Окладников, 1955: 105–107] и обряд проводов богини Айыысыт у якутов, исполняемый женщинами [Там же: 46–47]. В завершении действия эвенки изготавливают макеты промысловых животных и птиц и стреляют в них из луков. Отдельные сцены обряда *шингкэлавун* А.П. Окладников охарактеризовал как «чисто магический обряд, сохраняющий отчетливые следы палеолитической религии», а в якутском культе богини Айыысыт «сохранились такие черты, которые могут быть поняты только в том случае, если уйти далеко вглубь времен». Обряд проводов богини Айыысыт совершают на третий день после благополучных родов роженицы. Во втором акте взрослая женщина разводит огонь в жилище, в этот момент одна из присутствующих девушек или мальчик «выпускает из небольшого лука стрелу в изображение лося или оленя». Интересно, что в канву магического послеродового действа включен охотничий обряд, в котором мишенями являются традиционные промысловые копытные тайги и тундры. Это яркий пример адаптации пришлых степных предков якутов к этнокультурному окружению и фауне Восточной Сибири.

К стартовому этапу рассматриваемых обрядов относятся вышеприведенные наскальные рисунки р. Алдан и Средней Лены. На рис. 1*а–в* у животных нет рогов, обычно так изображали самок [Окладников, Запорожская, 1972, табл. 139]. Выяснено, что рис. 1*а* и *б* различаются хронологически, стилями изображения людей и животных, но объединены общим идейно-композиционным замыслом: человек в движении с луком в руках преследует лосиху. В композицию с антропоморфами-лучниками включены знаки символического испрашивания охотничьей удачи (три пятна/два пятна и вертикальная полоса). В таком случае визуальные тексты читаются не как сцены охоты на лосей (например, охота на лося/трехпалую лосиху с собаками [Там же, табл. 30/2, 50]), а иллюстрируют известные обряды испрашивания у хозяйки скалы, матери/бабушки-Лосихи промысловой удачи. Этот же обряд запечатлен на рис. 1*в*: шагающий человек с луком находится перед трехпалой лосихой, а трехпалость в юкагирской культуре характеризует образ предка [Жукова, 2022].

4. В народной медицине одулов при лечении желтухи использовали «миниатюрный лук». Из лука стрелами с костяными наконечниками заболевший стрелял в двух щук, находившихся в двух берестяных коробицах с водой. При этом он приговаривал: «Вашу пеструю шкурку мне дайте, мою желтую шкуру себе возьмите. У вас глаза желтые, пусть и шкурка будет желтой». Убитых щук вместе с водой выливали в «импровизированную» яму и засыпали песком, «чтобы духи желтой болезни, перешедшие в щук, были зарыты землей» [Спиридонов (Тэки Одулок), 1996: 43]. Под «миниатюрным луком» подразумевается макет небольших размеров. Применение лука и стрел с костяными наконечниками, заговор при изгнании духа являются отсылкой к обрядам древней магии, а засыпание песком «импровизированной» ямы с «духами» болезни относится к более позднему времени, когда юкагиры познакомились с грунтовыми захоронениями. Перед нами один из приемов борьбы с невидимыми духами-врагами без участия шамана.

Таковы известные обрядовые действия одулов с применением лука. Форма деревянной дугообразной основы предмета в отдельных случаях приобретала отрицательную коннотацию. Если человек обстрижет ноготь на пальце в виде дуги, то им как «луком» может воспользоваться злая сила и направить против самого человека. Поэтому обрезать ноготь надо по частям (сообщение В.Г. Шалугина, с. Нелемное). В поисках аналога обратимся к наскальным рисункам с антропоморфами, держащими луки дугообразных форм, в контексте информации В.Г. Шалугина они представляют образ врага (см. рис. 1*д–ж*). Различия в изобразительном абрисе артефактов (эллипсовидные – дугообразные) могут читаться как этнокультурные отличия. Так, два верхнеколымских юкагирских рода, кочевавшие по рр. Коркодон и Поповой, имели по-разному вырезанные задние концы лыж, обсуждение этого отличия привело к межродовой вражде [Иохельсон, 2005а, № 35]. Отличались по крою головные уборы разных групп коряков [История и

культура коряков, 1993: 45–46]. При более близком родстве изобразительные каноны могли сохраняться длительное время. Рассматривая тамги трех родовых групп баргузинских эвенков Иркутского уезда, Ю.Б. Симченко отметил: «разные люди, ставившие свои тамги, рисовали лук в одной манере», а изображения луков манси не изменились на протяжении XVII – конца XIX вв. [Симченко, 1976: 128–129]. Напрашивается вывод: абрис второго типа луков (с наконечниками стрел из металла) в петроглифах принадлежит привнесенной с юга традиции, не родственной аборигенной. По историческим данным, в средневековье юкагиры Южной и Центральной Якутии под натиском пришлых племен с железным вооружением откочевали в северном и северо-восточном направлениях. Этот факт косвенно объясняет, почему эллипсовидные абрисы луков с наскальных рисунков Центральной Якутии обнаруживаются в материалах колымских юкагиров.

V. Заключение. В прошлом в традиционной культуре лесных юкагиров лук и стрелы имели практическую значимость в годовом хозяйственном цикле и во время боевых стычек, были включены в обрядовую сферу и народную медицину. Луки разделялись на простые, простые усиленные, составные, ритуальные и детские; макетами обходились в семейной и медицинской магии.

Первоначально простые небольшие луки из одного куска дерева использовали для охоты и войны, на их древность указывает наскальное творчество (эллипсовидный абрис), применение в обрядах и обучающих играх детей. Появившиеся позднее простые усиленные и составные луки вытеснили аборигенные формы и в условиях повышенной ценности пушнины стали промысловыми, в то время как за маленькими и легкими осталась только боевая функция. Точно так же в начале XX в. у ваховских хантов были два типа луков: простой, употреблявшийся в сторожевых целях, и сложный [Симченко, 1976: 111]. В зале коренных народов Америки Музея антропологии и этнографии (Санкт-Петербург) экспонируются типы луков эскимосов, индейцев разных групп, в перспективе могущие стать источником сопоставительных работ. Ныне верхнеколымские одулы не имеют мастеров по изготовлению традиционных типов луков, кроме детских в обучающих и соревновательных целях.

Сокращения:

ЯГОМИиКНС РС(Я) – Якутский Государственный объединенный музей истории и культуры народов Севера Республики Саха (Якутия)

Список литературы:

Данилова А.А. Бытовая лексика юкагирского языка: материальная культура. Новосибирск: Наука, 2004. 88 с.

Жукова Л.Н. Лось в древнем и современном искусстве аборигенов Якутии (этнографический аспект) // Якутский архив. 2008. № 3. С. 97–102.

Жукова Л.Н. Декоративно-прикладное искусство лесных юкагиров. Альбом. Якутск: Якутский край, 2011. 24 с.

Жукова Л.Н. Очерки по юкагирской культуре. Ч. 2. Мифологическая модель мира. Новосибирск: Наука, 2012. 360 с.

Жукова Л.Н. Трехпалые персонажи юкагирского фольклора в историко-этнографическом контексте // Материалы Всероссийской научной конференции «Эпические традиции народов Евразии: проблемы и перспективы исследования. К 100-летию якутского эпосоведа Н.В. Емельянова». Якутск, план издания 2022 г.

Жукова Л.Н., Николаева И.А., Демина Л.Н. Фольклор юкагиров верхней Колымы. Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 1989. Ч. 1. 161 с.; Ч. 2. 89 с.

Иванова-Унарова З.И. Материальная и духовная культура народов Якутии в музеях мира (XVII – начало XX вв.). Кн. 1: Сибирская коллекция в музеях США. Якутск: Бичик, 2017. 783 с.

Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Якутск: Бичик, 2005а. 270 с.

Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы [Пер. с англ. В.Х. Иванова и З.И. Ивановой-Унаровой]. Новосибирск: Наука, 2005б. 675 с.

История и культура коряков [Под ред. А.И. Крушанова]. СПб.: Наука, 1993. 236 с.

Окладников А.П. История Якутской АССР. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 432 с.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. Ч. 2. Л.: Наука, 1970. 363 с.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Средней Лены. Л.: Наука, 1972. 271 с.

Окладников А.П., Мазин А.И. Писаницы реки Олекмы и Верхнего Приамурья. Новосибирск: Наука, 1976. 190 с.

Окладников А.П., Мазин А.И. Петроглифы бассейна реки Алдан. Новосибирск: Наука, 1979. 152 с.

Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М.: Наука, 1976. 311 с.

Спиридонов Н.И. (Тэки Одулок). Одулы (юкагиры) Колымского округа. Изд. 2. Якутск: Северовед, 1996. 80 с.

Цыбенов Б.Д. Этнокультурные контакты дауров с другими этносами (по фольклорным материалам) // Актуальные проблемы изучения дописьменной истории Северной Евразии: Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 75-летию д.и.н. А.Н. Алексеева. Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2021. С. 151–156.

Словари:

Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2001. 607 с.

Николаева И.А., Шалугин В.Г. Словарь юкагирско-русский и русско-юкагирский (верхнеколымский диалект). СПб.: Дрофа, 2002. 191 с.

Спиридонов Н.И. (Тэки Одулок). Юкагирско-русский словарь. Эвенско-русский словарь. Якутск, 2003. 57 с.

References:

Danilova A.A. *Bytovaja leksika jukagirskogo jazyka: material'naja kul'tura* [Household vocabulary of the Yukagir Language: material culture]. Novosibirsk: Science Publ., 2004. 88 p. (In Russian)

Zhukova L.N. *Los' v drevnem i sovremennom iskusstve aborigenov Jakutii (etnograficheskij aspekt)* [Elk in the ancient and modern art of the aborigines of Yakutia (Ethnographic aspect)]. Yakutski arhiv [Yakut Archive]. 2008, № 3. P. 97–102. (In Russian)

Zhukova L.N. *Dekorativno-prikladnoe iskusstvo lesnyh Yukagirov. Al'bom* [Decorative and applied art of the forest Yukagirs. Album]. Yakutsk: Yakut Region, 2011. 24 p. (In Russian)

Zhukova L.N. *Ocherki po jukagirskoj kul'ture. Ch. 2. Mifologicheskaja model' mira* [Essays on Yukagir culture. Part 2. Mythological model of the world]. Novosibirsk: Science Publ., 2012. 360 p. (In Russian)

Zhukova L.N. *Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii "Epicheskie tradicii narodov Evrazii: problemy i perspektivy issledovanija. K 100-letiju yakutskogo eposoveda N.V. Emel'janova". Trehpalye personazhi jukagirskogo fol'klora v istoriko-etnograficheskom kontekste* [Materials of the All-Russian scientific conference "Epic traditions of the peoples of Eurasia: problems and prospects for research. Three-fingered characters of Yukagir folklore in the historical and ethnographic context]. Yakutsk: 2022. (In Russian)

Zhukova L.N., Nikolaeva I.A., Demina L.N. *Fol'klor Yukagirov verhnej Kolymy* [Folklore of the Upper Kolyma Yukagirs]. Yakutsk: Publ. Yakut Un-ty, 1989. Part 1. 161 p.; part 2. 89 p. (In Russian)

Ivanova-Unarova Z.I. *Material'naja i duhovnaja kul'tura narodov Yakutii v muzejah mira (XVII – nachalo XX vv.)* [Material and spiritual culture of the peoples of Yakutia in museums of the world (17th – early 20th centuries)]. *Kn. 1, Sibirskaja kollekcija v muzejah SShA.* [Book 1, Siberian collection in US museums] Yakutsk: Bichik Publ., 2017. 783 p. (In Russian)

Iohel'son V.I. *Materialy po izucheniju yukagirskogo jazyka i fol'klora, sobrannye v Kolymskom okruge* [Materials on the study of the Yukagir Language and folklore collected in the Kolyma District]. Yakutsk: Bichik Publ., 2005a. 270 p. (In Russian)

Iohel'son V.I. *Yukagiry i jukagirizirovannye tungusy* [Yukagirs and yukagirized Tunguses]. Translate from English by V.H. Ivanova i Z.I. Ivanovoj-Unarovoj. Novosibirsk: Science Publ., 2005b. 675 p. (In Russian)

Istorija i kul'tura korjakov [History and culture of the Koryaks]. Pod red. A.I. Krushanova. St. Petersburg: Science Publ., 1993. 236 p. (In Russian)

Kurilov G.N. *Yukagirsko-Russkii slovar'* [Yukagir-Russian Dictionary]. Novosibirsk: Science Publ., 2001. 607 p. (In Russian)

Nikolaeva I.A., Shalugin V.G. *Slovar' Yukagirsko-Russkii i Russko-Yukagirskii (verhnekolymskij dialekt)* [Yukagir-Russian Dictionary and Russian-Yukagir (Verkhnekolymsky dialect)]. St. Petersburg: Drofa Publ., 2002. 191 p. (In Russian)

Okladnikov A.P. *Istorija Jakutskoj ASSR* [History of the Yakut ASSR]. Moscow-Leningrad: Publ. Academy of Science USSR, 1955. 432 p. (In Russian)

Okladnikov A.P., Zaporozhskaja V.D. *Petroglify Zabajkal'ja* [Petroglyphs of Transbaikalia]. Part 2, Leningrad: Science Publ., 1970. 363 p. (In Russian)

Okladnikov A.P., Zaporozhskaja V.D. *Petroglify Srednej Leny* [Petroglyphs of the Middle Lena]. Leningrad: Science Publ., 1972. 271 p. (In Russian)

Okladnikov A.P., Mazin A.I. *Pisanicy reki Olekmy i Verhnego Priamur'ja* [Petroglyphs of the Olekma River and the Upper Amur Region]. Novosibirsk: Science Publ., 1976. 190 p. (In Russian)

Okladnikov A.P., Mazin A.I. *Petroglify bassejna reki Aldan* [Petroglyphs of the Aldan River basin]. Novosibirsk: Science Publ., 1979. 152 p. (In Russian)

Simchenko Ju.B. *Kul'tura ohotnikov na olenej Severnoj Evrazii* [Culture of deer hunters of Northern Eurasia]. Moscow: Science Publ., 1976. 311 p. (In Russian)

Spiridonov N.I. (Tjeki Odulok). *Oduly (Yukagiry) Kolymskogo okruga* [(Teki Odulok). Oduls (Yukagirs) of the Kolyma District]. Publ. 2, Yakutsk: Severoved Publ., 1996. 80 p. (In Russian)

Spiridonov N.I. (Tjeki Odulok). *Yukagirsko-Russkii slovar'. Evensko-Russkii slovar'* [Yukagir-Russian Dictionary. The Even-Russian Dictionary]. Yakutsk, 2003. 57 p. (In Russian)

Cybenov B.D. *Etnokul'turnye kontakty daurov s drugimi jetnosami (po fol'klornym materialam)* [Ethnocultural contacts of Daurovs with other ethnos (according to folklore materials)]. *Aktual'nye problemy izuchenija dopis'mennoj istorii Severnoj Evrazii: Sbornik materialov Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, posvjashhennoj 75-letiju d.i.n. A.N. Alekseeva.* [Actual problems of studying the pre-literate history of Northern Eurasia: Collection of materials of the All-Russian Scientific conference with international participation, dedicated to the 75th Anniversary of Doctor of Historical Sciences. A.N. Alekseeva] Yakutsk: IHRISN SO RAN Publ., 2021. Pp. 151–156. (In Russian)

L.N. Zhukova

Ethnography of One Object: Yukagir Bow

Scientific novelty. The analysis of paleo-ethnographic and ethnographic data is carried out with the use of language and folklore materials about the use of one of the main attributes of the hunting culture – bows by the forest Yukagirs (Oduls) and their ancestors. The information about the use of bows in the ritual sphere is systematized, as well as magical properties, if the object was made by a woman. The spheres of modern demand are determined. *The aim and tasks.* The fishing, combat, ritual and children's bows are studied on the example of the peripheral ethno-ecological locus of the Yukagirs of the Upper Kolyma. The preservation of these artifacts in the material and spiritual culture is determined in the range of the early Yukagir time (Late Neolithic – Bronze Age) – traditional culture (17th – early 20th centuries) – modernity (late 20th – early 21st centuries). *Research methods*. The study was conducted in the diachronic and synchronous ranges. An integrated interdisciplinary approach was used to characterize the hunting economy of the indigenous population of Yakutia from antiquity to modern times. The fishing and war tools of the Yukagirs and their ancestors have been studied based on archaeological, historical, ethnographic, folklore and linguistic data, which made it possible to determine the proposed vector of adaptive changes in the studied chronological periods.

Results. An analysis of various data including museum sources showed that oduls and their ancestors in the past were well versed in the art of archers. Bows (eie) were divided into simple and compound, fishing and combat, ritual and children's. Simple bows made from a single piece of wood were the oldest, typical of the basic manufacturing principle for the hunting tribes of Western and Eastern Siberia. The materials of the 19th – early 20th centuries testify that simple bows, including reinforced ones, existed in the north of Eurasia among the Vakhovsky Khanty, Nganasans, Enets, Yukagirs, Chukchi, Evens, Yakuts and in the past among the ancient inhabitants of the coast of the Bering Sea. The antiquity of the simple eie among the Yukagirs is indicated by the use of its models in magical/ritual rites and educational games for children. Ritual practice reveals the previously unexplored significance of bows and arrows made by a woman. The tradition of creating life-size hunting and combat items and their use by the Yukagirs has now been lost.

Keywords: Northeast Siberia, Yukagirs, types of bows, history and evolution, hunting, ritual sphere

О.Б. Степанова

DOI: 10.25693/SVGV.2022.40.3.002
УДК 39(571.1)

Жизненное пространство Верхнего Таза: этнолокальный ландшафт реки Покольки

Научная новизна. Тема локальных зон селькупского обжитого пространства до сих пор еще никем не рассматривалась, чем подчеркивается ее актуальность и новизна. В фокус изучения впервые поставлена зависимость качества жизни селькупов от особенностей локальной территории проживания.

Целью работы было выявить оптимальные условия локального места проживания селькупов, соответствующие традиционной селькупской системе жизнеобеспечения. В *задачи* исследования входило рассмотреть влияние локальных условий проживания на жизнедеятельность селькупов на примере жилой зоны на р. Покольке.

Методы исследования. Работа опиралась на методы полевого исследования, анализ, обобщение, описание и метод исторической ретроспективы.

Результаты. Проживание в зоне нижней Покольки позволяло селькупам добывать летнюю доступную рыбу сразу из двух рек – Покольки и Таза. Благодаря наличию на Покольке живуна население могло питаться свежей рыбой всю зиму. Расположенные вдоль Покольки просторные боры делали возможной охоту на животных, дававших мясо и шкуры. Удачную охоту на соболя обеспечивали болота, «прижимавшие» к Покольке узкую полосу леса. Болота и беломошники Покольки создавали благоприятные условия для занятия оленеводством. Расположение Покольки на перекрестке путей развивало социально-экономические связи тазовских селькупов. Поколька обеспечивала селькупам условия, необходимые для функционирования традиционной системы жизнеобеспечения.

Ключевые слова: Тазовские селькупы, система жизнеобеспечения, локальное место проживания, река Поколька, история заселения

I. Введение. Широко известен факт, что при освоении Сибири передвижение народов происходило главным образом по рекам. Реки служили не только путями передвижения, но и обеспечивали переселенцев основным, что было необходимо для жизни на новом месте, – гарантированным питанием. Переселение селькупов в XVII в. со Средней Оби на север, на р. Таз, не являлось исключением из этого правила. Именно рыбные богатства Таза сделали возможной дальнейшую жизнь селькупов на незнакомых берегах. Об этом рассказывает селькупская легенда: «Когда Орды их <…> пришли, наконец, на Таз; то осталось в живых только четыре брата женатых, изнуренных трудами и голодом. Лежа на берегу Таза, ожидали они уже смерти, как вдруг старший из братьев объят был обыкновенным ему вдохновением; ибо принадлежал к *Тивотшибыкубам* (умнейшим, святым, великим). В минуту приросли к нему два крыла, на которых поднялся он к небесам и быстро погрузился в воды, из которых вышел унизанный с головы до ног разными рыбами. С тех пор стали они (на этом новом месте – прим. авт.) заниматься рыбною ловлею, которая ныне составляет главнейшую их пищу» [Маслов, 1833: 519].

Добыча пропитания имела первостепенную важность для колонизации новых земель, поэтому селькупы «привязывали» свои поселения к рекам системы Таза. Совершивший в 1733–1743 гг. путешествие по Сибири академик Г.Ф. Миллер застал Таз, его верховья и верхнее течение уже полностью селькупскими. В описании Таза Миллер перечисляет впадающие в него «известные» реки, начиная с верховьев. Первой он упоминает «речку» Рата (современная р. Ратта), отмечая, что «здесь живут самые дальние остяки по р. Тазу»[1]. Следующей рекой в его перечне значится Покатка[2], она

[1] Остяки – старое название селькупов.

[2] Современное название этой реки – Поколька – созвучно названию, записанному Миллером, и полностью совпадает с ним в значении – суть перевода обоих названий с русского языка (оба слова, вероятно, имеют русское происхождение), «перевальная река», то есть река, от которой идет сухопутный перевал в другую водную систему.

впадает в Таз «с той же стороны, в 4 днях пути ниже предыдущей; шириной в 20 саженей». Далее по списку следуют «речки» Siripta, Karal-ki, Kige, Вачка, Толка, Григорка, Часалка, Tatpotschel-ki (в них узнаются современные реки Ширта, Каралька, Ваттылька, Толька, Часелька). Завершает перечень «речка» Худасея, как пишет Миллер: «Досюда простираются по р. Тазу места обитания остяков, относящихся к Сургутскому уезду» [Сибирь XVIII в…, 1996: 211].

Согласно сведениям Миллера, расселение селькупов в тазовском бассейне изначально было неравномерным и происходило преимущественно вдоль самого Таза и по его притокам. Эта специфика расселения сохраняется у селькупов по сегодняшний день. Современные селькупы характерно подчеркивают ее в разговорной речи, обозначая своих сородичей по определенной реке, на которой те проживают или проживали, называя их, например, «ширтовские» (т.е. с реки Ширты), «покольские» (т.е. с реки Покольки), «с Тольки-речки», «с верховьев» (здесь имеются в виду самые верховья Таза) и т. д. Говоря так, они выделяют жителей каждой реки в некое локальное сообщество.

Таким образом, каждую реку, на которой есть селькупские поселения, логично и правомерно рассматривать как в определенной степени обособленную территорию. В задачи данного исследования входит анализ одной из старинных зон обитания верхнетазовских селькупов – на берегах реки Покольки, левом притоке верхнего Таза. Планируется комплексно и подробно изучить Покольку как локальную территорию селькупского проживания – выявить ее природные характеристики, проследить связанную с этим местом селькупскую экономическую деятельность, а также исследовать социальные контакты населения Покольки с жителями окрестных земель, поскольку контакты, с одной стороны, помогают территории избежать изолированности, с другой – акцентируют ее обособленность.

Теоретическая значимость исследования. В итоге предполагается сделать вывод о том, какими характеристиками должно обладать локальное место проживания, чтобы оно отвечало требованиям селькупской системы жизнеобеспечения. Данный вывод позволит оценивать качество любой другой локальной жилой зоны селькупов (а также, возможно, других народов региона), что определяет теоретическую значимость работы.

Степень изученности проблемы и научная значимость исследования. Проблема качеств территории селькупского локального проживания до сих пор никем из ученых не исследовалась, ее изучение пополнит фундаментальное знание о традиционной культуре селькупов, станет новым словом в селькупской этнографии.

В историографическом плане исследование может быть отнесено к направлению в этнографии, изучающему хозяйственно-культурные типы. Хозяйственная деятельность населения в нем также ставится в зависимость от природных условий местности, где оно проживает. Однако, в отличие от подходов, применяемых в этом направлении, система жизнеобеспечения локальной группы рассматривается в нем комплексно, в более широком диапазоне, охватывая ее социальные контакты с соседними группами и затрагивая идеологические (мифологические) аспекты освоения территории. В обширной библиографии проблемы хозяйственно-культурных типов наиболее приближен (территориально и этнически) к теме исследования труд А.В. Головнева «Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири» [Головнев, 1993].

Практическая значимость исследования. Изучение веками накопленного коренными народами Крайнего Севера опыта приспособления к суровой природно-климатической среде актуально сегодня для выработки современных стратегий развития Арктики, подбора методов технологической помощи нынешнему населению региона. В исследовании вопроса связи хозяйственных, социальных и идеологических форм жизнедеятельности с условиями проживания имеет значение опыт отдельных групп северных народов. Разработка темы локальных мест селькупского проживания будет содействовать решению актуальной сегодня практической задачи сохранения исконных народных традиций и поиску селькупами новых, современных форм этничности и самоидентификации.

II. Материалы и методы. Необходимость и возможность обращения к данной теме определилась после поездки автора по р. Покольке в 2021 г. Маршрут экспедиции охватил все формирующие жилую зону Покольки поселения – три стойбища в нижнем течении реки и кордон

Верхне-Тазовского государственного заповедника в среднем течении. Были собраны материалы, побуждающие и позволяющие вкупе с материалами других экспедиций автора (2004–2020 гг.) рассмотреть Покольку как отдельную зону социально-хозяйственной деятельности селькупов.

Основным инструментом при сборе материала для статьи были методы полевого исследования: включенное наблюдение и свободное интервьюирование информантов, кроме этих методов применялись анализ и обобщение, привлекались опубликованные источники, в том числе имеющиеся у автора наработки по раскрывающим тему вопросам [Степанова, 2017, 2019].

Работа координировалась с основными положениями теории хозяйственно-культурных типов, кроме хозяйства анализировались вопросы социальных контактов и мировоззрения, что требовало комплексного подхода и обращения к методам социологических и мифологических (когнитивных) исследований.

III. Результаты. Начать изложение результатов исследования следует с того, что, как уже говорилось, на реке Покольке селькупы проживали с самых давних пор. Помимо Миллера был еще один дореволюционный исследователь, отметивший Покольку в своих дорожных записях, – К. Доннер. Совершая путешествие по р. Таз (из г. Туруханска на Енисее через р. Таз на Обь), Доннер неделю жил в одном из селькупских селений на р. Покольке и оставил довольно подробное его описание. «Поккелки вполне можно считать центром, столицей Таза. Здесь собираются все живущие на реке самоеды, большинство приезжают сюда зимой на оленях, чтобы заплатить дань князьцу. Поккелки не похожи ни на деревню, ни на город. Единственное, что здесь есть – полуземлянка с бревенчатыми стенами, ледяными окнами и очагом – суживающейся кверху глиняной трубой[1]. Здесь собирается все племя. Это далеко не великолепное здание является, однако, единственным в своем роде, очень важным на Тазе и может вмещать свыше тридцати человек» [Доннер, 2008: 99].

Поскольку Доннер обозначил это селение одновременно по названию реки Покольки и по его местоположению на р. Таз, можно заключить, что оно находилось недалеко от места впадения Покольки в р. Таз. Примерно в этом месте – в получасе езды от Таза вверх по Покольке на моторной лодке – на правом берегу реки сейчас расположено большое стойбище селькупов Баякиных. На нем проживает несколько семей, они держат оленей, вблизи стойбища есть старинные завалившиеся большие землянки такого типа, который описан у Доннера. В землянках с чувалом и ледяными окнами селькупы жили в прошлом в зимнее время года. Землянки стали заменять русскими домами в 1980-х гг. В 2012 г. на стойбище Баякиных имелось семь жилых домов, лабазы, баня, колодец, оленные сараи, сараи для дизельных электростанций и для дров, летние кухни, туалеты, будки для собак и т. д.

В часе езды на лодке от стойбища Баякиных вверх по Покольке есть еще одно стойбище, где постоянно проживает четыре семьи, представляющие селькупские фамилии Баякиных, Куболевых и Каргачевых. Стойбище тоже находится недалеко от Таза и, если учесть, что Таз, как и все сибирские реки, очень извилист и Доннер ехал по берегам Таза, спрямляя путь, оно может рассматриваться как вероятное селение, в котором гостил исследователь. Место, где расположено второе стойбище, по одной версии, носит название *Поря Маркы*, что переводится ‘небольшое, как островок’. По другой версии, оно именуется *Порге Маркы* и переводится ‘территория/место/остров идолов’: «Тут весь этот район обширный так называется: с той стороны *Порге Хых*, напротив через речку *Порге Сырнок*, здесь *Порге Маркыль*. *Порге* – это дух, вырезанный на дереве»[2]. По третьей версии, место, где расположено стойбище, называется *Порге Мач*, что означает ‘Идола Бор’[3].

Третье стойбище, имеющееся сегодня на Покольке, находится в двух часах езды по реке

[1]Очаг такого типа русские называют чувалом.

[2]Полевые материалы автора (ПМА), 2021.

[3]Мест с таким названием в тазовском бассейне несколько, самый известный *Порге Мач* – Шаман гора на правом берегу Таза недалеко от устья р. Большая Ширта, на/в этой горе, по легенде, когда-то жил великий шаман, принимающий облик медведя, и было святилище с идолами-порге.

от второго, но река тут делает длинные петлеобразные изгибы, поэтому расстояние по прямой между стойбищами на самом деле намного меньше. Третье стойбище также относится к низовьям Покольки, так как Поколька – самый длинный приток Таза. Кордон Верхне-Тазовского государственного заповедника[1] – четвертая жилая точка на Покольке – расположен в начале среднего течения реки. Когда-то давно, до 1950–1960-х гг. на его месте было селькупское стойбище. Выше кордона, по словам современных информантов, Поколька безлюдна. Примечательно, что Доннер и его проводники, покинув упомянутое селение, отправились на юго-запад, придерживаясь направления, обратного течению Покольки, и «перед тем, как добраться до последнего в этих краях жилья человека», трижды останавливались, в третий раз – в чуме брата поколькского князца [Доннер, 2008: 101].

Территория, на которой расположено третье стойбище, носит название *Кыря Кык*, то есть место, где жил шаман по имени *Кыря*, в переводе с селькупского означающее ‘серая ворона’. Как говорит хозяин угодья Е.И. Ириков: «Тут все вокруг *Кыря*, вот *Кыря Кике* – ручей. Человек тут жил, селькуп, и вот этот шаман жил рядом со своим сыном. Тут его могила, рядышком»[2]. Когда-то это стойбище, как и вся Поколька, было очень многолюдно, настолько, что люди и олени вытаптывали весь бор, в котором оно находится. «Земля была голой, только большие сосны редкие росли. Не только у нас много людей было, но и на Тазу было много, и здесь, и на Ширте много народа, а сейчас по одному человечку. Теперь люди все в поселках живут. А которые жили в лесу, их уже нет, они уже умерли. Когда традиционный образ жизни изменился, то и все изменилось»[3].

Семьи, которые сегодня имеют дома на стойбищах Покольки, не жили здесь вечно. Например, семья хозяина третьего стойбища часто меняла свои стоянки (имеются в виду переезды, не связанные с хозяйственным циклом). В 1950–60-х гг. его бабушка сидела там, где сейчас кордон заповедника, «поднимала сыновей своих», оттуда его родители переехали в Кикки-Акки (поселок на Тазу ниже Покольки), где пошли в школу его старшие брат и сестра, затем семья вернулась на Покольку и «спускалась по ней все ниже и ниже», в том числе они сколько-то времени жили на стойбище *Порге Маркы*. Между сменой стойбищ на Покольке семья уезжала на несколько лет на р. Алогу близ поселка Ратта (поселок на Тазу выше Покольки) и на р. Печальку (впадает в Таз ниже пос. Толька). К частым переездам семью вынуждали жизненные обстоятельства: смерть отца, закрытие старшей школы в Ратте и открытие ее в Тольке. Окончательно семья осела на стойбище *Кыря Кык* в 1975 г., когда его нынешний хозяин получил школьный аттестат. По словам Е.И. Ирикова, его стойбище и прилегающие к нему угодья раньше были родовыми владениями предков Серафимы Хозовой, много лет проработавшей в ФАП пос. Ратта медсестрой. Кроме того, автору известно, что Баякины, «держащие» нижнее стойбище на Покольке, тоже когда-то жили в другом месте Таза. Думается, что ротация населяющих Покольку семей происходила всегда и зависела от состава и обстоятельств каждой семьи, однако в советское время, когда в окр′уге появились поселки (Ратта, Кикки-Акки и Толька) с социальными учреждениями и организовались колхозы и совхозы, она значительно выросла.

Таким образом, селькупы жили на Покольке издревле, заселяя в основном низовья реки. На ней прослеживаются четыре традиционных зоны расположения стойбищ, все они находятся на правом берегу, в низовьях, достигая края среднего течения; верховья реки безлюдны. В начале XX в. на Покольке жил князец, собирающий ясак, что придает этой реке статус важного исторического центра всего Верхнего Таза. Этот факт и фиксация в названиях природных объектов в

[1]В 2020–2021 гг. у Верхне-Тазовского заповедника в верхнем течении р. Покольки почти на границе с Нижневартовским районом Ханты-Мансийского округа появился еще один кордон, пока у него нет истории и нет обитателей, поэтому в статье он рассматриваться не будет. Между нижнепокольским и верхнепокольским кордонами есть переходная (встречная) изба на р. Тунельке – такие избы должны стоять по периметру заповедника через каждые 10 км.

[2]ПМА, 2021.

[3]ПМА, 2021.

районе третьего покольского стойбища имени великого шамана *Кыря* указывают на то, что население Покольки жило богатой духовной жизнью. В составе обитавших на Покольке семей происходили ротации (переезды в другие места и возвращения снова на Покольку), зависящие от внутрисемейных и внешних обстоятельств и протекавшие с большей интенсивностью в советское время. Сегодня население реки сильно сократилось, что объясняется общей тенденцией к утрате селькупами традиционной культуры.

Социальную характеристику населения Покольки следует дополнить рассмотрением его социальных связей с жителями окрестных земель. Доннер пишет, что посмотреть на него в Поккелки прибыло множество людей, «живущих на самых разных притоках, тунгусы с восточной части тундры[1], остяки, населяющие верховья Васюгана»[2] [Доннер, 2008: 99]. Исследователь отмечает, что от селения князца в разных направлениях расходились хорошо укатанные дороги.

В названии р. Покольки, как уже говорилось, кроется указание на то, что она была перевальной рекой, от ее верховьев через сухопутный перевал переходили в р. Корлики (ее селькупское название – Корыкы ‘глубокая’ или ‘судоходная речка’) – приток впадающей в Вах р. Кулынигол. Нельзя не сказать, что Доннер с трудом нашел проводников для путешествия этой дорогой: «Прямой дороги до Нарыма не было, никто никогда не проделывал этот путь. Оставался один путь – на Вах. Правда, в тех местах никто не был много лет. <…> Никто из аборигенов не знал, сколько времени займет эта дорога. Одни полагали, что десять дней, другие – и таких было большинство – считали, что этот путь займет больше десяти дней, и я приеду к весне» [Доннер 2008, с. 100].

На Вахе в русском селе Ларьяк с XIX в. работала фактория, где принимали пушнину и торговали мануфактурными товарами. В 1920-е гг. селькупы Таза были на ней частыми гостями, зимой они сюда добирались не только по Покольке, но и по рр.Ватылька, Каралька и Ратта. Как рассказывают современные информанты, дорогой с Покольки на Вах пользовались до 1970-х гг.: «раньше ездили охотники и люди, в гости к другим». Вах с Тазом был связан крепкими родственными узами. «Верховья Ваха ведь селькупские. Не только верховья, а раньше весь Вах был селькупский. Потом вместе с русскими ханты туда заселились. И селькупы оттуда стали уходить сюда, на Таз. Но некоторые селькупы остались, вот Кунины остались многие. Со мной училась женщина-хантыйка оттуда, она говорила, что отец у нее нерьях, а нерьяхами ханты называли селькупов. То есть среди хантов много смешанных»[3]. В жилах многих верхнетазовских селькупов также течет хантыйская кровь, например, у хозяина третьего стойбища на Покольке бабушка была хантыйка.

Главным доказательством наличия и активного использования пути по Покольке на Вах является видимая на земле дорога. Она до сих пор различима даже в верховьях. «Никто ее не использует, она уже заросла там, в верховьях. А.Б. там вверх от кордона лазил, выходил на боры, он говорит, у этой дороги только мох отличается. Тут, допустим, одного цвета мох, а где эта дорога заросла, мох отличается, и видно сразу, что это дорога была»[4]. Визиты на Вах наносили в основном зимой, но если ездили летом, использовали ту же дорогу – на нее выходили с реки в том месте, где Поколька становилась несудоходной, и дальше шли пешком к р. Корлики (Корыкы).

Земляная дорога, идущая вдоль Покольки на Вах, начинается у самого устья Покольки. К ней подходят, в нее «вливаются» и из нее выходят дороги, ведущие в поселок Ратта от реки Каральки и поселка Толька. Эти дороги использовались – и зимой, и летом – еще относительно недавно, связывая поселки и зоны проживания лесных селькупов Верхнего Таза. Особенно активным было их использование, когда по ним возили детей из Тольки, с Каральки и с Покольки в Ратту, когда в Ратте была десятилетняя школа.

[1]В конце XIX в. в верховья Таза переселилась группа эвенков, к середине XX в. ассимилированная селькупами.

[2]По-видимому, остяки с верховьев Васюгана в момент приезда Доннера гостили у сородичей на Тазу, так как Васюган находится слишком далеко от Таза, чтобы они могли приехать сюда за пару-тройку дней.

[3]ПМА, 2021.

[4]ПМА, 2021.

«Те, что пониже на Каральке живут, они вот отсюда переезжают (неподалеку от стойбища *Кыря Кык* – О.С.). Вот раттовская дорога как есть у нас, они сюда приезжают, прямо вот тут проезжают и пересекают Покольку, вот тут забираются на бор и пересекают. А те, что по Каральке выше живут, они к Покольке подъезжают, где кордон заповедника стоит, там переезд у них на эту сторону[1]. Так что тут куча дорог. Там переезжает верхняя Каралька, тут переезжает средняя Каралька. Тут у нас пониже, в районе завала, еще одна дорога есть, это уже грузовая дорога, которая откуда-то из Красноярского края по какому-то ручью поднимается, по нашей Кондыги спускается, попадает в пойму Таза, там, где конная дорога уже. По этой конной дороге попадает в Ратту, из Ратты через наш завал ведет в Кикки-Акки и в Тольку. Обратно по Кондыги поднимаются, потом озеро Налимье и там какая речка, не знаю, Пакулиха что ли. Толькинские возили детей в школу по этой грузовой дороге, что мимо завала шла. Когда старшую школу в Ратте закрыли в 1974–75 гг., оставили только младшие классы, и открыли в Тольке, ездить по этим дорогам стали намного меньше»[2].

Сегодня стойбища на Покольке теснейшим образом связаны друг с другом и с ближайшими к ней лесными хозяйствами (связь представляет собой в первую очередь отношения кооперации и взаимопомощи в хозяйственных вопросах), а также с поселком Ратта, где покольское население прописано, имеет жилплощадь и часто ездит туда к родственникам, по бумажным делам, в ФАП, магазины, за бензином, на праздники и т. д. С поселками Толька и Кикки-Акки Поколька связана теперь слабее. Главные современные транспортные средства, осуществляющие связь между жилыми зонами, – снегоходы и моторные лодки.

Отдельно нужно сказать про Верхне-Тазовский заповедник, который накладывает свой отпечаток на современные социальные связи Покольки. Хозяин третьего покольского стойбища уже много лет является бессменным инспектором заповедника и живет «на два дома» – у себя на стойбище и на кордоне; недавно его сын тоже устроился работать в заповедник. Кордон, по сути, маленький поселок, где нужно создавать условия для жизни специалистов – заготавливать дрова, отапливать дома и топить баню, ремонтировать постройки и технику, добывать еду. Состав специалистов, приезжающих работать на кордон, все время меняется. «Да я ничего не делаю в последнее время, ни нарт, ничего – некогда. Сейчас опять люди приедут. Сейчас этого надо увезти на Тунельку. Потом прилетят ихтиологи, с ними надо полмесяца возиться. Настанет зима, и вообще бесконечная работа начнется. Эти сейчас на Тунельку уедут, и начнутся на Тунельку звонки – Иваныч, на Тунельку дорога нужна, они заблудились, они не умеют ездить. Буду пробивать дорогу. Всю зиму придется бить дорогу по снегу, заметает же после каждого снегопада»[3]. Глава нижнего стойбища на Покольке также периодически работает инспектором заповедника.

Население Покольки со служащими заповедника объединяет проблема покольского завала, находящегося на реке между вторым и третьим стойбищами. Завал – нагромождение из принесенных весенними паводками упавших в реку деревьев, которые перегородили русло, – служит широко известной местной достопримечательностью. «Реку закупоривает до такой степени, что вода не проходит, и она в другом месте роет русло, которое потом опять забивает»[4]. Завал на Покольке огромный, выглядит, как остров, и древний: местные старики помнят, что еще детьми со своими родителями переправлялись через него, обходя и перетаскивая вещи волоком по берегу. Никто не знает, когда он образовался. В 2020 г. порт Сабетта через Росрыболовство выделил заповеднику большие деньги на его ликвидацию. К завалу доставили экскаваторы, которые разгреб-

[1]Интересно, что «народ с Каральки ездил на Вах через Покольку, переходя на нее там, где кордон заповедника, потому что дальше со стороны Каральки уже идут бугры, высокие горы, там уже не переехать, не проехать, выше перевалов нет» (ПМА).

[2]ПМА, 2021.

[3]ПМА, 2022.

[4]ПМА, 2018.

ли несколько бревен и прокопали сбоку от завала новое русло («провели решительное спрямление русла реки»), но его опять быстро забило бревнами. Осенью 2021 г. пройти через завал на лодке можно было с большим трудом, имелся существенный риск перевернуться или испортить транспортное средство. Заботой хозяина третьего покольского стойбища было вытащить с помощью полиспаста бревна, мешающие свободному проходу, на что он планировал мобилизовать молодых парней со второго стойбища[1].

Таким образом, локальная обжитая зона на р. Покольке всегда находилась на перекрестке дорог, жители Покольки поддерживали постоянные контакты с селькупами, проживающими на близлежащих территориях, с образованными в советское время поселками и заповедником, с селькупско-хантыйским населением и факторией Ларьяк на Вахе, а также с Красноярским краем и проживающими там кетами[2]. Время постоянно меняло ситуацию с контактами жителей Покольки: сегодня связи с Вахом и Красноярским краем у них нет.

Рассмотрим хозяйственное положение населения Покольки. Как уже говорилось, главным хозяйственным занятием селькупов было рыболовство, которое в любое время года давало им гарантированное питание. Проблемы истощения богатой рыбными ресурсами водной системы Таза, впервые возникшие в конце 1950-х гг., после войны, и имевшие несколько реинкарнаций, были результатом неуемной рыбодобычи, ведущейся сельскохозяйственными предприятиями района, но они не отражались на рыболовстве для потребностей семьи – для еды рыбы селькупам всегда хватало.

Летнюю легкодоступную рыбу селькупы рассматриваемых селений добывали сразу на двух реках: Тазу и Покольке. С зимней рыбой дело обстояло сложнее. Первым способом ее добычи были осенние запоры, которые ставились на подъемную черную рыбу (язя, плотву, щуку, ельца, налима, ерша), когда та шла зимовать в верховья Покольки. Выловленная рыба замораживалась естественным способом, большая ее часть сдавалась на сельхозпредприятие, меньшая шла на потребление семьям рыбаков до весны.

Зимой Таз и все его притоки, включая Покольку, периодически становятся заморными[3] водоемами на разных участках, иногда они «горят» целиком. С заморных участков до середины декабря рыба уходит. Так как селькупы всегда предпочитали свежую рыбу замороженной, вариантом запорного рыболовства было удерживание рыбы в запоре в течение всей зимы, дававшее возможность всю зиму черпать из него живую рыбу; этот способ применялся только на тех участках водоемов, которые зимой не «горели». Но наиболее распространенным способом зимней добычи рыбы для семьи являлся подледный лов на живунах – озерах, верховьях рек, ручьях и старицах, где бьют ключи и не бывает замора. В Покольку, рядом со стойбищем *Кыря Кык*, впадает именно такая старица-живун, в которой происходит массовая зимовка рыбы. «Поэтому к нему (к Е.И. Ирикову, хозяину стойбища – О.С.) ездят рыбачить всю зиму все эти баякинские, снизу. Потому что у него есть такая старица, в которую рыба набивается. Ей можно прокормить все три стойбища и тех, кто проезжает мимо. И наши, кто на кордоне сидит, у самих голод, проезжая мимо, там ловят рыбу. На территории заповедника эту рыбу не поймать. А там гарантированно можно поймать рыбу на покушать. Это старица, в которой есть ключи. Там когда-то занимались и промышленным рыболовством»[4]. «Зимняя рыба – гарантированное питание в течение самого голодного зимнего периода, девяти месяцев зимы, независимая от удачи на охоте, от того, есть в семье охотники или нет. Это добыча, когда нет ни уток, ни гусей, ни летней доступной рыбы. С голоду семья не умрет. Все стоянки селькупов привязаны к таким местам»[5].

[1]ПМА, 2021.

[2]К слову сказать, у хозяина третьего покольского стойбища, у которого бабушка была хантыйкой, вторая бабушка была кеткой.

[3]Замор – явление на зимних водоемах, связанное с нехваткой в воде кислорода.

[4]ПМА, 2018.

[5]ПМА, 2018.

Поколька – нерестовая речка для тайменя и сиговых видов рыб (белой рыбы – нельмы, щекура, чира, муксуна, пеляди, пыжьяна). Нерест у белой рыбы происходит в ноябре, осенью она поднимается в верховья реки Покольки из водной системы Таза, где летом «нагуливала жирок», сбрасывает икру (икра потом лежит на дне 9 месяцев) и затем скатывается обратно в Таз, уходя на зимовку в Тазовскую губу. До конца 1950-х гг. белую рыбу (только она имела товарное значение) добывали на магистрали Таза во время ее хода в систему Таза из губы, а когда вследствие перевылова магистраль Таза закрыли, стали выполнять план, перейдя на ловлю рыбы запорами («на зимний лов на пути миграции рыбы к зимовальным водоемам»). Позже запретили спусковые запоры на белую рыбу. А в 2020-х гг. запретили всякие запоры «в замок» на реках, где нерестятся сиговые, так как много сиговых погибало, «когда они, обессиленные, спускались после нереста, и их прибивало течением к котцам, ставящимся на подъемную черную рыбу, метровый слой погибал этой рыбы»[1].

Второе основное традиционное хозяйственное занятие селькупов – охота. Какие преимущества давали охоте поколькских селькупов природные условия зоны, в которой они проживали? Как говорил один из поколькских информантов: «Вдоль Покольки сплошные боры, удобно зверью бегать, и олени дикие приходят постоянно»[2].

Копытные животные, на которых традиционно охотились селькупы – лось и дикий олень – служили для них главным источником мяса и шкур. К началу советского периода нерегулируемая охота на этих животных привела к резкому снижению их поголовья и, как следствие, введению строжайшего запрета на их добычу. Только к 1960 г. было зафиксировано увеличение численности лося и оленя и разрешен их умеренный отстрел, по одной голове на хозяйство [Степанова, 2019].

С конца 1986 г. количество охотничьих животных стало регулироваться созданным на селькупских землях Верхне-Тазовским государственным заповедником[3]: «Численность лося стабильна, несмотря на добычу, и селькупы добывают его постоянно, все без исключения. Заповедник помогает сохранять поголовье зверей, которых они традиционно промышляют. Если бы не было там сейчас заповедника, на Ратте и на Покольке была бы пустыня. Там не было бы ни соболя, ни копытных, вообще бы ничего не было»[4].

Последние пятнадцать лет через Красноселькупский район проходит миграция дикого оленя, и численность его стад постоянно растет. «Селькупы, кто рядом с заповедником живет, раньше могли одного в год дикого оленя добыть, в период становления заповедника, в конце 1980-х – начале 1990-х, и то не каждый. Тогда редко появлялись дикие олени, единичные встречи были. А теперь по территории заповедника уже целые стада дикого оленя ходят, важенки с телятами. Сейчас с юга подтяжка дикого оленя идет, там такие тропы мощные, и с востока, шириной метра по два. Тропы идут с юга, откуда-то с хантов, с Нижневартовского района, с верховий Покольки и Ратты. Когда олени на сопредельную территорию выходят, их всех под ноль вычищают сразу же, десятками стреляют. По 20–28 штук за выезд стреляют. Бартером, на водку, патроны и бензин меняют. Лицензию на отстрел оленей не продают. Могут сдать мясо дикого в совхоз и сказать, что это домашний, генетическую экспертизу никто делать не будет»[5].

Издревле товарное значение для селькупов имела пушная охота. В начале 1980-х гг. после двухвекового отсутствия на тазовские берега вернулся соболь, он заместил в качестве основного объекта пушной охоты белку. Сегодня у каждой семьи, ведущей традиционный образ жизни, есть свой участок, где она проводит соболиную охоту. Эффективность охоты зависит от качества участка. «Есть типичные участки, где наиболее высокая численность соболя каждый год, или по которым идет его миграция. Скажем, двумя большими тундрами прижата

[1]ПМА, 2018.
[2]ПМА, 2021.
[3]До 1986 г. селькупские охотничьи угодья располагались на землях заповедника.
[4]ПМА, 2018.
[5]ПМА, 2018.

узкая река с узкой поймой с кедровником. И по ней постоянно будет миграционное движение, как раз в ноябре соболь будет как по автостраде шуровать, только перехватывай. И да, действительно, охотник сильно-то и ходить не будет, два километра пересек на этом участке, или один километр, след перехватил, собака зацепилась, и пошел. Но это до середины ноября. А потом уже только ногами, без собаки. Места для охоты выбираются: две большие тундры прижали речку с 500-метровыми полосами леса по берегам, и здесь перехватывают. Он каждый день прошелся, его след пересек соболь, он зацепился и побежал. В массиве, в районе Ратты, сложнее охотиться. У нашего Великого на Покольке (Великий – прозвище хозяина третьего стойбища – О.С.) настолько место хорошее, там крупные болота подходят (они их тундрами называют), и есть узкие перешейки леса. У него, как у великого, наиболее продуктивный участок»[1]. Думается, что в данном месте на Покольке селькупы также эффективно охотились на соболя и в XVIII в., до того, как тот мигрировал в Восточную Сибирь.

Третье традиционное хозяйственное занятие селькупов – оленеводство – носит транспортный характер, средний размер оленьего стада на одно хозяйство не превышает 40 оленьих голов. Селькупские семьи, живущие на Покольке, сохраняют традицию оленеводства[2]. Летом их олени выпасаются в борах на стойбищах или на расположенных рядом «тундрах» – болотах, заходить за выделенную территорию выпаса оленям не дают построенные из жердей «огороды» или корали. Длина кораля на втором покольком стойбище, например, насчитывает 10 км. Для смены кормовой базы для оленей (в частности) хозяева каждый год переезжают на зимние стойбища, расположенные в 3-7 км от летних поселков.

Е.И. Ириков (со стойбища *Кыря Кык*) десять лет назад потерял свое оленье стадо. Во многом этому способствовали дикие олени и волки, которые всегда приходят вместе. И дикий олень, и волки появились, по мнению хозяина, на берегах Покольки раньше, чем на других территориях, потому что на Покольке особое место – «сплошные боры», и «удобно зверью бегать». Как говорит информант: «Здесь волки давно появились, в начале 80-х. У меня постоянно, вот в третий раз оленей увели уже. Ну, в последний-то раз дикари увели, но и волки помогли. Домашние олени, которые с дикарями осенью ушли, могли бы обратно вернуться, когда гон закончился, но там уже волки подключились. Когда волки нападают, дикари сразу улетучиваются, а домашние куда убегут, они же спасаться сами не умеют»[3].

Из трех покольских хозяйств от диких оленей и волков больше всего пострадало хозяйство Е.И. Ирикова. Возможно, причиной тому служит расположение его стойбища, открытого с трех сторон и близкого к заповеднику, с территории которого выходят дикие животные. Нижнее стойбище на Покольке находится в более выгодном положении, у него есть природная защита: «На Покольке маленький треугольничек, где Баякины живут, там Таз шумит, там Поколька, дикари туда не влазят, а у меня дикарей…, весь заповедник заполонен этими дикарями, вся земля»[4].

Интересно, что за границы Покольки волки долго не выходили, в других местах района их не было[5]. Они «громко» заявили о своем появлении в 2020 г., погубив половину оленей самого большого в районе стада (в 100 голов) в верховьях Таза.

IV. Обсуждение. Обособленные зоны селькупского проживания до настоящего времени не подвергались отдельному изучению. Исследование проводилось главным образом на полевых материалах автора и представляет собой авторское видение, индивидуальный подход к раскрытию данной темы (этим обосновывается также краткость списка используемой литературы). Думается, статья даст толчок появлению публикаций и научной дискуссии, посвящен-

[1]ПМА, 2018.

[2]Об успешности поддержания жителями Покольки оленеводческой традиции говорит тот факт, что один из братьев Баякиных с нижнего стойбища пять лет назад отделился и теперь «сидит» со своими оленями на оз. Поранок ниже по Тазу, построил там новое стойбище.

[3]ПМА, 2021.

[4]ПМА, 2021.

[5]В начале 1980-х гг. волки появились на Покольке, а также на р. Ширте, где выпасалось стадо оленей совхоза Толькинского. Совхоз провел компанию по их уничтожению, после чего на Ширте волков не стало.

ных вопросам локального проживания дробных групп одного этноса.

V. Заключение. В результате исследования было установлено, что не все земли тазовского бассейна имели равнозначную ценность в качестве места проживания и осуществления населением социально-экономической деятельности. Селькупские поселения занимали участки, наиболее удобные для жизни, и располагались вдоль по Тазу и его притокам. На примере жилой зоны на впадающей в Таз р. Покольке было рассмотрено, каким требованиям соответствовали места селькупских поселений. Все стоянки селькупов на Покольке исторически находились на берегах нижнего течения реки, наиболее заселенная территория простиралась на расстоянии 70 км от устья. При добыче рыбы, главного элемента селькупского пищевого рациона, населением Покольки в полной мере учитывались особенности жизненного цикла разных видов рыб. Черная и белая рыба добывалась на магистрали Таза и на р. Покольке по сезону, летом и зимой, в зависимости от направления ее движения (на нерест, для нагула или на зимовку). В пределах обжитой территории на Покольке имеется старица-живун – участок реки, на котором зимой нет замора и в который на зимовку набивается несколько десятков тонн рыбы. Живун позволял покольким жителям девять холодных месяцев в году гарантированно иметь на своем столе свежую рыбу. Покольки дает б′ольшее разнообразие в зимнем рыбном рационе, чем другие реки, так как является нерестовой речкой для сиговых видов рыб.

Удобство проживания на Покольке складывалось также из наличия на ее берегах множества просторных боров, привлекавших «зверье», на которое селькупы всегда охотились, получая в результате мясо и шкуры. Расположение на Покольке двух больших болот, «прижимающих» к реке полосу кедровника, создавало идеальные условия для охоты на соболя. В период, когда главным объектом пушной охоты была белка, покольские боры, думается, полностью удовлетворяли потребностям селькупов в белке. Беломошные боры и кормовые болота («тундры») Покольки обеспечивали кормовую базу для оленей и делали район благоприятным для занятия оленеводством.

Расположение Покольки на перекрестке путей формировало широкие социальные связи ее жителей и способствовало социально-экономическому развитию территории.

Сакральные названия географических объектов в одной из местностей нижнего течения Покольки говорят о том, что когда-то там находилось святилище. Данный сакральный объект обычно посвящался духу-хозяину земли и «привязывался» к особенно богатым природными ресурсами промысловым угодьям.

Таким образом, природные условия Покольки как локального места проживания тазовских селькупов на всех этапах их истории были оптимальными для воспроизводства селькупской традиционной системы жизнеобеспечения во всех ее сферах – хозяйственной (в трех основных хозяйственных занятиях: рыболовстве, охоте и оленеводстве), социальной и мировоззренческой, они обеспечивали селькупам уровень жизни, который их устраивал, исключая возможность голода.

Список литературы:

Головнев А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1993. 203 с.

Доннер К. У самоедов в Сибири. Томск: Ветер, 2008. 176 с.

Маслов. Бродящие народы Туруханского края. Отрывок из статистических записок Енисейской губернии // Заволжский муравей. Казань. № 9. 1833. С. 506–523.

Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера [Сост. А.Х. Элерт]. Новосибирск: Сибирский хронограф. 1996. 312 с.

Степанова О.Б. Особенности современной охоты северных селькупов в интерпретации инспекторов Верхне-Тазовского государственного заповедника // Кунсткамера. 2019. № 4. С. 241–252.

Степанова О.Б. Социальная политика государства по отношению к коренным малочисленным народам Севера в начале XXI в. (на примере северных селькупов) // Социальные отношения в историко-культурном ландшафте Сибири. СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 349–444.

References:

Golovnev A.V. *Istoricheskaya tipologiya khozyaystva narodov Severo-Zapadnoy Sibiri* [Historical typology

of the economy of the peoples of Northwestern Siberia]. Novosibirsk: Novosibirsk University Press, 1993. 203 p. (In Russian)

Donner K. *U samoyedov Sibiri* [At the Samoyeds of Siberia]. Tomsk: Wind Publ., 2008. 175 p. (In Russian)

Maslov. Brodyashchiye narody Turukhanskogo kraya. Otryvok iz statisticheskikh zapisok Yeniseyskoy gubernii [Wandering peoples of the Turukhansk region. An excerpt from the statistical notes of the Yenisei province]. *Zavolzhskiy muravey* [Zavolzhsky ant]. Kazan, 1833. № 9. P. 506–523. (In Russian)

Sibir' XVIII v. v putevykh opisaniyakh G.F. Millera. Sostavitel' A.Kh. Elert [Siberia of the 18th century in the travel descriptions of G.F. Miller. Comp. A.Kh. Elert]. Novosibirsk: Siberian Chronograph Publ., 1996. 312 p. (In Russian)

Stepanova O.B. Osobennosti sovremennoy okhoty severnykh sel'kupov v interpretatsii inspektorov Verkhne-Tazovskogo gosudarstvennogo zapovednika [Peculiarities of modern hunting of northern Selkups as interpreted by inspectors of Verkhne-Tazovsky State Reserve]. *Kunstkamera*. 2019. № 4. Pp. 241–252. (In Russian).

Stepanova O.B. Sotsial'naya politika gosudarstva po otnosheniyu k korennym malochislennym narodov Severa v nachale XXI v. (na primere severnykh sel'kupov) [Social policy of the state in relation to the indigenous peoples of the North at the beginning of the 21st century (on the example of the northern Selkups)]. *Sotsial'nyye otnosheniya v istoriko-kul'turnom landshafte Sibiri* [Social relations in the historical and cultural landscape of Siberia]. Sankt-Petersburg: MAE RAS Publ., 2017. Pp. 349–444. (In Russian)

O.B. Stepanova

The Living Space of the Upper Taz: the Ethno-Local Landscape of the Pokolka River

Scientific novelty. The topic of local zones of the Selkup habitable space has not yet been considered by anyone which emphasizes its relevance and novelty. *The aims* and *tasks* of the study included the example of Pokolka River to identify the optimal natural conditions of the local place of residence of the Selkups necessary for their traditional life. *Research methods*. The article is based on the author's field materials and a number of published sources. The work was based on the methods of field research, analysis, generalization, description and the method of historical retrospective.

Results. Living in the zone of the Lower Pokolka allowed the Selkups all year round the fish wealth of Pokolka and Taz. Spacious forests located along the Pokolka made it possible to successfully hunt animals that provided meat and skins. A successful hunt for sable was ensured by swamps, "pressing" a narrow strip of forest to Pokolka. The swamps and white mosses of Pokolka made reindeer herding favorable. The location of Pokolka at the crossroads developed the socio-economic ties of the Taz Selkups. Pokolka provided the Selkups with the conditions necessary for the functioning of the traditional life support system.

Keywords: Taz Selkups, life support system, local place of residence, Pokolka River, settlement history

И.И. Юрганова

DOI: 10.25693/SVGV.2022.40.3.003
УДК 271.2(571.5)

Русская православная церковь в Восточной Сибири: от фронтира до окраины

Научная новизна. В статье приведена краткая характеристика миссионерской деятельности Русской православной церкви на восточно-сибирских территориях, рассматриваемая в проблематике апробированных и используемых современной гуманитарной наукой теорий фронтира и имперских окраин.

© *Юрганова И.И., 2022*

Цель и задачи. Целью является обращение к современным методологиям исследования деятельности Русской православной церкви как одного из элементов имперской политики инкорпорации восточно-сибирских территории в состав российского государства.

Методы исследования. В соответствии с целью работы в исследовании привлечены цивилизационный подход и его производная – межцивилизационный диалог, одним из результатов которого является переход от этапа фронтира к окраинам; мондиалистский подход, признающий социокультурную специфику локальных сообществ посредством религиозно-символических форм и принцип холизма (целостности), рассматривающий миссионерскую деятельность Русской церкви в качестве составной части государственной политики по освоению Восточной Сибири.

Результаты. Определено, что миссионерская деятельность способствовала коммуникационному диалогу, приобретавшему особую значимость во фронтирных зонах; отмечено, что основной причиной перманентности процесса христианизации являлась политика государства, направленная на регулярное обеспечение сбора ясака; указано на незначительное влияние христианской ментальности в жизнедеятельности народов, ведущих кочевой или полукочевой образ жизни, тогда как у городского населения и крестьянства Восточной Сибири к началу XX в. имелось православное мировоззрение. Сделан вывод о роли Церкви, обеспечивавшей присутствие государства на отдаленных территориях, и значимости ее деятельности в переходе от фронтира к окраинам.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, Русская православная церковь в Восточной Сибири, сибирский фронтир, религиозный фронтир, сибирские окраины, миссионерство, миссионерские станы

I. Введение. Одним из направлений современных гуманитарных исследований является обращение к концепции фронтира как пространственной категории и комплексному, многогранному феномену, включающему экономико-географические, хозяйственно-исторические, философско-культурологические и духовно-ментальные аспекты [Тернер, 2009; Андреева, 2017]. Этимологически фронтир обозначает границу (англ. *frontier* – буквально «рубеж», «граница»), автор концепции Ф. Дж. Тернер трактует ее как «точку встречи дикости и цивилизации» [Тернер, 2009: 14]. Данная теория, возникшая в конце XIX в., через столетие стала объектом изучения процесса освоения сибирских территорий, многообразие этносов и культур которых способствовало формированию особого транскультурного пространства, в том числе и фронтира религиозного [Резун, 2001б; Румянцев, Хахалкина, 2009; Иванова, 2016]. Научная литература обращала внимание на особенности формирования сибирского фронтира и ментальности сибиряков [Агеев, 1997; Замятина, 1998; Резун, Шиловский, 2005]. Д.Я. Резун определяет фронтир как «место или момент встречи двух культур разного уровня развития» («подвижная граница») [Резун, 2001а]. И.В. Побережниковым для анализа развития периферийных регионов Российской империи предлагается концепция фронтирной модернизации [Побережников, 2019]. А.С. Хромых, обосновывая широкое поле для дискуссий, отмечает, что фронтир имеет различные подходы, но ключевым фактором является рождение нового общества как результат синтеза и социальной практики колонистов, освоенной ими окружающей среды и аборигенного населения [Хромых, 2008: 107]. Зарубежные исследователи истории сибирской колонизации констатируют присутствие элементов фронтира на данных территориях [см. Очерки историографии…, 2022: 47].

Наряду с этим исследовательское внимание привлекает теория имперских окраин, авторы которой рассматривают типы и модели управления окраинами и, проводя их компаративный анализ, подчеркивают роль этнического и природно-географического фактора [Дамешек, 2003, 2018; Ремнев, 1999].

Обращение к суждениям данных концепций в контексте выявления и анализа роли и значения Церкви в вовлечении сибирских народов в выполнение общегосударственных задач имеет как *теоретическую значимость* для расширения исследовательских методов и проблематики, так и *практическое значение* по обобщению исторического опыта взаимоотношений «государство–церковь–общество». В связи с этим представляет интерес обращение к миссионерской практике Русской православной церкви на восточных окраинах в контексте привлечения

современных теоретических концептов для определения роли и степени влияния государственной религии в процессе инкорпорации отдаленных территорий в состав государства.

II. Материалы и методы. Целью исследования является обращение к апробированным современной гуманитарной наукой теориям фронтира и имперских окраин для рассмотрения деятельности Русской православной церкви как составной части имперской политики.

Представляется актуальным привлечение цивилизационного подхода как одной из форм трансдисциплинарных научных исследований. В связи с этим широко трактуемую дефиницию цивилизации рассматривают как в унитарном, так и в локально-историческом дискурсах, относя к последнему цивилизацию «встречи», или диалога, результатом которого может быть религиозный симбиоз, выраженный призмой локальных ценностей и исторического опыта в ходе перехода от этапа фронтира к окраинам. Наряду с этим является обоснованным обращение к мондиалистскому подходу, признающему социокультурную специфику локальных сообществ, их цивилизационную матрицу и взаимосвязь «локализма» и «глобализма» через посредство религиозно-символических форм.

Значимым в заявленном аспекте представляется принцип холизма (целостности), рассматривающий исторические события в целостной системе с обязательным наличием системообразующего элемента, придающего устойчивость системе, в данном случае – церковно-государственной политики империи по вопросам миссионерской деятельности Русской православной церкви, определяющей и коррелирующей христианизацию сибирских этносов.

Источниковой базой стали документы фондов Российского государственного архива древних актов и Национального архива Республики Саха (Якутия), содержащие сведения об участии Русской православной церкви в решении задач по вовлечению восточно-сибирских этносов в российскую государственность.

III. Результаты

Фронтир на восточных окраинах империи

Продвижение русской государственности на восток имело противоречивый характер: несмотря на известные факты насилия по отношению к местным этносам, в целом присутствовала мирная перманентная инкорпорация сибирских территорий, когда вслед за военно-административным присутствием начиналось освоение хозяйственное. Составной частью инкорпорационного процесса выступала деятельность Русской православной церкви, все более вовлекающейся в решение государственных задач. Русские государи принимали участие в Церковных Соборах, выделяли средства на строительство сибирских храмов и обеспечение их необходимой утварью, и вслед за административно-территориальным оформлением сибирских просторов следовало становление церковных структур.

В 1620 г. в Сибири на правах властелинской была учреждена Тобольская (Сибирская) епархия (архиепископия). Первоначально епархия не имела определенных границ, и зона фронтира начиналась за городской чертой Тобольска. Территория церковного округа расширялась по мере утверждения российского господства, включая новые территории и проживающие на них этносы. Одной из основных обязанностей тобольских архиереев была христианизация местного населения, в большинстве языческого. Царский указ о крещении всех народностей, проживающих в Поволжье (1681), ставший руководством к действию для тобольского владыки, инициировал многочисленные жалобы сибирских татар о принуждении их к вступлению в православие, вследствие чего новым указом царя предписывалось крещение добровольное (1685). Исследователи указывают, что принцип добровольности утвердился в конфессиональной политике государства с середины XVI в., а требование крестить сибирских иноземцев по принуждению объяснялось как спецификой задач и проблем, возникающих при присвоении Сибири, так и позицией самого священства, ревностно относившегося к принятию в лоно церкви иноверцев [Конев, 2013: 103]. Следует отметить, что миссионерство являлось наиболее зависимым от государства направлением деятельности Церкви, но только Православной церкви было дано право его осуществления, законодательно подтвержденное статьями Соборного Уложения (1649).

В отношении пропаганды православной веры сибирские просторы представляли трудности «из-за громадности пространств, разбросанности и разноязычия народов», недостаточности и/

или отсутствия путей сообщения. Очевидно, что в XVII – начале XVIII вв. была неосуществима систематическая миссионерская работа, и функции миссионеров возлагались на все духовенство епархий, имевших в своем составе инославное население и язычников [Попов, 2005: 56].

Главной причиной перманентности христианизации была политика государства, направленная на регулярное обеспечение сбора ясака. Ясакоплательщики наполняли «государеву казну», и одной из задач местных администраций являлось сохранение и пополнение их численности [Санников, 2016: 12]. Запрет насильственного обращения в христианство был продиктован фискальными интересами русской администрации, свидетельством чего являются наказы, выдаваемые сибирским воеводам. В лице воевод власть контролировала деятельность духовенства и, исходя из задач ясачной политики, регулировала процесс христианизации. Все факты принудительного крещения подлежали обязательному рассмотрению на воеводском дворе. Кроме того, по сложившейся практике воевод, направляемых на службу в нехристианские уезды, сопровождала «целая церковная миссия»»[1].

Новоокрещенные проживали в острогах или вблизи от русских поселений, имея возможность постоянной коммуникации с православными. Взаимодействию неофитов с пришлым населением способствовало негативное отношение к ним соплеменников, ясачный оклад которых возрастал в зависимости от увеличения численности крещеных. Фронтирные пространства имели прецеденты, когда крещение от священника принимал родоначальник или князец, а другие члены кочующего рода окрещивались заочно с передачей им крестиков и икон в связи «дальностью и неудобностью пути» [Иванов, 1979]. Возможности для расширения религиозного влияния предоставляло вступление в христианство иноверческой элиты, и каждый подобный случай доводился до сведения и светской, и церковной администраций. Приветствовалось венчание браков с «ясырками», дети которых в перспективе должны были получать воспитание на основе христианской ментальности.

Известна практика «отдачи новокрещенцев» в монастыри для коммуникации и социализации в среде православных [Буцинский, 1999: 244]. На восточносибирской территории к концу XVII в. действовало 14 монастырей (12 мужских и 2 женских). Значимая роль в содержании монашеских обителей принадлежала государству, что предоставило возможности превращения монастырей в многопрофильные хозяйственные субъекты, внесшие вклад в заселение и хозяйственное освоение края. Для местного населения монастыри были привлекательны перспективами получения дохода: обработка монастырской пашни, обслуживание монастырского скотоводства, соляные и рыбные промыслы и т.д.

Модернизация Петра Великого привнесла изменения в организацию миссионерства, в том числе переход к массовой христианизации, продолжившейся до введения в действие «Устава об управлении инородцами» (1822). Характеристиками нового этапа стало назначение штатных миссионеров (веропроповедников, походных священников) и разработка основ направлений и методики их деятельности. Власть осознавала важность закрепления отношений подданничества «в христианском просвещении иноверцев, тогда как не принявшие крещение были подданными ненадежными» [Спасский…, 1904]. Задачей Церкви являлось принесение православных традиций с целью формирования мировоззрения местных этносов как подданных империи и, выполняя роль доминирующего идеологического института, Русская православная церковь стремилась оказывать влияние на все основные процессы жизнедеятельности восточносибирского социума.

Существенной мотивацией для вступления в христианство являлись налоговые льготы (ясак) и одаривание (иконы, крестики, рубахи, порты, кафтаны, ичиги и др.)[2]. Помимо этого, неофиты, проживающие в юго-восточных районах Сибири, имели право получения земельных наделов для ведения хозяйства и перехода к оседлому образу жизни. Смена веры происходила добровольно на основании социального или политического выбора. Переход в православие обеспечивал не только сближение с русскими и попол-

[1]Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.1177. Оп.3. Ч.1. Д.212. Л.7.
[2]РГАДА. Ф.248. Оп.14. Д.796. Л.938 (об.)

нение рядов служилых людей, но и ознакомление с христианской культурой и образом жизни.

Миссионерство размывало фронтирные границы, но значительные территориальные просторы востока Сибири обусловили его специфику. Возведение храмов привлекало оседлое сельское и городское население, тогда как в жизнедеятельности народов, ведущих кочевой или полукочевой образ жизни, влияние православной ментальности было невелико. Кочевники оставались на уровне фронтира (рубежа), вне сферы влияния христианства, их вступление в православие в большинстве было формальным, связанным с материальным или каким-либо иным интересом.

Первой духовной миссией в Восточной Сибири стала Даурская миссия в составе 12 человек во главе с игуменом Феодосием (1681) с задачей христианизации забайкальских и частично даурских бурят. Значимых результатов в деятельности миссии не случилось, и после учреждения Иркутской епархии (1727) миссионерской практикой занимались иркутские архиереи. По ходатайству одного из них, епископа Михаила (Бурдукова), была открыта 2-я Забайкальская миссия (1814–1842), затем в 1862 г. учреждена 3-я миссия. Ко второй половине XIX в. действовали также Иркутская духовная миссия, миссионерские станы в Русской Америке (Коломенский, Кенайский, Квихпакский, Кускоквиленский, Нужагакский), восточной части Сибири (Анадырский, Верхнеамурский, Среднеамурский, Нижнеамурский и Корейский) и Чауно-Чукотский миссионерский стан на п-ове Чукотка. Тем не менее в 1828 г. Св. Синод констатировал, что «здесь еще жительствуют народы, не познавшие христианства или по обращении не довольно в оном утвержденные и наставленные» [Цыпин, 2009: 184]. Присутствие в Сибири нехристианского населения было зафиксировано и Уставом об управлении инородцами (1822), вводившем в юридическую лексику понятие «инородцы».

Дальнейшая активизация миссионерского дела была направлена на реорганизацию миссий, предусматривающую создание комплекса учреждений, призванных стать центрами распространения и утверждения православия (церковь, школа, богадельня, жилые и хозяйственные постройки при церкви и др.) и обладающего широкими коммуникационными возможностями. Государственное финансирование миссий было недостаточным, и значимую материальную поддержку и обеспечение (книги, учебники, семена, медицинские препараты и др.) восточно-сибирские миссии стали получать от созданного в 1865 г. Православного миссионерского общества. Следует отметить, что инициатива учреждения общества принадлежала алтайскому миссионеру архимандриту Макарию (Глухареву), изложившему свое видение объединения и координации миссионерской деятельности в рукописи «Мысли о способах к успешнейшему распространению христианской веры между магометанами и язычниками в Российской Державе» (1839).

Успешность вовлечения инородцев в христианство во многом зависела от личности миссионера. Миссионеры и подвижники в истинном понимании данной деятельности обеспечивали возможности религиозной инкорпорации сибирских этносов. Так, Алтайская миссия была названа «образцовой» благодаря многолетним стараниям Макария (Глухарева)[1], Камчатская миссия обрела известность в связи с деятельностью Нестора (Анисимова)[2], а рассмотрение на заседаниях Св. Синода вопросов, связанных с Восточной Сибирью, соотносимо с именем свт. Иннокентия (Вениаминова)[3] которому, кроме прочего, удалось получить одобрение высшей церковной инстанции империи о приеме в духовное звание инородцев «без испрашивания разрешения на то Правительствующего Сената … по предварительному сношению с местным начальством», положившее начало формированию местных священнических династий (1855)[4].

[1]Архимандрит Макарий (Глухарев Михаил Яковлевич), 1792–1847, миссионер, предпринявший одну из первых попыток перевода Библии на русский язык, начальник Алтайской духовной миссии (1830-1844).

[2]Митрополит Нестор (Анисимов Николай Александрович), 1885–1962, епископ Православной российской церкви и Русской православной церкви за границей, «Апостол Камчатки».

[3]Святитель Иннокентий (Вениаминов (Попов) Иван Евсеевич), 1797–1879, митрополит Московский и Коломенский, миссионер, богослов, лингвист, переводчик.

[4]Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС (Я)). Ф.225-и. Оп. 1. Д.1588. Л.6.

Подготовка кадров сибирских миссионеров с 1854 г. осуществлялась на миссионерском отделении Казанской духовной академии, где, помимо изучения «инородческих» языков, в учебный план отделения входили дисциплины по этнографии, религиозным верованиям и миссионерской педагогике. В 1867 г. в Казани было создано просветительское братство св. Гурия, распространявшее христианские книги на языках народов Сибири.

После учреждения в Восточной Сибири новых церковно-административных округов (Камчатская (1840), Енисейская (1861), Якутская (1870) и Забайкальская (1894) епархии) религиозный фронтир и ассимиляция уже вовлеченных в православие инородцев становятся обязанностью епархиальных органов и учреждений. Но уровень данной вовлеченности оставался различным. Переселенческая политика государства способствовала переходу к оседлому образу жизни части населения Енисейской губернии, Прибайкалья и Забайкалья, тогда как специфика проживания на северо-востоке и нерентабельность земледелия обуславливала ведение полукочевого и кочевого хозяйствования. Городское население и крестьянство регулярно посещало храмы, принимало участие в религиозных обрядах и обладало началами православного мировоззрения, но чукчи, камчадалы и ламуты попрежнему оставались в ведении миссионеров и походных священников. У якутов и значительной части бурят, причисленных к приходским причтам, также не сложилось традиционного православия, хотя в их повседневности присутствовали элементы христианства (крестики, иконы, молитвы). Особенная ситуация миссионерской практики присутствовала в Забайкалье, где противодействие распространению и утверждению православия оказывал буддизм, получивший значительные преференции от государства, и зона христианской ассимиляции зачастую ограничивалась территорией миссионерского стана, за пределами которого начиналось фронтирное пространство[1]. Записки и отчеты станов, опросники ПМО содержат сведения, свидетельствующие о разнообразных коммуникационных каналах миссионеров, практическое осуществление которых обуславливалось условиями проживания и ментальностью этносов[2]. В связи с этим в перспективе представляется актуальным проведение компаративного анализа специфики данного процесса на территории Восточной Сибири с привлечением исторических источников, рассматриваемых в проблематике теорий фронтира и имперских окраин.

Таким образом, монастырская колонизация, строительство храмов, социально-просветительская и переводческая деятельность Православной церкви способствовали процессу транскультурации, но наряду с этим сохранялась «культурная непрозрачность» северных этносов и их «особость», ставшая триггером консервации традиционных культур [Юрганова, 2021: 148–169].

Проблемы деятельности внутренних миссий империи были предметом широкого обсуждения церковной и светской общественности конца XIX – начала XX столетий. На общероссийских и региональных миссионерских съездах разворачивались дискуссии о путях преодоления миссионерского кризиса как в отношении недостаточной религиозности инородческого населения, так и о необходимости миссионерской работы среди русских. Предлагались и вырабатывались конкретные программы действий, которым, увы, не суждено было воплотиться в связи со сменой исторической парадигмы в 1917–1918 гг. [Кравецкий, 2012].

IV. Обсуждение. Обращение к теории фронтира в истории колонизации Сибири в российской историографии соотносится с последним десятилетием XX в. Тем не менее в настоящее время еще не сложилась единая концепция сибирского фронтира: «скорее это своеобразные „авторские теории", каждая из которых дополняет друг друга» [Иванова, 2016: 74]. Исследователи обращались к различным аспектам проблематики, а именно условиям формирования фронтира, темпам формирования, вопросам экономического и политического характера, но фронтир религиозный, по мнению автора, не получил должной разработки.

Вопросы инкорпоративной деятельности Русской православной церкви рассматриваются

[1]Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.796. Оп.440. Д.1274.

[2]РГИА. Ф.796. Оп.440. Д.1260, 1261, 1268; Оп.445. Д.304; Ф. 1265. Оп.1. Д.109.

и в контексте теории имперских окраин. В монографии Л.М.Дамешека, изучающего сложный и многосторонний процесс освоения сибирских территорий, выделена отдельная глава по христианизации как составной части окраиной политики [Дамешек, 2018: 295–322]. В связи с этим представляется содержательным и имеющим научные перспективы изучение деятельности Русской православной церкви в Восточной Сибири «от фронтира до окраины».

V. Заключение. Деятельность Русской православной церкви в Восточной Сибири имеет более чем трехвековую историю, и ее роль в переходе от фронтирных территорий к ассимилированным в той или иной мере в имперскую государственность окраинам значима и неоспорима. Исследователи отмечают, что каждому из этносов, населявших империю, была присуща особая ментальность, обеспечивающая устойчивость имперской конструкции [Очерки историографии…, 2022: 213]. Выполняя миссионерские задачи, Православная церковь обеспечивала присутствие государства на окраинных территориях и, используя различные коммуникационные каналы, размывала фронтирные рубежи. Успехи и неуспехи восточно-сибирского миссионерства находились в прямой зависимости от внутренней политики государства, финансировавшего и коррелирующего деятельность Церкви.

Обращение к историческому опыту миссионерской работы Русской православной церкви в контексте современной гуманитарной методологии представляет научный интерес для осмысления взаимодействия пограничных культур, возможностей их вовлеченности в государственное пространство и формирования глобального и локального культурного ландшафта.

Список литературы:

Агеев А.Д. Американский «фронтир» и «сибирский рубеж» как факторы цивилизационного разлома // Американский и сибирский фронтир. Томск, 1997. Вып. 2. С. 30–31.

Андреева А.А. «Фронтир» как культурно-историческая категория // Вестник Калмыкского университета. 2017. № 1 (33). С. 120–125.

Буцинский П.Н. Сочинения. Тюмень: Изд-во Ю.Л. Мандрики, 1999. Т.2. 328 с.

Дамешек И.Л. Соотношение имперских принципов и регионализма в российском законодательстве // Гуманитарные науки в Сибири. 2003. № 2. С. 53−55.

Дамешек Л.М. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX в.). Иркутск: Оттиск, 2018. 456 с.

Замятина Я.Ю. Зона освоения (фронтир) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 75-88.

Иванов В.Ф. Письменные источники по истории Якутии XVII в. Новосибирск: Наука, 1979. 240 с.

Иванова Л.М. Сибирский фронтир: изучение вопроса в отечественной науке // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 4. С. 72–76.

Конев А.Ю. Правовые аспекты конфессиональной политики в отношении инородцев Сибири в конце XVI – начале XVIII в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 12-3 (38). С. 101–107.

Кравецкий А.Г. Церковная миссия в эпоху перемен (между проповедью и диалогом). М.: Наука, 2012. 708 с.

Очерки историографии и источниковедения истории Сибири эпохи империи (XIX – начало XX вв.): учебное пособие / Л.М. Дамешек, И.Л. Дамешек, А.А. Иванов, В.П. Шахеров [Ответственный редактор: Л.М. Дамешек]. Иркутск: изд-во ИГУ, 2022. 319 с.

Побережников И.В. Поволжье и Урал — региональные модели фронтирной модернизации в Российской империи // Двенадцатые Татищевские чтения: всероссийская научно-практическая конференция: материалы. Екатеринбург: Изд-во КВАДРАТ, 2020. С. 21–29.

Попов Г.А. Сочинения. История христианского просвещения якутов и других инородцев Якутской области. Очерки по истории Якутии. Якутск: ЯГУ, ИГИ АН РС (Я), 2005. Т.1. 280 с.

Резун Д.Я. К истории заселения Сибири и Северной Америки в XVII в. (историко-сравнительные параллели) // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 2001а. Вып. 1. С. 8–23.

Резун Д.Я. О некоторых моментах осмысления значения фронтира Сибири и Америки в современной отечественной историографии // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 2001б. Вып. 1. С. 29–54.

Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск: изд-во «Сова», 2005. 196 с.

Ремнев А.В. Административное единство Сибири в исторической ретроспективе (XIX век) // Вопросы социально-политической истории Сибири (XVII–XX вв.). Бахрушинские чтения, 1997 г.: межвузовский сборник научных трудов. Новосибирск, 1999. 199 с.

Румянцев В.П., Хахалкина Е.В. Использование теории фронтира в сравнительно-исторических исследованиях: итоги и перспективы // «Славянский мир» Сибири: новые подходы в изучении процессов освоения Северной Азии. Томск, 2009. С. 109–125.

Санников А.П. Церковь, общество и государство на восточных окраинах Российской империи в XVII–XVIII веках. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016. 311 с.

Спасский монастырь. Краткий исторический очерк. 1644–1904 гг. СПб.: Типолитография И. Лурье и К.,1904. 15 с.

Тернер Ф. Дж. Фронтир в американской истории [Пер. А.И. Петренко]. М.: Весь Мир, 2009. 304 с.

Хромых А.С. Проблема «Сибирского фронтира» в современной историографии // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 5. С. 106–112.

Цыпин В., протоиер. История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды. (1700−2005). М., 2009. 864 с.

Юрганова И.И. Путевые заметки походного священника конца XIX века (публикация документа) // Вестник Свято-Филаретовского гуманитарного университета. 2021. Вып. 39. С. 148–169. DOI: 10.25803 /26587599_2021_39_148.

References:

Ageev A.D. Amerikanskii frontir i sibirskii rubezh kak faktory tsivilizatsionnogo razloma [The American “Frontier” and the “Siberian Frontier” as factors of the civilizational rift]. *Amerikanskii i sibirskii frontier* [The American and Siberian frontier]. Tomsk, 1997. № 2. Pp. 30-31. (In Russian)

Andreeva A.A. Frontir kak kul’turno-istoricheskaya kategoriya [“Frontier” as a cultural and historical category]. *Vestnik Kalmykskogo universiteta* [Bulletin of the Kalmyk University]. 2017. № 1(33). Pp.120-125. (In Russian)

Butsinskii P.N. *Sochineniya* [Essays]. Tyumen, Ju.L. Mandriki Publ., 1999. Volume 2. 328 p. (In Russian)

Dameshek I.L. Sootnoshenie imperskikh printsipov i regionalizma v rossiiskom zakonodatel’stve [Correlation of imperial principles and regionalism in Russian legislation]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia]. 2003. № 2. Pp. 53−55. (In Russian)

Dameshek L.M. *Sibirskie inorodtsy v imperskoi strategii vlasti (18 – nachalo 20 v.)* [Siberian “foreigners” in the imperial strategy of the power (18th – early 20th centuries)]. Irkutsk: Ottisk Publ., 2018. 456 p. (In Russian)

Zamyatina Ya.Yu. Zona osvoeniya (frontir) i ee obraz v amerikanskoi i russkoi kul’turakh [The development zone (frontier) and its image in American and Russian cultures]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost’* [Social sciences and modernity]. 1998. № 5. Pp. 75-88. (In Russian)

Ivanov V.F. *Pis’mennye istochniki po istorii Yakutii 17 veke* [Written sources on the history of Yakutia of the 17th centuries]. Novosibirsk: Science Publ., 1979. 240 p. (In Russian)

Ivanova L.M. Sibirskii frontir: izuchenie voprosa v otechestvennoi nauke [Siberian frontier: the study of the question in Russian science]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. 2016. № 4. Pp.72-76. (In Russian)

Konev A.Yu. Pravovye aspekty konfessional’noi politiki v otnoshenii inorodtsev Sibiri v kontse 16 - nachale 18 vekov [Legal aspects of confessional policy towards the foreigners of Siberia at the end of the 16th – beginning of the 18th centuries]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul’turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Theory and practice]. 2013. № 12-3 (38). Pp.101-107. (In Russian)

Kravetskii A.G. Tserkovnaya missiya v epokhu peremen (mezhdu propoved’yu i dialogom) [Church mission in the Era of Change (between Preaching and dialogue)]. 2012. Moscow: Science Publ., 708 p. (In Russian)

Ocherki istoriografii i istochnikovedeniya istorii Sibiri epokhi imperii (19 – nachalo 20 vv.) [Essays on historiography and source studies of the history of Siberia of the Empire era (19th – early 20th centuries)]. Irkutsk: Irkutsk State University Publ., 2022. 319 p. (In Russian)

Poberezhnikov I.V. Povolzh’e i Ural – regional’nye modeli frontirnoi modernizatsii v Rossiiskoi imperii [Volga Region and the Urals – regional models of frontier modernization in the Russian Empire]. *Dvenadtsatye Tatishchevskie chteniya: vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya. Materialy* [12th Tatishchev readings: All-Russian Scientific and practical conference: materials]. Ekaterinburg: KVADRAT Publ., 2020. Pp.21-29. (In Russian)

Popov G.A. Sochineniya [Essays]. *Istoriya khristianskogo prosveshcheniya yakutov drugikh inorodtsev Yakutskoi oblasti. Ocherki po istorii Yakutii* [The history of Christian enlightenment of the Yakuts and other foreigners of the Yakut region. Essays on the history of Yakutia]. Yakutsk: Yakut University, Institute of Humanitarian Studies Publ., 2005. Volume I. 280 p. (In Russian)

Rezun D.Ya. K istorii zaseleniya Sibiri i Severnoi Ameriki v 17 v. (istoriko-sravnitel’nye paralleli [On the

history of settlement of Siberia and North America in the 17th century. (historical and comparative parallels]. *Frontir v istorii Sibiri i Severnoi Ameriki v XVII-XX vv.: obshchee i osobennoe* [Frontier in the history of Siberia and North America in the 17th – 20th centuries: general and special]. Novosibirsk, 2001. № 1. Pp.8-23. (In Russian)

Rezun D.Ya. O nekotorykh momentakh osmysleniya znacheniya frontira Sibiri i Ameriki v sovremennoi otechestvennoi istoriografii [About some moments of understanding the meaning of the frontier of Siberia and America in modern Russian historiography]. *Frontir v istorii Sibiri i Severnoi Ameriki v 17 – 20 vv.: obshchee i osobennoe* [Frontier in the history of Siberia and North America in the 17th – 20th centuries: general and special]. Novosibirsk, 2001. № 1. Pp. 29-54. (In Russian)

Rezun D.Ya., Shilovskii M.V. *Sibir', konets 16 – nachalo 20 veka: frontir v kontekste etnosotsial'nykh i etnokul'turnykh protsessov* [Siberia, late 16th – early 20th centuries: Frontier in the context of ethno-social and ethno-cultural processes]. Novosibirsk: Sova Publ., 2005. 196 p. (In Russian)

Remnev A.V. Administrativnoe edinstvo Sibiri v istoricheskoi retrospektive (19 vek) [Administrative unity of Siberia in historical retrospect (19th century)]. Voprosy sotsial'no-politicheskoi istorii Sibiri (17 – 20 vv.). *Bakhrushinskie chteniya: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Issues of socio-political history of Siberia (17th – 20th centuries). Bakhrushin readings, 1997: interuniversity collection of scientific papers]. Novosibirsk, 1999. 199 p. (In Russian)

Rumyantsev V.P., Khakhalkina E.V. Ispol'zovanie teorii frontira v sravnitel'no-istoricheskikh issledovaniyakh: itogi i perspektivy [The use of frontier theory in comparative historical research: results and prospects]. *Slavyanskii mir Sibiri: novye podkhody v izuchenii protsessov osvoeniya Severnoi Azii* ["Slavic world" of Siberia: new approaches in the study of the processes of development of Northern Asia]. Tomsk, 2009. Pp.109-125. (In Russian)

Sannikov A.P. Tserkov', obshchestvo i gosudarstvo na vostochnykh okrainakh Rossiiskoi imperii v 17 – 18 vekakh [Church, society and state on the eastern outskirts of the Russian Empire in the 17th – 18th centuries]. Irkutsk: Irkutsk State University. Publ., 2016. 311 p. (In Russian)

Spasskii monastyr'. Kratkii istoricheskii ocherk. 1644-1904 gg. [Spassky monastery. A brief historical sketch. 1644-1904]. Sankt-Peterburg: Tipolitografiya I. Lur'e i K. Publ., 1904. 15 p. (In Russian)

Terner F. Dzh. Frontir v amerikanskoi istorii [The frontier in American history]. Moscow: Ves' Mir Publ., 2009. 304 p. (In Russian)

Khromykh A.S. Problema Sibirskogo frontira v sovremennoi istoriografii [The problem of the "Siberian Frontier" in modern historiography]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2008. № 5. Pp.106-112. (In Russian)

Tsypin V., protoier. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi. Sinodal'nyi i noveishii periody (1700−2005) [The History of the Russian Orthodox Church. Synodal and modern periods (1700−2005)]. Moscow, 2009. 864 p. (In Russian)

Yurganova I.I. Putevye zametki pokhodnogo svyashchennika kontsa 19 veka (publikatsiya dokumenta) [Travel notes of a field priest of the late 19th century (publication of the document)]. *Vestnik Svyato-Filaretovskogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the St. Philaret Humanitarian University]. 2021. № 39. Pp.148-169. (In Russian). DOI: 10.25803/26587599_2021_39_148.

I.I. Yurganova

Russian Orthodox Church in Eastern Siberia: from Frontier to Outskirts

Scientific novelty. The article provides a brief description of the missionary activity of the Russian Orthodox Church in the East Siberian territories, considered in the perspective of the theories of the frontier and imperial suburbs tested and used by modern humanitarian science. *The aim and tasks.* The aim is to turn to modern methodologies for the study of the activities of the Russian Orthodox Church as one of the elements of the imperial policy of incorporation of the East Siberian territories into the Russian state. *Research methods*. In accordance with the aim of the work the study involves a civilizational approach and its derivative, the intercivilizational dialogue, one of the results of which is the transition from the frontier stage to the outskirts; a mondialist approach that recognizes the socio-cultural specifics of local communities through religious and symbolic forms and the principle of holism (integrity), considering the missionary activity of the Russian Church as an integral part of state policy on development of Eastern Siberia.

Results. It is determined that missionary activity contributed to the communication dialogue which acquired special significance in the frontier zones; it is noted that the main reason for the permanence of the process of Christianization

was the state policy aimed at regularly ensuring the collection of yasak, due to fiscal interests the prohibition of forced conversion to Orthodoxy; it is indicated that the insignificant influence of the Christian mentality in the life of peoples leading nomadic or semi-nomadic the way of life, whereas the urban population and the peasantry of Eastern Siberia by the beginning of the 20th century had an Orthodox worldview. The conclusion is made about the role of the church which ensured the presence of the state in remote territories and the importance of its activities in the transition from the frontier to the outskirts.

Keywords: Eastern Siberia, Russian Orthodox in Eastern Siberia, Siberian frontier, religious frontier, Siberian outskirts, missionary work, missionary camps

Л.И. Винокурова

DOI: 10.25693/SVGV.2022.40.3.004
УДК 396(571.56)"197/200"

«Женские ресурсы» сельской Якутии: к истории общественного активизма 1970-х – 2000-х гг.*

Научная новизна. На фоне сохраняющегося общего дефицита гендерных исследований на материалах Якутии существует высокий спрос на изучение истории сельского женского населения. Отсутствие специальных работ по истории второй половины XX – начала XXI вв. актуализирует анализ истории женского активизма в целом и содержания его ресурсов в частности. В статье предпринята пионерная попытка обозначить контуры развития женского общественного движения в селах республики с фокусом на преемственность его практик в период позднего социализма и первых постсоветских десятилетий.

Целью исследования является реконструкция истории общественной активности в сельской Якутии с использованием женских ресурсов. Для достижения цели поставлены *задачи*: освещение направлений общественной деятельности женщин в период позднего социализма и в постсоветское время; анализ содержания основных советских практик женского активизма с проекцией их продолжения в постсоветское время.

Методы исследования. Использование гендерного подхода в сочетании с ретроспективным и историко-сравнительным методами позволило выявить особенности женского общественного активизма в сельских сообществах Якутии в разные исторические периоды. Для выявления главных направлений и важнейших практик общественной деятельности сельских женщин применен метод историзма; в процессе работы также были востребованы методы устной истории и включенного наблюдения.

Результаты. Анализ собранного материала в хронологических рамках 1970-х – 2000-х гг. показал традиции определенной преемственности женского активизма в сельской Якутии, что подтверждается длительным успешным функционированием социальных проектов, инициированных женщинами еще в советское время. Пример их реализации, в частности в сферах здорового образа жизни и работы с уязвимыми группами населения, обнаруживает высокий потенциал «женских ресурсов». Зафиксирован факт общественной мобилизации сельских активисток в кризисный и переходный периоды, когда их опыт, навыки самоорганизации и социальной ответственности сыграли позитивную консолидирующую роль.

Ключевые слова: советская сельская Якутия, человеческие ресурсы, общественный активизм, женщины, коренные народы

*Исследование выполнено в рамках государственного задания ИГИиПМНС СО РАН, проект №121041500279-8 «Азиатская Арктика в XX веке: исторический опыт изучения и реализации ресурсно-природного и человеческого потенциала Якутии».

© *Винокурова Л.И., 2022*

I. Введение. В 1990-е годы всю Россию «накрыло» высокой волной общественно-политической активности населения: на сцену вышло большое количество политических партий, общественных движений, объединений широкого спектра направленности и содержания деятельности. Якутия как часть России также пережила перестроечные времена подъема общественного активизма, в результате которого в регионе появились новые крупные акторы и произошли изменения в палитре публично обсуждаемых общественных проблем. В республике сформировалось общественное движение коренных народов, тесно сотрудничавшее с экологическими объединениями [Григорьев, 2020]. Символическим отражением тех лет представляется то, что в эпоху перестройки на страницах одного журнала «Коммунист» увидели свет две статьи, сыгравшие важную роль в общественном сознании россиян. Это известная публикация «Большие проблемы малых народов» [Пика, Прохоров, 1988] и не менее значимая «Как мы решаем женский вопрос» [Посадская и др., 1989], обозначившие две «болевые точки» общества, где десятилетиями зрели конфликты между декларируемым и реализованным.

Две социальные группы, в советское время считавшиеся благополучными в силу решения всех вопросов, – коренные меньшинства и женское население – оказались в фокусе внимания и дискуссий. В постсоветской Якутии активизировалась женская общественность, как и по всей России [Хасбулатова, 2019]. Если в случае с коренными малочисленными народами первыми стояли проблемы этнической демографии, языков и культуры, экологии и устойчивости традиционной экономики, то относительно женского населения наиболее видимыми и обсуждаемыми оказались вопросы дискриминации в оплате равного труда, состояние здоровья женщин и отсутствие реально равных гендерных возможностей. В 2001 г. республиканская власть официально фиксировала разницу в 34 % в заработной плате у женщин и мужчин в пользу последних[1]. Такое положение складывалось в течение десятилетий. Еще в 1930-е годы «женский вопрос» постигла участь многих других важнейших социальных проблем – «он был провозглашен “решенным”, а стало быть, закрытым для обсуждения…» [Посадская и др., 1989: 56].

Эпоха гласности инспирировала интерес к вопросам роли и места женщин в обществе, к женской истории в Якутии, а последовавший в постсоветский кризис гендерный сдвиг поменял восприятие и оценку статуса полов и на общественно-политической арене. Нельзя не согласиться с утверждением, высказанным на созвучную ситуацию в более ранний период истории, что «сама артикуляция «женского вопроса» в родном отечестве свидетельствовала о симптомах разрушения традиционной культуры, регулирующей отношения между полами, расчленении монолитного «домостроевского» дискурса и плюрализации моделей поведения женщин и мужчин» [Козлова, Рассадин, 2013: 40–41].

Учитывая рамки статьи, нет возможности анализировать литературу, в которой получили освещение региональные гендерные процессы перестроечных и постсоветских десятилетий; основные их контуры в историографии обозначены [Винокурова, 2004, 2019]. С учетом общего дефицита гендерных работ на материалах республики следует признать необходимость исторических исследований, специальных и обобщающих трудов по истории вовлечения женщин в пространство политики и экономики в последней трети XX в. и первых десятилетий XXI в. Указанное актуализирует исследования истории формирования, функционирования и перспектив женского общественного движения в целом и внутреннего «содержания» ресурсов активизма в частности. Существует высокий спрос на изучение сельского женского населения как особой социальной группы, особенно интересны работы, охватывающие длительное время, позволяющее просматривать динамику гендерных изменений [Романенко, 2015]. Нужно отметить, что «сельский ракурс» в исследованиях является одним из востребованных на современном этапе, т. к. подразумевает научное изучение той силы, которая по социальным при-

[1]Постановление правительства РС (Я) от 28 февраля 2001 года № 95 «О концепции государственной политики по улучшению положения женщин в Республике Саха (Якутия)». URL: https://docs.cntd.ru/document/473509509 (дата обращения 20 февраля 2022 г.).

чинам считается менее активной, чем урбанизированное население. В частности, такое высказывается в публикациях серии «Feminisms and Ruralities» также у ряда исследователей [Копотева, 2016; Basu, Galiè, 2021]. В целом сельские жительницы как научный объект относительно мало исследованы, в т. ч. на материалах регионов с полиэтничным населением. Данная статья является пионерной попыткой обозначить контуры развития женского активизма в сельской Якутии, осветить грани его преемственности в период позднего социализма и первых постсоветских десятилетий.

Целью исследования является реконструкция истории использования общественного потенциала сельских женских ресурсов в Якутии 1970-х – 2000-х гг. С этой целью были определены следующие задачи: изучение основных направлений участия сельских женщин в общественной жизни позднего социализма и последующего периода до 2000-х гг.; выявление и анализ основных советских практик сельского женского активизма в республике, сохранившихся в постсоветское время.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты предпринятого исследования на материалах Якутии могут представить интерес для теоретического осмысления богатой и разносторонней истории женского активизма в российских регионах. Аккумулированная в статье информация будет полезной для организаторов и участников современных женских общественных организаций и объединений.

II. Материалы и методы. Поставленные вопросы рассматриваются на материалах республики в хронологических рамках периода последних трех десятилетий XX и начала XXI веков. Базой исследования послужил анализ опубликованных и неопубликованных источников, включая текущие архивы женских общественных организаций; были востребованы полевые материалы автора: прежде всего записи историй жизни, интервью сельских жителей, собранные в улусах (районах) Республики Саха (Якутия) по тематике советской повседневности в 2010-е годы, также материалы автора по гендерным проектам, выполненным в 2001–2018 гг. Изучены и использованы близкие к изучаемой теме научные публикации. С помощью метода историзма выявлялись главные направления и важные социальные практики женского активизма. Наряду с методом устной истории применен, благодаря длительным контактам с активистами и участию в анализе их работы, метод включенного наблюдения. Гендерный подход, ретроспективный и историко-сравнительный метод позволили выявить особенности женской общественной активности в сельских сообществах Якутии в различные исторические периоды.

III. Результаты. В феминологической историографии на материалах Якутии отсутствуют как обобщающие работы по истории интеграции женщин в общественно-политическое пространство республики, так и специальные исследования в рамках позднего социализма и постсоветского периода. Предметом отдельного научного внимания стали вопросы общественных практик сельских женщин в выбранных хронологических рамках 1970-х – 2000-х гг. Анализ привлеченных архивных документов, собранных авторских материалов показывает общую картину достаточно высокой активности сельских женщин в последние десятилетия социализма, богатство накопленного опыта работы с населением организаций и отдельных женщин-активистов по самым разным направлениям.

На обширной территории республики, несомненно, были локальные различия в масштабах и формах участия в общественной жизни. Так, в арктических поселках, построенных по программам перевода на оседлость, была своя специфика: здесь позже, чем в центральных районах Якутии, образовались женсоветы, начинавшие свою работу с элементарных вещей – с правил коллективной жизни в стационарных поселениях, с пропаганды современных санитарных требований в быту и т. д. Женщин учили участвовать в поселковых культурно-массовых мероприятиях, приобщали к коллективным выходам на субботники [Винокурова, 2019: 212]. Общими для всех женсоветов были программы, нацеленные на «организацию социалистического быта», уровень и качество которого в якутских селах долгое время резко отставали от общесоюзных показателей[1]. При отсутствии предприятий сервиса на сельских женщин приходилась

[1]Государственный архив Российской Федерации. Ф. 259. Оп. 45. Д. 1481. Л. 4–6.

громадная нагрузка по быту и домашнему хозяйству, но воспринималось это как обыденная, маловажная рутина. Интеграция женщин в общественное пространство в рассматриваемый период, как и во все советское время, проходила с фокусом на усиленное вовлечение женщин в государственное производство.

Власть целенаправленно и эффективно формировала новый социальный имидж женщин из коренных народов Якутии. Наиболее массовые информационные средства, такие как кино, пресса и литература продвигали образ женщины работающей, имеющей детей и семью, а также активной общественницы. Крупные плановые мероприятия в селах, например, по подведению итогов уборки урожая или завершению промыслового сезона, всегда обязательно подразумевали в списке присутствующих, выступающих и награждаемых женщин-передовиков, символизирующих успешный «контракт работающей матери». Приветствовалось наличие позитивных социальных показателей – наличие детей, соответствующий стандартам «советской семьи» имидж родителей и детей (добросовестная работа, хорошая учеба детей, отсутствие конфликтов с законностью и т.п.). Как вспоминают информанты: «Для работниц предприятий сельского хозяйства или другой сферы было престижно иметь детей, хорошо обучающихся в школе или уже в других учебных заведениях. Осуждалось нарушение членами семьи правопорядка, правил социалистического общежития…»[1].

Сельские женские ресурсы Якутии были неотрывной частью экономики и общественной жизни позднего социализма. Поэтому руководство совхозов и государственных учреждений, сельсоветы и партийные организации сел были заинтересованы в трудовой дисциплине и высокой производительности женщин. Отметим, что в животноводстве, где, в частности, на молочно-товарных фермах женщины составляли основной костяк занятых, в середине 1970-х гг. более 90% работ производилось вручную[2]. При этом работающие на материальном производстве и в других сферах труда были практически все охвачены общественной сетью: попадали в зону внимания профсоюзного, спортивного, хорового, какого-нибудь иного объединения или организации. Но самыми действенными были сельские женсоветы, имеющие возможность контактировать с каждой женщиной, включая домохозяек.

Сельские активисты-женщины, работающие в учреждениях образования и здравоохранения, специалисты аграрной отрасли и учреждений культуры выступали инициаторами различных общественных системных мероприятий. Они собирали женщин во время перерывов на производстве или в редкие часы досуга по разным поводам, в первую очередь по подготовке к советским календарным мероприятиям (День Октябрьской революции, День Советской армии и флота, международный женский день, майские праздники). Информанты часто упоминают об обычной сельской взаимопомощи в 1970–1980-е гг., в которой женщины также играли важную роль: «В нашей деревне был женсовет, который возглавляла местная учительница, по ее команде мы собирались в школе или в клубе, иногда у кого-нибудь в доме. Вместе обсуждали разное, готовились к какому-нибудь мероприятию… Мы пели песни, ставили концерты, проводили выставки рукоделия. Помню, женсовет организовывал нас на субботники для вдов участников войны, инвалидов и одиноких престарелых земляков: помогали с уборкой усадьбы, с дровами»[3].

В сельской Якутии в 1970-е гг. произошли ощутимые социально-экономические изменения, связанные с реформами в аграрной сфере. Определенный оптимизм, о котором часто упоминается в историографии, сопровождался также и социальными негативами, влиявшими на атмосферу в якутских селах [История Якутии, 2021: 426, 428]. Женскому активу приходилось приспосабливаться к текущим изменениям, отвечать возникающим новым вызовам. Вновь был мобилизован потенциал женских ресурсов, именно в период позднего социализма закрепилась практика работы сельских женсоветов по микрорайонам, т. н. туелбэ. В каждой туелбэ был свой кружок активисток, который отвечал за всю общественную работу с семьями и женщинами. Между ними устраивалось соревнование по про-

[1]Полевые материалы автора (ПМА). Запись в Верхоянском улусе РС (Я). 2013 г.

[2]Национальный архив РС (Я). Ф. 52. Оп. 40. Д. 236. Л. 7–8.

[3]ПМА. Запись в Олекминском улусе РС (Я). 2015 г.

изводственным и другим показателям, включая успеваемость детей в школе и приверженность семей здоровому образу жизни[1].

В сельском движении за здоровый образ жизни ключевым стало антиалкогольное движение. Следует признать, что женсоветы и их лидеры были в первых рядах противостояния распространению пьянства и асоциального поведения. Длительная борьба женщин за ограничение торговли алкоголем, за трезвость как норму жизни в селах республики увенчалась появлением пионерных «трезвых сел» во второй половине 1980-х гг. Разумеется, подобные точечные инициативы в годы позднего социализма возникали благодаря отдельным общественникам в самых разных местах Якутии[2]. Но массовыми и, главное, жизнеспособными их сделали именно женщины, которые не только ратовали за зоны трезвости, но и боролись за их сохранение в течение долгих лет. Женские лидеры не только возглавляли движение за трезвость, но и организовали их устойчивость, пропагандировали результаты такого ЗОЖ[3].

Женщины первыми добились добровольного объявления безалкогольными ряда сельских поселений, убедив мужчин в позитивности выбора. Движение получило одобрение сельских социумов, очевиден был как краткий, так и пролонгированный эффект существования территорий трезвости. Позитивный опыт сел, где выросло несколько поколений детей, не видевших домашнего насилия и пьяного криминала, уже в постсоветский период получил официальную поддержку. Забегая вперед, нужно отметить, что в 2000-е гг. региональная власть «перехватила» общественную инициативу, возглавив движение ЗОЖ, была разработана «Концепция государственной политики здорового образа жизни в Республике Саха (Якутия) до 2010 года». Право жителей отказываться от алкоголя было законодательно подтверждено республиканским парламентом Ил Тумэн в 2015 г.[4] Открытым для отдельного обсуждения остается вопрос об их реальном «безалкогольном» статусе, но несомненно одно – многолетняя борьба, в первую очередь женского актива, достигла принципиального поворота общественной позиции сельских жителей в пользу ЗОЖ.

В постсоветское время советские «женские» практики адресной работы в туелбэ (сельских микрорайонах) по поднятию уровня культуры быта и внедрению здорового образа жизни, по показателям общественного порядка с одинокими, многодетными или неблагополучными семьями не были утрачены и оставались на повестке. Женские лидеры не отошли от активности в самые тяжелые кризисные годы, возложив на себя функции по социальной консолидации локальных сообществ: на борьбу за здоровый образ жизни, на поддержку молодых семей и охрану детства. Все женские начинания были востребованы в сельских социумах, так, ответом на социальный спрос была активизация сельских клубов «Суорумньу» («Сваты»), которые в «доинтернетовскую» эпоху вели работу по организации знакомства ориентированных на создание семьи людей. Общие контуры процессов того, как женщины при такой общественной активности включились в экономическое выживание и спасение уровня жизни семей, частично отражены в региональной историографии [Винокурова и др., 2004]. Следует признать факт высокой мобилизации потенциала женских ресурсов, принявших на себя волну кризисных ударов по сельской Якутии.

На рубеже веков в республике женщины сыграли большую роль во многих социальных проектах, в т. ч. инициировав организации и поддержку «мужских» мероприятий: например, сельские «Отцовские соревнования» – «Ага курэгэ» по улусам первыми организовали женсоветы в рамках соревнований между туелбэ и селами[5]. При прямом участии активистов женско-

[1]ПМА. Запись в Усть-Алданском улусе РС (Я). 2017 г.

[2] Михайлов Д. Поездка в самое трезвое село Якутии. URL: https://yakutia24.ru/obshchestvo/46667-poezdka-v-samoe-trezvoe-selo-v-yakutii (дата обращения 15.03.2022)

[3]ПМА. Запись в Таттинском улусе РС (Я). 2011 г.; 30 лет без водки: Свою новую историю якутское село ведет со времен Горбачева. URL: https://sakhapress.ru/archives/220668 (дата обращения 28 февраля 2022 г.)

[4]После трезвых 15 лет якутское село Хордогой решилось узаконить запрет на продажу алкоголя. URL: https://yakutiamedia.ru/news/475748/ (дата обращения 28 февраля 2022 г.).

[5]ПМА. Запись в Чурапчинском улусе РС (Я). 2017 г.; запись в Таттинском улусе РС (Я). 2018 г.; запись в Амгинском улусе РС (Я). 2019 г.

го движения в 2007 г. была организована республиканская Лига отцов; концептуальной поддержкой на том этапе движения послужили труды исследователей регионального гендера [Протопопов, 2007]. Необходимо указать, что «мужской» активизм также практически «белое пятно» в региональной историографии, за исключением единичных публикаций [Tarasova, 2021]. Высокий уровень общественного женского активизма в 1990-е – начале 2000-х гг. можно объяснить традициями советского времени: сохранившаяся сеть женсоветов с опытными лидерами, обладающими организаторскими навыками, оказалась одной из немногих объединений, готовых к вызовам кризиса.

В годы краха системы и хозяйственной разрухи такие разные женщины – скромные сельские труженицы – остались на своих общественных позициях, организовали женские ресурсы во имя социальной стабильности на локальном уровне, сохранили традиции взаимоуважения и взаимопомощи в критических ситуациях, выполнив свою общественную функцию государственной важности. Так, с 1990 до 2004 гг. Вилюйский районный женсовет возглавляла К.Е. Саввинова, в самые тяжелые времена сплотившая женщин вокруг решения острых проблем: работали с семьями с детьми-инвалидами, многодетными, членами семей отбывших заключение, престарелыми и пожилыми, семьями солдат, служащих в «горячих точках» [Черепанова и др., 2021: 63].

В 1990-е гг. женские активисты взяли на себя ответственность за жизнь в своих социумах: продолжали помогать людям, инициировали новые проекты, поддерживали гуманитарные начинания. Например, в Таттинском улусе одним из первых в 1995 г. был организован Центр социальной помощи семье и детям, ставший одним из опорных пунктов работы с населением. В организации всех культурных мероприятий, в пропаганде ЗОЖ, координации работы на местах с мужчинами, с объединениями отцов бесспорна заслуга бессменного с 1991 до 2016 гг. председателя районного женсовета М.М. Аммосовой [Черепанова и др., 2021: 133–134]. У женсоветов в селах, на которые обрушилась безработица после развала совхозов, когда семьи столкнулись с беспрецедентными вызовами, было много «черновой», порой неблагодарной работы. В этом свете личный опыт каждой участницы и организатора работы заслуживает специального изучения. К настоящему времени идет аккумуляция информации о деятельности лидеров и активистов женского движения республики в целом [Женщины Якутии, 2005, 2021].

В постсоветское время женщины расширили свое участие в общественной жизни, став участниками массовых движений различного характера: от профессиональных объединений до клубов по личным интересам и хобби. Общественницы часто выступали в роли организаторов и лидеров инициатив с инновационным посылом, например, было образовано движение сельских женщин «Алаас хотун» с эко-культурным компонентом в основной деятельности под руководством И.П. Матвеевой. Действительно, можно говорить о высокой адаптивности «женских ресурсов», предопределившей лидирующие позиции женщин коренных народов Якутии в общественном активизме [Григорьев, 2018: 179].

Отдельным, на сегодня малоисследованным аспектом данного феномена является участие женщин республики в этнокультурных движениях и объединениях. Касательно «этнического компонента» в целом гендерном поле Якутии, включая женский общественный активизм, он затрагивался в упомянутой здесь историографии лишь фрагментарно. К примеру, интересен и нуждается в компаративном анализе факт доминирования этнической составляющей в самоидентификации над иными социальными, включая гендерную принадлежность, отмеченный у активисток-представительниц коренных малочисленных народов Севера Якутии [Винокурова, 2019]. При этом нужно признать, что возможности самореализации у женщин по сравнению с советским периодом бесспорно расширились: об этом свидетельствуют варианты и траектории развития современного женского активизма.

IV. Обсуждение. В региональной историографии освещены основные этапы вовлечения женщин Якутии в производственную и общественную сферы на разных этапах социально-экономического развития республики, но при этом почти никогда не анализировались истоки, организация и содержание их активизма. Призванное стать частью советской системы женское движение республики изначально было

инициировано государством и пользовалось его всемерной поддержкой. Женщин-лидеров продвигали по служебной лестнице, наиболее результативных по профилю деятельности включали в номенклатурный резерв. Организованная сельская женская масса выступала дисциплинированной, хорошо управляемой общественной силой, успешно используемой в интересах государственной политики. Интересно, что данный советский подход к женским ресурсам, практика контролируемого привлечения их к государственным кампаниям различного уровня, к избирательным в первую очередь, сохранились не только в первое постсоветское время, но и продолжают функционировать. Однако тема подобной «ведомой» позиции практически отсутствует в региональном общественном и научном дискурсе.

В 1925 г. на Первом съезде трудящихся женщин Якутии первые лица республики и руководители основных ведомств (все – мужчины) выступали перед 87 делегатками, из которых 36 не умели читать и писать. Официальный патернализм в гендерной политике тех лет очевиден, но прошел почти век, а модель взаимоотношений в тандеме «власть и женщины» видоизменилась мало, оставшись несимметричной. Наши информанты из сельских сообществ в 2000-е гг. отмечали, что после периода высокой востребованности женских ресурсов в 1990-е и в начале «нулевых», по их мнению, интерес к женскому движению у представителей власти заметно снизился. Но при этом сельский женский актив регулярно призывается к реализации государственных мероприятий, как и прежде. В этом направлении требуется отдельный анализ вопроса эволюции отношений власти и женских ресурсов республики.

Дискуссионной остается также проблема представительства женщин в высших органах власти. В постсоветский период уже третье десятилетие публично обсуждается слабое продвижение женщин в верхние управленческие эшелоны: женские съезды республики включают в резолюции пункт о необходимости преодоления гендерной дискриминации на всех уровнях. Сторонники увеличения количества принимающих решения женщин часто апеллируют к советской истории, когда существовавшие квоты позволяли якутянкам всех этнических групп присутствовать в законодательной и исполнительной власти. В 1938 г. женщины составляли 23 % депутатов Верховного Совета Якутии[1], что близко к современным гендерным требованиям. По итогам же выборов 2018 г. в число 70 депутатов Ил Тумэн вошли всего 12 женщин, одна из них выбыла добровольно в марте 2020 г., в результате женщины-парламентарии обладают лишь 15,9 % мандатов.

V. Заключение. В статье поставлены и решены конкретные задачи, позволяющие закрыть отдельные «белые пятна» в изучении женской истории республики. На основе анализа женского общественного активизма в поздний советский период выявлено, что был накоплен богатый опыт работы с сельским населением, востребованный и использованный в постсоветские годы. С высоты сегодняшнего дня видно, что в девяностые годы XX в. и в начале XXI в. в сельской Якутии были успешно осуществлены как продолженные, так и новые социальные проекты. Необходимо отметить, что в критические годы именно наличие в «строю» женщин-лидеров с многолетним багажом знаний и организационных навыков, с бесспорным личным авторитетом способствовало сохранению масштабов и направлений общественной активности. На примере отдельных социальных проектов, в частности, реализации женщинами программ ЗОЖ, показан потенциал женских ресурсов, жизнеспособность социальных практик женского активизма в сельской Якутии.

Подтверждается тенденция устойчивости и позитивности вектора развития тех сельских сообществ, где в изучаемый период ведущую или очень значимую роль играли группы общественных активисток. Советские «женские» практики адресной работы в сельских микрорайонах по поднятию уровня культуры быта и внедрению здорового образа жизни, по показателям общественного порядка, по работе с одинокими, многодетными или неблагополучными семьями – оставались на повестке и в постсоветское время. Следует признать факт высокой

[1] Выборы депутатов Верховного Совета Якутской АССР первого созыва 26 июня 1938 года. URL: http://yakut.izbirkom.ru/news/2984/ (дата обращения 28.02.2022).

мобилизации потенциала женских ресурсов, принявших на себя волну кризисных ударов по сельской Якутии. Можно сказать, что советский багаж навыков самоорганизации и социальной ответственности якутянок сыграл свою амортизирующую болезненность вызовов и консолидирующую сообщество роль в переходный период. Позже социально-экономические процессы изменили многое, включая и социальное поведение женщин, направления их деятельности. Сформировались новые характеристики состава участниц общественного активизма, научный анализ и всесторонняя оценка содержания этих изменений еще предстоит.

Список литературы:

Винокурова Л.И. Женские общественные организации Якутии во второй половине XX – начале XXI веков // Научный диалог. 2019. № 1. С. 209–222. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-1-209-222

Винокурова Л.И., Попова А.Г., Боякова С.И., Мярикянова Э.Т. Женщина Севера: Поиск новой социальной идентичности. Новосибирск: Наука, 2004. 206 с.

Григорьев С.А. Общественно-политическое движение коренных народов Якутии (конец 1980-х – 1990-е гг.). Новосибирск: Издательство СО РАН, 2020. 129 с.

Григорьев С.А. Этнический активизм и гендерные стратегии: женщины в общественном движении коренных малочисленных народов Севера в Якутии в конце XX века // Научный диалог. 2018. № 11. С. 172–182. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-11-172-182

Женщины Якутии [Авт.-сост. И.И. Антипина и др.; отв. ред. Л.И. Винокурова]. Т. 1. Конец XIX – I половина XX вв. Якутск: Сахаполиграфиздат, 2005. 114 с.

Женщины Якутии [Авт.-сост. Л.И. Винокурова и др.; отв. ред. Л.И. Винокурова]. Т.2. Вторая половина XX в. Якутск: Типография СМИК, 2021. 160 с.

История Якутии: в 3 томах [Под общ. ред. А.Н. Алексеева; редакционный совет: А.С. Николаев, А.Н. Жирков, С.В. Местников и др.]. Т. III. Новосибирск: Наука, 2021. 592 с.

Козлова Н., Рассадин С. Дискурсивные эффекты модернизации: «женский вопрос» как механизм интеграции женщин в общество модерна // Власть. 2013. №12. С. 40–44.

Копотева И.В. Гражданское общество и гражданская активность сельской России // Крестьяноведение. 2016. Т. 1. № 1. С. 142–166.

Пика А.И., Прохоров Б.Б. Большие проблемы малых народов // Коммунист. 1988. № 16. С. 76–83.

Посадская А.И., Римашевская Н.М., Захарова Н.К. Как мы решаем женский вопрос // Коммунист. 1989. № 4. С.56–65.

Протопопов С.С. Проблемы современного отцовства // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. № 43–1. С. 273–275.

Романенко И.В. Трансформация статуса белорусской сельской женщины в XX – начале XXI вв. Минск: Белорусская наука, 2015. 201 с.

Хасбулатова О.А. Женское движение в современной России // Женщина в российском обществе. 2019. № 3. С. 14–26.

Черепанова А.П., Кириллина В.И., Андреева А.Е. Женское движение Якутии: от истоков в будущее. Якутск: Типография СМИК, 2021. 276 с.

Basu P.; Galiè A. Introduction to Special Issue: Gender and Rural Development: Sustainable Livelihoods in a Neoliberal Context. Sustainability. 2021. № 13 (21). 12258. https://doi.org/10.3390/su132112258

Tarasova Z. All-Male Warrior Dances and Men's Groups. Coping with the Decline of Manhood and Immigration in the Sakha Republic (Yakutia). Sibirica. Vol. 20. № 2. Summer 2021. Pp. 1–26. https://doi.org/10.3167/sib.2021.200202

References:

Basu P.; Galiè A. Introduction to Special Issue: Gender and Rural Development: Sustainable Livelihoods in a Neoliberal Context. Sustainability, 2021. № 13(21). 12258. https://doi.org/10.3390/su132112258 (In English)

Cherepanova A.P., Kirillina V.I., Andreeva A.E. *Zhenskoye dvizheniye Yakutii: ot istokov v budushcheye* [Women's movement of Yakutia: from the origins to the future]. Yakutsk: SMIK Print. LLC, 2021. 276 p. (In Russian)

Grigoryev S.A. Etnicheskiy aktivizm i gendernyye strategii: zhenshchiny v obshchestvennom dvizhenii korennykh malochislennykh narodov Severa v Yakutii v kontse XX veka [Ethnic activism and gender strategies: women in social movement of indigenous peoples of north in Yakutia in late 20th century]. *Nauchnyy dialog* [Scientific dialogue]. 2018. № 11. Pp. 172–182. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-11-172-182 (In Russian)

Grigoryev S.A. *Obshchestvenno-politicheskoye dvizheniye korennykh narodov Yakutii (konets 1980-kh – 1990-ye gg.)* [Socio-political movement of the indigenous peoples of Yakutia (late 1980s – 1990s)]. Novosibirsk. 2020. 129 p. (In Russian)

Istoriya Yakutii [History of Yakutia]. In 3 volume. T. III. Novosibirsk: Science Publ., 2021. 592 p. (In Russian)

Khasbulatova O.A. Zhenskoye dvizheniye v sovremennoy Rossii [Women's movement in modern Russia]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [Woman in Russian society]. 2019. №3. Pp. 14–26. (In Russian)

Kopoteva I.V. Grazhdanskoye obshchestvo i grazhdanskaya aktivnost' sel'skoy Rossii [Civil society and civic sctivity in rural Russia]. *Krest'yanovedeniye* [Peasant studies]. 2016. Vol.1. № 1. Pp. 142–166. (In Russian)

Kozlova N., Rassadin S. Diskursivnyye effekty modernizatsii: "zhenskiy vopros" kak mekhanizm integratsii zhenshchin v obshchestvo moderna [Discursive effects of modernization: "Women's question" as a mechanism for women's integration into modern society]. *Vlast* [Power]. 2013. № 12. Pp. 40–44. (In Russian)

Pika A.I., Prokhorov B.B. Bol'shiye problemy malykh narodov [Great problems of small peoples]. Kommunist. 1988. № 16. Pp. 76–83. (In Russian)

Posadskaya A.I., Rimashevskaya N.M., Zakharova N.K. Kak my reshayem zhenskiy vopros [How do we solve the female's issue]. Kommunist. 1989. № 4. Pp. 56–65. (In Russian)

Protopopov S.S. Problemy sovremennogo ottsovstva [Problems of modern paternity]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena* [Proceedings of the RSPU named after Herzen]. 2007. № 43-1. Pp. 273–275. (In Russian)

Romanenko I.V. Transformatsiya statusa belorusskoy sel'skoy zhenshchiny v XX – nachale XXI vv. [Transformation of the status of the Belarusian rural woman in the 20th - early 21st centuries]. Minsk: Belarusian Science, 2015. 201 p. (In Russian)

Tarasova Z. All-Male Warrior Dances and Men's Groups. Coping with the Decline of Manhood and Immigration in the Sakha Republic (Yakutia). *Sibirica*. Vol. 20. № 2. Summer 2021. Pp. 1–26. https://doi.org/10.3167/sib.2021.200202 (In English)

Vinokurova L.I. Zhenskiye obshchestvennyye organizatsii Yakutii vo vtoroy polovine XX – nachale XXI vekov [Women's public organizations in Yakutia in the second half of 20th – beginning of 21st centuries]. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue]. 2019. № 1. Pp. 209–222. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-1-209-222 (In Russian)

Vinokurova, L.I., Popova A.G., Boyakova S.I., Myarikyanova E.T. Zhenshchina Severa: Poisk novoy sotsial'noy identichnosti [Woman of the North: the search for a new social identity]. Novosibirsk: Science Publ., 2004. 205 p. (in Russian)

Zhenshchiny Yakutii. T.1. Konets XIX v. – I polovina XX v. [Women of Yakutia. Vol. 1: The end of the 19th – the first half of the 20th centuries] (ed. Vinokurova L.I.). Yakutsk: Sakhapoligraphizdat, 2005. 114 p. (In Russian)

Zhenshchiny Yakutii. T.2. Vtoraya polovina XX v. [Women of Yakutia. Volume 2. Second half of the 20th century. Edit by L.I. Vinokurova]. Yakutsk: SMIK Print. LLC. 2021. 160 p. (In Russian)

L.I. Vinokurova

"Female Resources" of Rural Yakutia: on the History of Social Activism in the 1970s – 2000s.

Scientific novelty. Against the background of the general shortage of gender studies based on the materials of Yakutia there is a high demand for studying the history of the rural female population. The absence of special works actualizes the analysis of the history of women's activism in general and the content of its resources in particular. The article makes a pioneering attempt to outline the contours of the development of the women's social movement in the republic, focusing on the continuity of its practices in the period of late socialism and the first post-Soviet decades. *The aim* of the study is to reconstruct the history of social activity of 1970s – 2000s in rural Yakutia using women's resources. To achieve the aim, the following *tasks* were set: highlighting the areas of social activity of rural women in the period of late socialism and in the post-Soviet period; analysis of the content of the main soviet practices of women's activism with a projection of their continuation in the post-Soviet period. *Research methods.* To identify the main areas of social activity of rural women, the most important practices, the method of historicism was applied. In the process of work, the method of oral history and the method of participant observation were in demand. The use of a gender approach in combination with retrospective and historical-comparative methods made it possible to identify the features of women's social activism in rural communities of Yakutia in different historical periods.

Results. The analysis of the collected material in the chronological framework of the 1970s – 2000s showed the traditions of a certain continuity of women's activism in rural Yakutia which is confirmed by the long-term successful

functioning of social projects initiated by women back in Soviet times. An example of their implementation, in particular, in the areas of a healthy lifestyle and work with vulnerable groups of the population, reveals the high potential of "female resources". The fact of mobilization of rural female activists during the crisis and transition periods, when their experience, skills of self-organization and social responsibility played a positive consolidating role was recorded.

Keywords: Soviet rural Yakutia, human resources, social activism, women, indigenous peoples

П.О. Саввинов

DOI: 10.25693/SVGV.2022.40.3.005
УДК 347.991(571.56)(09)

Историография мирового и коронного судопроизводства в Якутии в конце XIX − начале XX вв.

Научная новизна. Данная статья посвящена исследованию в историографии отечественной исторической науки проблемы судопроизводства мирового и коронного судов Якутии в конце XIX − начале XX вв. На данный момент в современной российской исторической литературе представлены различные суждения о судебном преобразовании в Сибири 1897 г. Изучение истории сибирского окружного и мирового судов конца XIX – начала XX вв. начинается с 1990-х гг., но тем не менее в историографии тема деятельности пореформенного судебного органа в Якутии относится к тем «белым пятнам», которые науке еще предстоит исследовать.

Цель статьи – историографический анализ научных трудов по истории деятельности судебных властей Якутии конца XIX – начала XX вв. *Задачи*: рассмотреть научные труды историков и правоведов, посвященные изучению судопроизводства в Якутии конца XIX – начала XX вв., и осветить взгляд отечественных исследователей на коммуникативную практику в судопроизводстве Сибири конца XIX – начала XX вв.

Методы исследования. В ходе работы при изучении историографических материалов применялись методы ретроспективного и перспективного анализа, а также проблемно-хронологический метод.

Результаты. Проанализировав труды историков и правоведов, посвященные теме исследования, автор приходит к выводу о том, что до настоящего времени в историографии отсутствуют специальные работы, посвященные исследованию судопроизводства в Якутии в конце XIX – начале XX вв., в которых бы изучался опыт коммуникации общества и мирового и окружного судов как части системы органов государственной власти.

Ключевые слова: судопроизводство, коммуникативное пространство, взаимодействие, окружной суд, мировой суд, Сибирь, Якутия, судебная реформа 1897 года

I. Введение. Масштабные реформы в Российской империи во второй половине XIX века привели к существенным изменениям в социальной структуре общества, империя встала на путь индустриального развития, что вызвало необходимость судебной реформы, это стало отправной точкой становления правового государства. Судебная реформа была наиболее либеральной из всех великих реформ Александра II. Новая судебная власть была формально отделена от других ветвей и базировалась на принципах равноправия сторон, независимости судей. В целом в дореволюционной России отрасль права развивалась в направлении установления верховенства закона, отделения судебной власти от административной, признания за человеком равного права на судебную защиту, что стало фундаментом для становления гражданского сознания в обществе [Миронов, 2015: 144]. Однако стоит отметить, что к

© Саввинов П.О., 2022

1917 г. гражданское общество в империи сформировалось лишь в общих чертах, причем только в городской среде европейской части России, а в восточных окраинах оно находилось в стадии зарождения [Миронов, 2015: 616]. На рубеже XIX – XX вв. царское правительство было нацелено на постепенную унификацию институтов власти и сближения административного устройства Сибири с центральными регионами дореволюционной России с учетом сибирской специфики в области управления. Распространяя на Сибирь уже введенные в центральных губерниях административные и судебные институты, царская власть стремилась использовать накопленный опыт, найти наиболее приемлемые формы адаптации [Дамешек, Ремнев, 2007: 138]. Судебная реформа 1897 г. вводила в организацию судебной власти в Сибири некоторые принципы модернизации: расширяла пределы гласности судопроизводства и состязательность в судебном процессе, усиливала независимость суда от администрации. В Восточной Сибири осуществление судебной реформы началось в 1897 г. В Якутской области окружной суд начал свою работу одновременно с открытием Иркутского окружного суда и Судебной палаты 2 июля 1897 г., они прекратили свою деятельность 15 декабря 1919 г. после установления Советской власти в регионе.

В работе особое внимание уделено изучению коммуникативного аспекта в судопроизводстве после судебного преобразования 1897 г., когда Якутская область вошла в общеимперское правовое пространство. В связи с этим коммуникативное пространство понимается как коммуникативная среда профессиональной деятельности Якутского окружного суда и мировых судей [Осипова, 2015: 130]. Анализ деятельности судебных властей области по разрешению в установленном законом порядке уголовных и гражданских дел в коммуникативном пространстве поможет определить место региона в правовом поле дореволюционной России, что дает возможность проследить процесс общей модернизации края. Богатое научное наследие по судебным реформам 1897 г. и судопроизводству в Сибири конца XIX – начала XX вв. детерминирует актуальность его историографического изучения на современном этапе развития исторической науки. *Цель* данной работы – историографический анализ научных трудов по истории деятельности судебных властей Якутии конца XIX – начала XX вв.

Теоретическая значимость работы заключается в использовании ее выводов для дальнейшего изучения истории коммуникативных аспектов судопроизводства в Якутии конца XIX – начала XX вв.

Практическая значимость состоит в том, что обобщения и материалы могут послужить основой для новых научных исследований, составления учебных курсов по истории судопроизводства в Сибири конца XIX – начала XX вв.

II. Материалы и методы. Исследование осуществлялось с помощью методов ретроспективного и перспективного анализа и проблемно-хронологического метода, позволившего актуализировать полученную историографическую информацию. В качестве материала для историографического анализа выступают труды отечественных историков и правоведов, исследовавших тематику судопроизводства в Сибири конца XIX – начала XX вв.: Н.Ф. Анненского, Н. Арефьева, Р.Л. Вейсмана, Н.Н. Розина, Д.А. Кочнева, Н.А. Виташевского, Б.Г. Корягина, М.Ш. Альмухаметовой, М.А. Бтикеевой, Д.А. Глазуновой, Е.А. Крестьянникова, Т.Л. Кураса, А.И. Архиповой, И.Г. Адоньевой и др.

III. Результаты. В ходе исследования рассмотрены труды историков и правоведов, посвященные деятельности мировых и коронных судей в Сибири конца XIX – начала XX вв., в соответствии с принятой условной периодизацией отечественной историографии: дореволюционный, советский и постсоветский (современный) периоды. Среди дореволюционных исследователей интерес к проблемам суда в Сибири наметился накануне введения в 1897 г. судебных уставов. Об отдельных аспектах судебного преобразования 1897 г. и деятельности суда писали Н.Ф. Анненский [Анненский, 1896], Н. Арефьев [Арефьев, 1896], В.Н. Анучин [Анучин, 1909а; Анучин, 1909б; Анучин, 1909в][1], Р.Л. Вейсман

[1]Анучин В.Н. К десятилетию судебной реформы в Сибири // Сибирская жизнь. 1907. 1 июля.

[Вейсман, 1908а; Вейсман, 1909; Вейсман, 1908б][1], А. Ветров [Ветров, 1906], М. Войтенков[2], Н.А. Гурьев[3], Г.Н. Потанин [Потанин, 1908], Н.Н. Розин [Розин, 1902], В. Севостьянов [Севостьянов, 1911], В. Сибирский и др. Наибольшее внимание авторы уделяли рассмотрению особенностей устройства суда в Сибири, при этом подвергали критике существовавшую дореформенную судебную систему и отмечали произвол суда, меркантильность судей.

Адвокаты В.Н. Анучин и Р.Л. Вейсман исследовали коммуникацию сибирских мировых судей с местным населением, полицией и окружным прокурором в контексте преобразования судебной власти в 1897 г. и в результате негативно оценили реформу. В.Н. Анучин утверждал, что по причине удаленности населенных пунктов друг от друга в Сибири мировые судьи не успевали выполнять свои обязанности, так как постоянно находились в разъездах по своим участкам. Судебные дела часто приостанавливались за отсутствием одного из участников. В целом В.Н. Анучин в своем труде представляет министра юстиции Н.В. Муравьева как главного виновника в ограниченности судебного преобразования [Анучин, 1909а; Анучин 1909б; Анучин, 1909в; Арефьев, 1896]. Р.Л. Вейсман считал, что все участники были недовольны новым мировым судом. Обыватели жаловались на окружной суд, а судьи писали докладные записки «с горькими сетованиями на свою судьбу», а более смелые переходили работать в адвокатуру или акциз [Вейсман, 1908б: 41–42]. По мнению Р.Л. Вейсмана, у правительства не было желания нести расходы на судебную реформу в Сибири [Вейсман, 1908а; Вейсман, 1909][4]. Авторы рассматривали проблему реформирования сибирского суда в областнической традиции и связывали ограниченность судебной реформы с искусственным подавлением интересов «колонии» «метрополией». Иное мнение высказывал профессор Томского университета Н.Н. Розин, связывавший отступления от положений Судебных уставов 1864 г. при осуществлении преобразования судебной власти Сибири с тем, что царские чиновники не знали «быт» края [Розин, 1902]. Главным ограничением Судебных уставов при их распространении на территории Сибири единогласно признавалось отсутствие суда присяжных. Доказывалось, что Сибирь нуждается в нем больше других регионов и там отсутствовали препятствия для его введения.

Исследователи с осторожностью говорили о положительных сторонах нового суда. А. Ветров писал, что освобождение полиции от полномочий проводить досудебное расследование и наделение судебно-следственными компетенциями мировых судей приблизило судебную власть к населению. Однако сам А. Ветров отмечал также отрицательные стороны реформы по созданию судебно-следственного института. Например, при получении информации о таком крупном преступлении, как, например, убийство или крушение поезда мировой судья должен был приостановить рассмотрение судебного дела и отпустить приехавших «со всех концов участка» народ. Если бы судья игнорировал информацию о преступлении и продолжал свою сессию, то провалил бы расследование, тогда ему пришлось бы подавать объяснительную записку прокурорскому надзору и окружному суду. По мнению А. Ветрова, как правило, мировой судья получал накопившуюся информацию о совершенных преступлениях с опозданием, так как он должен был объездить весь свой участок, но не мог поехать по делу для проведения следствия из-за назначенных судебных заседаний [Ветров, 1906].

Давались оценки судебного преобразования в Сибири и в ряде дореволюционных работ, посвященных общим проблемам развития суда в Российской империи. Ограниченность судебной реформы 1897 г. И.В. Гессен связывал с особой «окраинной» политикой царизма, проявившейся при проведении судебных реформ в «малонаселенных, некультурных окраинах империи». По мнению М.П. Чубинского, проведение реформ суда на периферии империи в ограниченном виде являлось одним из направлений политики судебных контрреформ [Гессен, 1905; Чубинский, 1909].

[1]Вейсман Р.Л. Заметки о судебной реформе в Сибири // Томский листок. 1896. 29 ноября.

[2]Войтенков М. Мировой судья в Сибири и Забайкалье // Право. 1911. 30 января.

[3]Гурьев Н.А. Итоги сибирской жизни за 1897 г. // Сибирский вестник. 1898. 3 января.

[4]Вейсман Р.Л. Заметки о судебной реформе в Сибири // Томский листок. 1896. 29 ноября.

Судопроизводство в мировых и окружных судах Якутии специально не изучалось, основные исследования были посвящены обычному праву якутов. Д.А. Кочнев анализировал коммуникацию в традиционном обществе в контексте рассмотрения судопроизводства якутов. Автор отмечал, что судебная практика якутов была доказательной, и выделял следующие их виды: судебный поединок; судебное испытание железом, огнем и ездой на дикой лошади. Д.А. Кочнев, ссылаясь на Н.С. Щукина, писал, что в судебной практике имело место употребление клятв как подтверждение слов, и отмечал, что свидетели имели большое значение в судебном разбирательстве. Свидетельские показания проверялись очной ставкой, перекрестными допросами [Кочнев, 1899]. Н.А. Виташевский также изучал взаимодействие в якутском обществе в контексте организации суда и судопроизводства, особенно его интересовали словесные разбирательства в суде. Автором рассматривались вызовы в суд, следствие, решение и исполнение решений. При изучении судебного доказательства Н.А. Виташевский, опираясь на фольклорные материалы, рассмотрел поединки, в которых «состязались на смерть», ордалии, считавшиеся без сомнения доказывающими виновность или невиновность подсудимого. Как отмечал Н.А. Виташевский, якуты избегали присяг, а судьи предлагали ответчикам поделить «искомую вещь пополам», чтобы не заставлять их давать клятву [Виташевский, 1929].

В советский период судебная система Сибири конца XIX – начала XX вв. не стала самостоятельным предметом историографического исследования и практически не изучалась. В ряде известных работ и учебных пособий приводятся самые общие сведения о юстиции и ее реорганизации в регионе. Проблема развития судебной власти в Сибири в конце XIX – начале XX вв. советскими историками игнорировалась. До середины 1980-х гг. единственным историком, специально изучавшим сибирскую юстицию второй половины XIX – начала XX вв., являлся Б.Г. Корягин. Историк, опираясь на марксистко-ленинскую методологию, пришел к мнению, что царское правительство ввиду экономической и политической отсталости края, слабости буржуазии и классовой борьбы имело возможность оттянуть проведение судебной реформы в Сибири, чего нельзя было сделать в Европейской России. Наряду с этим исследователь связывал откладывание судебных переустройств с нападками на новую судебную организацию, ставшими препятствием распространению на регион Судебных уставов. Стоит отметить, что Б.Г. Корягиным не рассматривалась судебная реформа 1897 г. [Корягин, 1963; Корягин, 1965а; Корягин, 1965б].

Советская историко-правовая наука ставила своей целью разоблачить «подлинную природу» судебной реформы 1864 г. через призму классовой борьбы, которая, как и другие реформы Александра II, была прямым следствием кризиса крепостничества и возникновения революционной ситуации, сложившейся в Российской империи во второй половине XIX в. [Виленский, 1964]. Однако правоведами тема судебной реформы в Сибири 1897 г. не затрагивалась, при этом исследователи были заинтересованы в изучении правового регулирования общественных отношений коренных народов Сибири XVII – начала XIX вв. М.М. Федоров осветил вопрос о правовом положении народов восточной Сибири, где рассмотрел суд «словесной расправы» и пришел к выводу, что данный институт представлял собой «классовое орудие» нойонов и тойонов и, опираясь на обычное право, давал возможности для произвола «местной верхушки» и маскировал произвол царской власти [Федоров, 1991].

На современном этапе развития исторической науки исследования истории сибирского окружного и мирового судов конца XIX – начала XX вв. активизировались. Историками большое внимание уделялось истории развития судебной власти в Западной Сибири XIX – начала XX вв. И.Г. Адоньева, М.Ш. Альмухаметова и А.В. Гаврилова сосредоточили внимание на стороне защиты общества. М.Ш. Альмухаметова отметила противоречивость отношения местного общества к судебной системе, представители которого до проведения реформы 1897 г. «вообще не верили в правосудие» [Альмухаметова, 2011]. В своих научных изысканиях И.Г. Адоньева обратилась к «действующим лицам» судебной системы. В них западносибирское юридическое сообщество представляется как территориальная и социально-профессиональная группа, выявляется ее численный со-

став, определяются ключевые статусные признаки юристов, раскрываются особенности их взаимоотношений с местным населением, а также между собой. Изучено отношение представителей западносибирского юридического сообщества к преобразованиям на основе Судебных уставов. Историк пришел к убеждению, что западносибирские специалисты-правоведы были склонны идеализировать судебные порядки, которые Россия получила в результате осуществления судебной реформы 1864 г., и отрицательно относились к ограничениям норм уставов Александра II при их применении к Сибири [Адоньева, 2008]. В диссертации Е.А. Крестьянникова «Судебные преобразования в Западной Сибири в 1885–1917 годах» на основании достаточно широкого круга источников рассмотрены особенности судебной реформы 1897 г. и последующие преобразования суда, а также вопрос об их глубине и результативности. Приоритет отдан изменениям в уголовном судопроизводстве, имеющим высокое политическое значение. Исследователь сосредоточил внимание на изучении прежде всего тех институтов и процессуальных механизмов, которые подвергались преобразованиям и играли наибольшую существенную роль в производстве уголовного правосудия. В связи с этим он пришел к выводу о существовании особенного сибирского вида юстиции, отличавшегося нежизнеспособностью [Крестьянников, 2012]. Е.А. Крестьянников отмечал, что сибирский мировой суд «с его волокитой, медленностью производства дел, многофункциональностью, недостатком персонала» не стал доступным для населения. Среди населения проявлялось недоверие к этому новому судебному институту, люди не надеялись на удовлетворение своих правовых нужд. Во второй половине XIX – начале XX вв. представители сибирской общественности, чиновники администрации, местные судебные деятели считали деятельность судов неудовлетворительной и откладывание его преобразования неоправданным [Крестьянников, 2009].

Исследования А.В. Астахова, Д.А. Глазунова посвящены вопросам реформирования, организации и функционирования судебных институтов. Рассмотренные труды внесли немалый вклад в историческую науку, дополнив представления о судебной системе Тобольской и Томской губерний, обозначив контуры ее дальнейших исследований. Работа А.В. Астахова расширяет и углубляет представление о профессиональной и общественной деятельности различных юридических подсистем и элементов Омского судебного округа. Существенным плюсом стало выделение типа судей Сибири и Степного края, представленного наличием антиномичных качеств: близостью и одновременно независимостью от населения, независимостью от администрации и одновременно готовностью подчиняться ее требованиям. А.В. Астахов пришел к выводу, что институт мировых судей, несмотря на нехватку кадрового состава и проблему «полифункциональности», довольно органично вписался в сибирское общество, став звеном, соединяющим стремление этого общества к справедливости и защите со стороны власти и стремление власти повысить уровень юридической грамотности и активности населения [Астахов, 2009]. В работах Д.А. Глазунова наблюдается следование за источниками. Исследователь сам указывает на отсутствие в его распоряжении достаточного числа документов, тем не менее делает громкие выводы: «эффективность мировых судей была высокой» (причем не до конца ясно, что является критерием успешности их деятельности); судебная реформа 1897 г. создала «эффективный механизм правового регулирования отношений в городском социуме». Имеется уверенность, что большинство дореволюционных судей Томской губернии никогда не согласились бы с такими заявлениями, исходя хотя бы из отразившихся в источниках их собственных суждений по поводу организации юстиции [Глазунов, 2003].

Большой вклад в исследования истории судебных органов в Восточной Сибири внесла Т.Л. Курас. Она проанализировала деятельность судебной палаты по рассмотрению и разрешению уголовных и гражданских дел, дел о государственных преступлениях. Также в ее работе нашла отражение история создания Иркутской судебной палаты, проведен анализ ее кадрового состава. Как утверждает Т.Л. Курас, в результате реализации судебной реформы в Сибири была создана эффективная система общих судов, возглавляемая Иркутской судебной палатой. Далее исследователь рассмотрела организацию и деятельность Иркутского окружного

суда, но не затрагивала мировых судей. Т.Л. Курас полагает, что, несмотря на имевшиеся сложности, весь период деятельности Иркутского окружного суда в 1897–1919 гг. судьи достаточно успешно осуществляли свою деятельность на основании действовавшего законодательства. В судебных заседаниях непосредственно рассматривались и разрешались гражданские и уголовные дела. Эти заседания проводились публично, кроме случаев, когда закон предусматривал проведение закрытого заседания. В суде устанавливались дни проведения судебных заседаний. Списки дел, рассмотрение которых было назначено на конкретный день, заблаговременно вывешивались на двери Иркутского окружного суда [Курас, 2002; Курас, 2006].

Введение института мировых судей в Якутской области рассмотрела А.И. Архипова. По ее мнению, это не принесло существенных изменений именно для инородческого населения области, поскольку окружной суд и мировые судьи работали преимущественно для русского населения края и рассматривали дела инородцев лишь при согласии последних на разбор мировых или общих судов [Архипова, 2012].

В современной историко-правовой науке исследования судебной реформы в Сибири 1897 г. актуализировались из-за проведения судебного преобразования и его регионализации в Российской Федерации. Поэтому правоведы обратились к опыту создания судебно-правовой системы на территории Сибири конца XIX – начала XX вв. М.Н. Игнатьева изучила состояние сибирского дореформенного суда и разработку судебных преобразований. Она наиболее полно осветила подготовку и содержание реформы 1885 г., при этом, несмотря на то что в названии темы указывается хронологическая рамка исследования «вторая половина XIX в.», судебная реформа 1897 г. в ее работе не изучается. Тем не менее закон от 13 мая 1896 г. М.Н. Игнатьева оценивала как важный и положительный. Эта оценка не соответствует заключению историка о том, что преобразования 1880–1890-х гг. лишь «несколько улучшили состояние юстиции в Сибири» [Игнатьева, 1993].

А.В. Гаврилова изучила западносибирскую присяжную адвокатуру как профессиональную общность и, в частности, остановилась на вопросах организации юридической помощи сибирскому населению [Гаврилова, 2005]. Работам М.А. Бтикеевой присущи описательное изложение, «отход от темы» и по меньшей мере низкая степень обобщений и спонтанные выводы [Бтикеева, 2002]. В.Г. Вишневский исследовал особенности судебной реформы в Восточной Сибири с 1864 по 1896 гг. По мнению исследователя, реформа проводилась на основе Судебных уставов 1864 г., что проявилось в объединении функций правосудия и управления, ограничении независимости судей, сужении компетенции суда присяжных, а также воплотило демократические принципы судопроизводства. Большую роль сыграли Временные правила 1896 г., согласно которым мировые суды вошли в систему общих судов [Вишневский, 2008].

А.С. Морозова рассмотрела особенности института мировых судей в Сибири на основе материалов Омской судебной палаты. Правовед отмечает стабильно высокий остаток нерассмотренных дел, который связывает с недостаточной кадровой обеспеченностью и с обширностью и труднодоступностью территорий, между которыми было только речное сообщение. По мнению А.С. Морозовой, причиной медлительности судопроизводства в Сибири, а именно в Тобольской губернии, являлась сезонность транспортной инфраструктуры в регионе [Морозова, 2020].

IV. Обсуждение. Дореволюционными авторами рассматривались отдельные аспекты реформирования и функционирования судебных учреждений, сформированных в Сибири в конце XIX столетия. Практически все работы, посвященные судебной реформе в Сибири, носят публицистический характер и не содержат серьезного научного анализа проводившихся преобразований. Стоит отметить, что некоторые исследователи проблем юстиции являлись непосредственно участниками судебных преобразований 1897 г., что делает их работы субъективными. Например, значительная часть работ либеральных авторов была исключительно критической, что являлось, в числе прочего, и следствием политической борьбы начала XX столетия. Советские историки и правоведы не уделяли внимание «Временному правилу о применении Судебных уставов к губерниям и областям Сибири» от 13 мая 1896 г., а также усовершенствованию судебной власти в начале XX в., ког-

да в пределах Западной Сибири начал действовать совет присяжных поверенных, суд присяжных, значительно увеличивался штат мировых судей. Современными исследователями судопроизводство в Сибири конца XIX и начала XX вв. рассматривается в контексте изучения судебного преобразования 1897 г. Большая часть работ посвящена работе органов судебной власти западной Сибири. В целом в отечественной историографии проблема исследования судопроизводства и органов судебной власти в Сибири отличается разносторонним подходом к ее решению, и на сегодняшний день в современной российской исторической литературе представлены различные суждения о судебном преобразовании в Сибири 1897 г., а также об усовершенствовании судебной власти в западной Сибири в начале XX в.

V. Заключение. Таким образом, на основании вышеизложенного следует сделать вывод, что в исторической науке отсутствуют специальные работы, посвященные анализу судопроизводства мирового и коронного судов в Якутии конца XIX – начала XX вв. Для первого этапа историографического периода было характерно отсутствие объективных научных работ о деятельности мирового и коронного судов в Сибири. Однако дореволюционные исследователи обозначили научный ракурс дальнейших исследований, выразив свое отрицательное отношение к судебным реформам в Сибири, посчитав, что правительство индивидуализировало сибирское право не должным образом. На втором историографическом этапе господствовала марксистко-ленинская методология, но исследования сибирской судебной реформы 1897 г. практически не проводились. На третьем историографическом этапе усилился интерес к изучению сибирской судебной реформы и впервые начато специальное комплексное исследование. Взаимодействие между обществом и властью в судопроизводстве, внутри профессиональной среды судебной системы рассматривались фрагментарно в контексте изучения судебных реформ 1897 г. и деятельности органов судебной власти. Большинство исследователей дают схожую оценку деятельности судебных органов в Сибири в том, что они не удовлетворяли правовую нужду общества, и связывают это с нехваткой кадрового состава мировых судей, отсутствием института суда присяжных и т. п. Также авторы в своих работах в контексте основной темы затрагивают коммуникативный аспект, а именно объезды мировых судей обширных и труднодоступных территорий Сибири, рассматривают адвокатуру как социально-профессиональную общность. Без всестороннего исследования коммуникативного аспекта истории судопроизводства невозможно современное осмысление и оценка деятельности прореформенных судебных институтов в Сибири. В связи с этим системное исследование судопроизводства в Якутии поможет определить место региона в правовом поле дореволюционной России, что даст возможность проследить процесс общей модернизации региона в конце XIX – начале XX вв. Также реконструкция коммуникативной системы изучаемого региона в контексте судебных органов Восточной Сибири как части системы органов государственного управления представляется актуальной для дальнейшего всестороннего изучения судебных институтов Сибири конца XIX – начала X вв.

Список литературы:

Адоньева И.Г. Судебные преобразования в Западной Сибири конца XIX – начала XX вв. в оценках местной юридической интеллигенции. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2008. 24 с.

Альмухаметова М.Ш. Правоохранительная система в Западной Сибири и местное общество: опыт взаимодействия и взаимовлияния (1864–1917 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2011. 27 с.

Анненский Н.Ф. Хроника внутренней жизни. Судебная реформа в Сибири // Русское богатство. 1896. № 6. С. 165–179.

Анучин В. Н. Пасынки Фемиды // Сибирские вопросы. 1909а. № 46/47. С. 29–38.

Анучин В. Н. Пасынки Фемиды // Сибирские вопросы. 1909б. № 49/50. С. 26–39.

Анучин В. Н. Пасынки Фемиды // Сибирские вопросы. 1909в. № 51/52. С. 54–71.

Арефьев Н. За пределами Европейской России. 1. В Сибири // Северный вестник. 1896. № 1. С. 48–58.

Архипова А.И. К вопросу о введении института мировых судей в Якутской области (конец XIX в.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2012. № 1 (2). С. 112–117.

Астахов А.В. Судебные институты Омского судебного округа в конце XIX – начале XX вв.: струк-

тура, состав и функционирование. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 2009. 22 с.

Бтикеева М.А. Реформирование судебных установлений Западной Сибири и их деятельность в конце XIX – начале XX вв. (по материалам округа Омской судебной палаты). Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2002. 26 с.

Вейсман Р.Л. Индивидуализация сибирского права // Сибирские вопросы. 1908а. № 7. С. 27–31.

Вейсман Р.Л. Яркие недостатки сибирского суда // Сибирские вопросы. 1908б. № 3/4. С. 41–47.

Вейсман Р.Л. Правовые запросы Сибири. СПб.: Типография Ф. Альтшулера, 1909. 40 с.

Ветров А. Судебная реформа в земской Сибири // Сибирские вопросы. 1906. № 6. С. 77–108.

Виленский Б. В. Судебная реформа 1864 г. в России: к 100-летию реформы // Правоведение. 1964. № 3. С. 94–100.

Виташевский Н. А. Якутские материалы для разработки эмбриологии права // Материалы по обычному праву и общественному быту якутов. Л.: Академия наук СССР, 1929. С. 89–220.

Вишневский В.Г. Особенности судебной реформы в Восточной Сибири. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 23 с.

Гаврилова А.В. Формирование и развитие института адвокатуры в Западной Сибири в период разработки и реализации судебной реформы 60-х гг. XIX в.. Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2005. 28 с.

Гессен И.В. Судебная реформа. СПб.: Изд-во П. П. Гершунина и К°, 1905. 267 с.

Глазунов Д.А. Проведение судебной реформы 1896 г. на территории Западной Сибири (по материалам Томской губернии). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2003. 24 с.

Дамешек Л.М., Ремнев А.В. Сибирь в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.

Игнатьева М.Н. Управление и суд в Сибири во второй половине XIX в. Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 1993. 163 с.

Корягин Б.Г. Политика царизма в Сибири во второй половине XIX в. // Труды Томского государственного университета. Т. 171. Томск, 1963. С. 102–119.

Корягин Б.Г. Из истории проведения судебной реформы в Западной Сибири // Труды Томского государственного университета. Т. 159. Томск, 1965. С. 154–163.

Корягин Б.Г. Проведение буржуазных реформ 60-х – 70- х гг. XIX в. в Западной Сибири. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1965. 25 с.

Кочнев Д. А. Очерки юридического быта якутов // Известия общества любителей археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1899. Т. XV. Вып. 5–6. С. 164–170.

Крестьянников Е.А. Судебная власть в Западной Сибири (1823 – 1917 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2012. 52 с.

Крестьянников Е.А. Судебная реформа 1864 г. в Западной Сибири. Тюмень: Издательско-полиграфический Центр «Экспресс», 2009. 269 с.

Курас Т.Л. История Иркутской судебной палаты (1897 – февраль 1917 гг). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2002. 23 с.

Курас Т.Л. Иркутский окружной суд: общая характеристика, вопросы деятельности (1897–1919 гг.) // Сибирский юридический вестник. 2006. № 3 (30). С. 87–90.

Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. Т. 3. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. 992 с.

Морозова А.С. Некоторые особенности проведения судебной реформы в Сибири в конце XIX – начале XX вв.: мировая юстиция // Омские научные чтения–2020: материалы Четвертой Всероссийской научной конференции (Омск, 30 ноября – 5 декабря 2020 г.). Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2020. С. 332–336.

Осипова Е.А. Коммуникативное пространство современного социума: научные подходы к пониманию и актуальные проблемы функционирования // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение». 2015. № 4 (168). С. 128–136.

Потанин Г.Н. Нужды Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды. СПб.,1908. С. 260–294.

Розин Н.Н. О суде присяжных // Известия Императорского Томского университета. Томск, 1902. Кн. 19. С. 1–35.

Севостьянов В. Заметка о сибирских присяжных заседателях // Сибирские вопросы. 1911. № 4. С. 27–29.

Федоров М.М. История правового положения народов Восточной Сибири в составе России. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1991. 186 с.

Чубинский М.П. Судьба судебной реформы в последней трети XIX в. // История России в XIX в. Т. 6. СПб., 1909. С. 200–244.

References:

Adoneva I.G. *Sudebnye preobrazovaniya v Zapadnoi Sibiri kontsa 19 – nachala 20 vv. v otsenkakh mestnoi yuridicheskoi intelligentsia* [Judicial transformations in Western Siberia in the late 19th – early 20th centuries in the assessments of the local legal intelligentsia]. Synopsis of a thesis of the Candidate of Historical Sciences. Novosibirsk. 2008. 24 p. (In Russian)

Almukhametova M.Sh. *Pravookhranitel'naya sistema v Zapadnoi Sibiri i mestnoe obshchestvo: opyt vzaimodeistviya i vzaimovliyaniya* (1864-1917 gg.) [Law enforcement system in Western Siberia and local society: experience of interaction and mutual influence (1864-1917)]. Synopsis of a thesis of the Candidate of Historical Sciences. Tyumen, 2011. 27 p. (In Russian)

Annensky N.F. Khronika vnutrennei zhizni. Sudebnaya reforma v Sibiri [Chronicle of the inner life. Judicial reform in Siberia]. *Russkoe bogatstvo* [Russian wealth]. 1896. № 6. Pp. 165–179. (In Russian)

Anuchin V.N. Pasynki Femidy [Stepchildren of Themis] *Sibirskie voprosy* [Siberian Issues]. 1909a. № 46/47. Pp. 29–38. (In Russian)

Anuchin V.N. Pasynki Femidy [Stepchildren of Themis]. *Sibirskie voprosy* [Siberian Issues]. 1909b. № 49/50. Pp. 26–39. (In Russian)

Anuchin V. N. Pasynki Femidy [Stepchildren of Themis]. *Sibirskie voprosy* [Siberian Issues]. 1909v. №. 51/52. Pp. 54–71. (In Russian)

Arefiev N. Za predelami Evropeiskoi Rossii. 1. V Sibiri [Outside European Russia. 1. In Siberia]. *Severnyi vestnik* [Northern Bulletin]. 1896. № 1. Pp. 48–58. (In Russian)

Arkhipova A.I. K voprosu o vvedenii instituta mirovykh sudei v Yakutskoi oblasti (konets 19 v.) [To the question of the introduction of the institute of magistrates in the Yakutsk region (the end of the 19th century)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Istoriya"* [Proceedings of the Irkutsk State University. Series "History"]. 2012. № 1 (2). Pp. 112–117. (In Russian)

Astakhov A.V. *Sudebnye instituty Omskogo sudebnogo okruga v kontse 19 – nachale 20 vv.* [Judicial institutions of the Omsk judicial district in the late 19th – early 20th centuries: structure, composition and functioning]. Synopsis of a thesis of the Candidate of Historical Sciences. Omsk, 2009. 22 p. (In Russian)

Btikeyeva M.A. *Reformirovanie sudebnykh ustanovlenii Zapadnoi Sibiri i ikh deyatel'nost' v kontse 19 – nachale 20 vv. (po materialam okruga Omskoi sudebnoi palaty)* [Reforming judicial institutions in Western Siberia and their activities in the late 19th – early 20th centuries. (Based on the materials of the district of the Omsk Court of Justice)]. Synopsis of a thesis of the Candidate of Legal Sciences. Volgograd, 2002. 26 p. (In Russian)

Chubinsky M.P. Sud'ba sudebnoi reformy v poslednei treti 19 v. [The fate of judicial reform in the last third of the 19th century]. *Istoriya Rossii v 19 v.* [History of Russia in the 19th century]. T. 6. St. Petersburg, 1909. Pp. 200–244. (In Russian)

Dameshek L.M., Remnev A.V. *Sibir' v sostave Rossiiskoi imperii* [Siberia as part of the Russian Empire]. Moscow: New Literary Review, 2007. 368 p. (In Russian)

Fedorov M. M. *Istoriya pravovogo polozheniya narodov Vostochnoi Sibiri v sostave Rossii* [The history of the legal status of the peoples of Eastern Siberia as part of Russia]. Irkutsk: Irkutsk University Publ., 1991. 186 p. (In Russian)

Gavrilova A.V. *Formirovanie i razvitie instituta advokatury v Zapadnoi Sibiri v period razrabotki i realizatsii sudebnoi reformy 60-kh gg. 19 v.* [Formation and development of the institution of advocacy in Western Siberia during the development and implementation of the judicial reform of the 60s. 19th century]. Synopsis of a thesis of the Candidate of Legal Sciences. Omsk, 2005. 28 p. (In Russian)

Gessen I.V. *Sudebnaya reforma* [Judicial reform]. St. Petersburg: Publ. P.P. Gershunin and Co., 1905. 267 p. (In Russian)

Glazunov D.A. *Provedenie sudebnoi reformy 1896 g. na territorii Zapadnoi Sibiri (po materialam Tomskoi gubernii)* [Carrying out judicial reform in 1896 on the territory of Western Siberia (based on the materials of the Tomsk province)]. Synopsis of a thesis of the Candidate of Historical Sciences. Barnaul, 2003. 24 p. (In Russian)

Ignatieva M.N. *Upravlenie i sud v Sibiri vo vtoroi polovine 19 v.* [Administration and court in Siberia in the second half of the 19th century]. Yakutsk: Publishing house of Yakutsk University, 1993. 163 p. (In Russian)

Koryagin B.G. Politika tsarizma v Sibiri vo vtoroi polovine 19 v. [The policy of tsarism in Siberia in the second half of the 19th century]. *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Works of the Tomsk State University]. V. 171. Tomsk, 1963. Pp. 102–119. (In Russian)

Koryagin B.G. Iz istorii provedeniya sudebnoi reformy v Zapadnoi Sibiri [From the history of judicial reform in Western Siberia]. *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Works of the Tomsk State University]. V. 159. Tomsk, 1965. Pp. 154–163. (In Russian)

Koryagin B.G. *Provedenie burzhuaznykh reform 60-kh-70- kh gg. 19 v. v Zapadnoi Sibiri* [Carrying out bourgeois reforms in the 60s-70s. 19th century in Western Siberia]. Synopsis of a thesis of the Candidate of Historical Sciences. Tomsk, 1965. 25 p. (In Russian)

Kochnev D. A. Ocherki yuridicheskogo byta yakutov [Essays on the legal life of the Yakuts]. *Izvestiya obshchestva lyubitelei arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete. Kazan'* [Proceedings of the society of lovers of archeology, history and ethnography at Kazan University]. Kazan, 1899. T. XV. Issue 5-6. Pp. 164–170. (In Russian)

Krestyannikov E.V. *Sudebnaya vlast' v Zapadnoi Sibiri (1823 – 1917 gg.)* [Judicial power in Western Siberia (1823-1917)]. Synopsis of a thesis of the Candidate of Historical Sciences. Tyumen, 2012. 52 p. (In Russian)

Krestyannikov E. A. *Sudebnaya reforma 1864 g. v Zapadnoi Sibiri* [Judicial reform of 1864 in Western Siberia]. Tyumen: Publishing and Printing Center "Express", 2009. 269 p. (In Russian)

Kuras T.L. *Istoriya Irkutskoi sudebnoi palaty (1897 – fevral' 1917 gg.)* [History of the Irkutsk Judicial Chamber (1897 – February 1917)]. Synopsis of a thesis of the Candidate of Historical Sciences. Irkutsk, 2002. 23 p. (In Russian)

Kuras T.L. Irkutskii okruzhnoi sud: obshchaya kharakteristika, voprosy deyatel'nosti (1897 – 1919 gg.) [Irkutsk District Court: general characteristics, issues of activity (1897 – 1919)]. *Sibirskii yuridicheskii vestnik* [Siberian Legal Bulletin]. 2006. № 3 (30). Pp. 87 – 90. (In Russian)

Mironov B.N. *Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modern* [Russian Empire: from tradition to modernity]. V. 3. St. Petersburg: DMITRY BULANIN, 2015. 992 p. (In Russian)

Morozova A.S. Nekotorye osobennosti provedeniya sudebnoi reformy v Sibiri v kontse 19 – nachale 20 vv.: mirovaya yustitsiya [Some features of the judicial reform in Siberia in the late 19th – early 20th centuries: world justice] *Omskie nauchnye chteniya – 2020: materialy Chetvertoi Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (Omsk, 30 noyabrya – 5 dekabrya 2020 g.)* [Omsk scientific readings – 2020: materials of the Fourth All-Russian Scientific conference (Omsk, November 30 – December 5, 2020)]. Omsk: Omsk State University Publ., 2020, Pp. 332–336. (In Russian)

Osipova E.A. Kommunikativnoe prostranstvo sovremennogo sotsiuma: nauchnye podkhody k ponimaniyu i aktual'nye problemy funktsionirovaniya [Communicative space of modern society: scientific approaches to understanding and actual problems of functioning]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Adyghe State University]. Series "Philology and Art History". 2015. No. 4 (168). Pp.128–136. (In Russian)

Potanin G.N. Nuzhdy Sibiri [Needs of Siberia]. *Sibir', ee sovremennoe sostoyanie i nuzhdy* [Siberia, its current state and needs]. St. Petersburg. 1908. Pp. 260–294. (In Russian)

Rozin N.N. Zametka o sibirskikh prisyazhnykh zasedatelyakh [Notes on Siberian jurors]. *Izvestiya Imperatorskogo Tomskogo universiteta* [News of the Imperial Tomsk University]. Tomsk, 1902. Book. 19. Pp. 1–35. (In Russian)

Sevostyanov V. Zametka o sibirskikh prisyazhnykh zasedatelyakh [A note about the Siberian jurors]. *Sibirskie voprosy* [Siberian issues]. 1911. № 4. Pp. 27–29. (In Russian)

Vetrov A. Sudebnaya reforma v zemskoi Sibiri [Judicial reform in zemstvo Siberia] *Sibirskie voprosy* [Siberian issues]. 1906. № 6. Pp. 77–108. (In Russian)

Vilenskii B. V. Sudebnaya reforma 1864 g. v Rossii: K 100-letiyu reform [Judicial reform of 1864 in Russia: To the 100th anniversary of the reform]. *Pravovedenie* [Jurisprudence]. 1964. № 3. Pp. 94-100 (In Russian)

Vitashevsky N.A. Yakutskie materialy dlya razrabotki embriologii prava [Yakut materials for the development of the embryology of law]. *Materialy po obychnomu pravu i obshchestvennomu bytu Yakutov* [Materials on customary law and social life of the Yakuts]. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1929. Pp. 89–220. (In Russian)

Vishnevsky V.G. *Osobennosti sudebnoi reformy v Vostochnoi Sibiri* [Features of judicial reform in Eastern Siberia]. Synopsis of a thesis of the Candidate of Legal Sciences. Moscow, 2008. 23 p. (In Russian)

Weisman R.L. Individualizatsiya sibirskogo prava [Individualization of Siberian law]. *Sibirskie voprosy* [Siberian issues]. 1908a. № 7. Pp. 27–31. (In Russian)

Weisman R.L. Yarkie nedostatki sibirskogo suda [Bright shortcomings of the Siberian Court]. *Sibirskie voprosy* [Siberian issues]. 1908b. № 3/4. Pp. 41–47. (In Russian)

Weisman R.L. *Pravovye zaprosy Sibiri* [Legal inquiries of Siberia]. SPb.: Printing house of F. Altshuler, 1909. 40 p. (In Russian)

P.O. Savvinov

Historiography of Magistrates' and Crown Courts in Yakutia in Late 19th – Early 20th Centuries

Scientific novelty. This paper is concerned with studying the problem of legal proceedings in Yakutia in late 19th – early 20th centuries in terms of historiography in communicative aspect. Currently, the modern Russian historical

literature provides different views on the judicial transformation in Siberia in 1897. Yakut emigration historiography is only making its first steps. Since the 1990s, historical studies of the history of the Siberian district and magistrates' courts of the period concerned have been conducted. However, the historiography of the pro-reform judicial body in Yakutia remains a "blank spot". This paper *aims* at historiographic analysis activities of the judiciary of Yakutia as a communicative space. *Tasks*: to consider the scientific works of historians and jurists devoted to the study of legal proceedings in Yakutia in late 19th and early 20th centuries; to highlight the view of domestic researchers on communicative practice in the legal proceedings of Siberia in late 19th – early 20th centuries. *Research methods.* This study applied the problem-chronological method, methods of retrospective and prospective analysis.

Results. The analysis of the collected works of historians, lawyers, and others allowed making a conclusion that in historiography, there are still no works devoted to the study of judicial proceedings in Yakutia, in particular, the experience of communication between the magistrates' and district courts as a part of the state power system in late 19th − early 20th centuries.

Keywords: legal proceedings, communicative space, interaction, district court, magistrates' court, Siberia, Yakutia, judicial reform of 1897

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Е.Н. Афанасьева

DOI: 10.25693/SVGV.2022.40.3.006
УДК 81’374.82

Переводная лексикография: проблема эквивалентности в условиях опосредованного перевода (на примере проекта «Монгольско-русско-якутский словарь»)

Научная новизна. Впервые в якутской лексикографии представлен опыт практической работы над трехъязычным словарем, когда перевод с монгольского языка на якутский язык осуществляется при помощи русского языка. В процессе работы над словарем внимание уделялось проблеме опосредованного перевода.

Цель статьи – определить и систематизировать способы достижения эквивалентности в условиях опосредованного перевода. *Задачи*: выделить ситуации, связанные с различием языковых систем; применить на практике наиболее эффективные способы передачи переводческих соответствий.

Методы исследования: лексикографический метод, метод перевода, метод сопоставительного анализа.

Результаты. Переводной словарь является, с одной стороны, инструментом для переводчика, а с другой – результатом переводческой деятельности лексикографа. Во избежание риска искажения смысла слова лексикографу необходимо опираться на опыт переводоведения. В статье предлагается алгоритм действий процесса перевода и формирования словарной статьи, состоящий из нескольких этапов: предпереводческий этап, верификация русского перевода, перевод на якутский язык, поиск монгольско-якутских лексических параллелей, постпереводческий этап. Эквивалентность признается исследователями как основное понятие в создании двуязычных и многоязычных словарей. Выбор способа зависит от специфики словарной статьи. Выделены ситуации, связанные с различием языковых систем, рассмотрены примеры полной и частичной эквивалентности. Известно, что переводной словарь отражает взаимодействие языков и культур, поэтому при подборе подходящего соответствия на языке перевода учитывается не только лингвистический контекст, но и в большей степени экстралингвистический.

Ключевые слова: переводная лексикография, двуязычная лексикография, трехъязычный словарь, опосредованный (косвенный) перевод, язык-посредник, эквивалентность, фоновое знание, монгольский язык, русский язык, якутский язык

I. Введение. Перевод мировой литературы на английский язык, признанный как лингва франка в международном общении, способствовал развитию опосредованного (косвенного) перевода. Как отмечает З.Г. Прошина, в настоящее время термин «опосредованный перевод»

© *Афанасьева Е.Н., 2022*

возрождается «в связи с возрастанием масштабов межкультурной коммуникации через языки международного общения, особенно через английский, который стал языком-посредником [Прошина, 2013: 10]. Язык-посредник определяют как «язык, позволяющий осуществлять перевод сначала с переводимого языка на язык-посредник, а затем – с языка-посредника на переводящий язык» [Гвоздева, 2003: 27]. В некоторых источниках его называют «промежуточный язык». Переводчики подчеркивают, что «при работе с промежуточным языком следует учитывать особенности трех культур (в том числе всевозможные исторические аллюзии), проявляющиеся в трех задействованных в переводе языках» [Гудкова, Яшина, 2016: 68]. Таким образом, перевод рассматривается как взаимодействие языков и культур. Опосредованный перевод остается одним из наименее изученных явлений в современном переводоведении; метаязык не определен, существует разногласие в терминологии [Pieta, Rosa, 2013].

Проблема взаимодействия лексикографии и практики перевода часто становится предметом обсуждения [Дорохова, 2013; Анисимова, 2015; Малкова, Мирошниченко, 2019]. В научной литературе большое внимание уделяется теории двуязычной (переводной) лексикографии. Говоря о связях лексикографии с другими лингвистическими дисциплинами, такими как семасиология, лексикология, психолингвистика, В.П. Берков считал правомерным рассматривать теорию двуязычной лексикографии как часть общей теории перевода [Берков, 1973: 12–13]. По мнению В.Н. Крупнова, двуязычные словари являются итогом переводческо-сопоставительной работы лексикографа. Двуязычный словарь может послужить базой для сравнительного анализа [Крупнов, 1987]. Вопросам теории и практики двуязычной лексикографии посвящены работы крупных зарубежных ученых: Ладислава Згусты («Manual of Lexicography» 1971 г.), основателя международного журнала по переводоведению «Target» Гидеона Тури, одного из ярких представителей Центра лексикографии в Дании Свена Тарпа и других. Под руководством Райнхарда Р.К. Хартманна, основателя Центра лексикографических исследований в Великобритании, развивались многие аспекты лексикографии: словарная критика, история словарей, типология словарей, использование словарей, перевод в двуязычной лексикографии.

В настоящей статье из множества проблем лексикографии обсуждаются вопросы, касающиеся переводческого аспекта проекта «Монгольско-русско-якутский словарь», разрабатываемого на базе Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. Это первый опыт работы над трехъязычным словарем, когда исходным языком является иностранный. В истории российской лексикографии создание трехъязычных словарей на основе монгольского языка имеет давнюю историю («Монгольско-немецко-русский словарь» Я.И. Шмидта, СПб, 1835 г., «Монгольско-русско-французский словарь» О.М. Ковалевского, Казань, 1844, 1846) [Цыренов, 2016]. Подобные словари в XIX в. представляли интерес для сравнительно-исторических исследований. В настоящее время возрастание роли многоязычных словарей связывают с глобализацией и интеграцией стран и народов. Создание многоязычных словарей, в которых один из языков является тюркским, практикуется в школе Казанской сравнительной лексикографии, например, «Англо-турецко-русский словарь фразеологических единиц с компонентом-цветонаименованием» 2002 г. (З.З. Гатиатуллина, Л.Т. Мифтахутдинова), «Русско-англо-немецко-турецко-татарский фразеологический словарь» 2008 г. (Е.Ф. Арсентьева, Т.П. Трошкина, А.В. Шарипова, Л.Р. Сакаева, Г.Р. Сафиуллина).

Целью статьи является попытка определить и систематизировать способы достижения эквивалентности в условиях опосредованного перевода при составлении «Монгольско-русско-якутского словаря». Несмотря на исторические контакты между монгольским и якутским языками, отмечается сильное расхождение в культурах, что находит отражение в языковой картине мира. В связи с этим ставится задача выделить ситуации, связанные с различием языковых систем, и рассмотреть наиболее эффективные способы передачи переводческих соответствий.

Теоретическая значимость работы заключается в акцентировании внимания на особенностях перевода через промежуточный язык (посредник), дополнении опыта предыдущих исследований в этом направлении, обобщении

процедуры формирования словарной статьи и применении в лексикографическом описании.

Практическая значимость состоит в применении метода перевода в лексикографическом описании языковых единиц, проверяется его эффективность на практике. Собранная и систематизированная информация будет способствовать оптимизации рабочего процесса.

Эквивалентность рассматривается как центральное понятие в создании двуязычных словарей [Adamska-Sałaciak, 2010; Antar, Krishnavanie, Abdulmajid, 2020]. Согласно Я.И. Рецкеру, «эквивалентом следует считать постоянное равнозначное соответствие, как правило, не зависящее от контекста» [Рецкер, 1974: 11]. В.С. Виноградов определяет эквивалентность как «сохранение относительного равенства содержательной, смысловой, семантической, стилистической и функционально-коммуникативной информации, содержащейся в оригинале и переводе» [Виноградов, 2001: 18]. Проблема эквивалентности в двуязычных словарях обсуждалась в статьях Л. Згусты [Zgusta, 1984], Г. Тури [Toury, 1989], Р.Р.К. Хартманна [Hartmann, 1994], Э. Пима [Pym, 2007] и других.

II. Материалы и методы. В подготовке базовых источников соблюдается преемственность лексикографических традиций. По якутскому языку имеются двуязычные словари «Русско-якутский словарь» под редакцией П.С. Афанасьева и Л.Н. Харитонова 1968 г., «Якутско-русский словарь» под редакцией П.А. Слепцова, «Большой толковый словарь якутского языка» под ред. П.А. Слепцова 2004–2018 гг., а также «Якутский словарь: SakhaTyla.Ru» (услуги онлайн-переводчика, учебники и словари якутского языка). Основным источником по монгольскому языку является «Большой академический монгольско-русский словарь» в 4-х томах 2001 г., в качестве дополнительного материала используются «Монгольско-русский словарь» под редакцией А. Лувсандэндэва 1957 г., «Монгольско-русский словарь» Ю. Кручкина 2013 г. Помимо этого, в распоряжении составителей находятся все имеющиеся словари русского языка, справочная литература и энциклопедии. Вместе с тем практикуются консультации узких специалистов в разных областях и помощь информантов.

В работе применяются лексикографический метод (инвентаризация, приемы дефинирования, компонентного и контекстного анализов, сопоставления, интерпретации и др.), методы и способы перевода (технические приемы, калькирование, знаковый и смысловой способы, лексико-семантическая замена и др.), метод сопоставительного анализа с целью выявления межъязыковых соответствий между монгольским и якутским языками.

III. Результаты. Для лексикографа единицей перевода являются лексемы, словосочетания и фразеологические единицы. Заглавное слово дано на кириллице, затем следует его написание на современном и старописьменном монгольском языках с фонетическими транскрипциями (выполняется монгольскими специалистами). Во избежание риска потери смысловых оттенков и искажения конечного перевода, лексикографу необходимо опираться на опыт переводоведения. В.Н. Комиссаров выделяет два этапа переводческого процесса: 1) извлечение информации из оригинала, 2) процедура выбора необходимых средств в языке перевода [Комиссаров, 1973: 162–168]. Для достижения оптимального результата предлагается алгоритм формирования словарной статьи, состоящий из нескольких этапов:

– предпереводческий этап: изучение грамматических и стилистических характеристик, присловных комментариев, семантической структуры исходного слова;

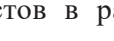
– верификация русского перевода: сверка перевода со словарями русского языка (если лексикограф замечает стилистические или семантические несоответствия);

– перевод на якутский язык: поиск фоновой информации, справка в словарях и справочниках, подбор способов перевода и вариантов соответствий, оформление словарной статьи;

– поиск монгольско-якутских лексических параллелей (изучение транскрипций, проверка совпадения звуков, закономерности перехода и лексического значения слова);

– постпереводческий этап: консультации с монгольскими специалистами и редактирование.

В практической части демонстрируется пример процесса работы над словарной статьей по этапам.

Предпереводческий этап. Дана словарная статья: АЖАА [aʤa:]  (ajiy-a) *тибет.* 1. Папа, батюшка. 2. Папаша (*обращение-табу без*

упоминания имени данного лица). 3. Тётя (*обращение к старшим родственницам, например, к сестре, снохе*) [БАМРС, 2001: 183]. Помета *тибет*. означает, что слово тибетского происхождения. Слово имеет три лексических значения, производные значения прямые. Первые два значения снабжены комментариями, объясняющими, что это слово является обращением.

Верификация русского перевода. На примере представлено обращение человека, младшего по возрасту, к старшим (к женщине или мужчине). Проводим сверку перевода с данными словарей русского языка на предмет особых помет и комментариев.

Основное значение в «Новом словаре русского языка» Т.Ф. Ефремовой передает близкое, уважительное обращение детей к отцу: Папа 1. разг. Отец (обычно в речи детей); Батюшка устар. Отец (обычно с оттенком почтительности) [Ефремова, 2000].

Второе значение, выраженное словом «папаша», содержит комментарий, указывающий на особенность обращения (*обращение-табу без упоминания имени данного лица*). Слово в русском языке имеет оттенок фамильярности, *см*. Папаша разг. 1. То же, что: папа. 2. Употр. как фамильярное обращение к пожилому мужчине [Ефремова, 2000]. По этой причине оно не подходит для выражения табуированного обращения, учитывая почтительное отношение к старшим в монгольской культуре. В статье о воспитании детей в традиционной монгольской семье автор Чулуунбат Должинсурэн пишет, что классическое монгольское воспитание обусловлено кочевым образом жизни, религией буддизма и шаманизма и монгольским языком. Большую роль в формировании будущего настоящего монгольского мужчины играет отец. Дети почитают взрослых, к родителям обращаются на «Вы» [Чулуунбат, 2010]. В данном случае значение уместно заменить вариантом «отец»: АЖАА [aʤa:] ᠠᠵᠠ (aǰiy-a) *тибет.* 2. Отец (*обращение-табу без упоминания имени данного лица*).

Перевод на якутский язык. При переводе исходим из закономерностей якутского языка.

Основное значение. «Русско-якутский словарь» переводит слово «папа» I как аҕа, паапа [РЯС, 1968: 400], Батюшка устар. 1. *(отец)* аҕа; 2. *разг. (обращение)* аҕаа [РЯС, 1968: 28–29]. Перевод можно заимствовать, сделав перестановку по первому слову в русском переводе: паапа, аҕа, аҕаа *(туһаайыы).*

Второе значение. Обычно в якутском языке не употребляется обращение аҕаа по отношению к постороннему человеку, т.к. в значении преобладает сема близкого кровного родства. Комментарий, что имя человека табу и не должно упоминаться, указывает на его высокий статус или святость, следовательно, глубокое почтение к нему. Предположительно, табу может быть связано с буддийской религией и помета *тибет*. свидетельствует об этом. Поэтому предлагаются варианты обращений кырдьаҕаас *старец*, ытык кырдьаҕаас *почтенный старец*.

Итак, в переводе основного значения на якутский язык использованы словарные соответствия, во втором значении замена русского перевода помогла подобрать более подходящий эквивалент. Для третьего значения соответствует якутское слово эдьиий. В результате словарная статья оформлена следующим образом: АЖАА [aʤa:] ᠠᠵᠠ (aǰiy-a) *тибет.* 1. Папа, батюшка. Паапа, аҕа, аҕаа (*туһаайыы*). 2. Отец (*обращение-табу без упоминания имени данного лица*). • Кырдьаҕаас, ытык кырдьаҕаас. 3. Тётя (*обращение к старшим родственницам, например, к сестре, снохе*). • Эдьиий.

Поиск монгольско-якутских лексических параллелей. Чтобы избежать ложных параллелей, следует обратить внимание на соответствие планов выражения и содержания слова. Лексикограф учитывает следующие моменты: 1) в плане выражения учитывать совпадение звуков и закономерности соответствия звуков при переходе слова с монгольского языка на якутский, например, х – к, хүч – күүс, ц – ч, цагаан – чаҕаан; 2) в плане содержания проверить совпадение семантической структуры слова, выделить общие семы. В данной словарной статье звуковое соответствие ж – дь [ʤ] и совпадение значения позволяют выделить слово эдьиий как лексическую параллель к монгольскому ажаа, транскрипция старописьменного монгольского слова приближена к якутскому произношению: ᠠᠵᠠ (aǰiy-a), ср.як. эдьиий 1) старшая сестра (*родная*); 2) старшая родственница (*по линии отца или матери*); 3) тётя, тётенька (*обращение к женщине средних лет*) [SakhaTyla.ru].

В некоторых случаях ассоциативные связи слов исходного языка (ИЯ) и их прямой перевод

на русский язык могут усложнить подбор подходящего эквивалента: ЧАДМАГ 1 *нареч.* Умело, сноровисто; артистически. Их *чадмаг* ‘очень умелый; артистический’ [БАМРС, 2001: 1175]. В данном примере привлекает внимание слово *артистически*, которое подано как синоним к словам *умело, сноровисто*. Слово *артист* в русской культуре ассоциируется в обыденной жизни с театром, кино и т.д. Однако в Словаре русского языка обращаем внимание на переносное значение слова: 1. а) Профессиональный исполнитель произведений искусства (актер, певец, музыкант и т.п.). б) *перен. Тот, кто, обладая высоким мастерством в каком-л. деле, виртуозно выполняет свою работу* [Ефремова, 2000]. В «Словаре русских синонимов» среди других слов, таких как музыкант, художник и т.д. обнаруживаем *виртуоз*, *мастер*, которые подходят по смыслу [Абрамов, 1999]. В «Русско-якутском словаре» перевод слова *виртуоз* на якутский язык дан как *туйгун маастар* (олус сатабыллаах музыкант, артист, үлэтигэр олус сатабыллаах киһи = очень искусный музыкант, артист, умелец на работе, мастер своего дела), а *виртуозный – туйгун маастардыы* [РЯС, 1968: 65], *мастер* (достигший высокого умения) *маастар* [РЯС, 1968: 270]. В русском варианте наречия ЧАДМАГ 1 можно произвести замену *артистически* на *виртуозно*, в этом случае их чадмаг становится *виртуозный* вместо *артистический*. В итоге получаем дефиницию: ЧАДМАГ 1 Умело, сноровисто; виртуозно. • Сатабыллаахтык, нымсатык; туйгун маастардыы, маастардыы. Их чадмаг очень умелый; виртуозный. • Олус сатабыллаах; туйгун маастар.

Фразеология и паремиология языка как хранилище народной мудрости и сведений об истории жизни и быта носителей могут раскрыть следы былых языковых контактов. Фразеологические единицы якутского языка часто содержат устаревшие компоненты с утерянными значениями, которые, как показывает опыт сопоставительных исследований, могут быть восстановлены при помощи древнетюркского и монгольского языков.

Полные эквиваленты. Полное совпадение лексического состава фразеологизма нечасто, но встречается. Чтобы удостовериться в правильности подбора эквивалента, смотрим в Словаре монгольского языка перевод словкомпонентов на русский язык.

Приведем пример фразеологической единицы монгольского языка аавын шийр хатаах ‘идти по стопам своего отца’ (досл. сушить отцовские конечности) [БАМРС, 2001: 125]. Рассмотрим значение каждого из компонентов: аавын *род.п.* от аав отец 1) отцовский [БАМРС, 2001 :125]; шийр 1) ноги (у животных); голень, копыто [БАМРС, 2001: 1230], хатаах I *побуд. залог* от хатах I 1) сушить, высушивать; вялить [БАМРС, 2001: 922]. В якутском языке соответствует фразеологизм аҕатын туйаҕын хатарбыт [ТСЯЯ, 2004: 250], досл. ‘просушить копыта отца’: аҕа *отец*, туйах *копыто*, хатар *сушить*. А также распространена форма, позволяющая замену первого компонента (ким эмэ) туйаҕын хатар ‘быть достойным преемником, наследником кого-л.’ досл. просушить чьи-либо копыта [БТСЯЯ, 2014: 73], туйаҕын хатар ‘быть достойным кого-л.’ досл. просушить его копыта’[ЯРФС, 2002: 208]. Наблюдается тенденция к вариативности, вместо аҕа *отец* возможен вариант эһэ *дед, дедушка*.

Частичные эквиваленты. Пословица могойн эрээн гаднаа хүний эрээн *дотроо* досл. пестрота змеи снаружи, человеческая двуличность внутри [БАМРС, 2001: 1322] привлекает внимание тем, что имеет синтаксическое соответствие в якутском языке при различии в одном компоненте. Компоненты совпадают, кроме могой *змея* [БАМРС, 2001: 213], эрээн пестрота; перен. двуличность; пёстрый, пегий [БАМРС, 2001: 1322], гаднаа наружно, внешне, снаружи, собой, лицом; из себя, на лицо [БАМРС, 2001: 483], хүн I человек; люди [БАМРС, 2001: 1050], дотроо внутри [БАМРС, 2001: 698]. В аналогичной якутской пословице референтом выступает слово ынах *корова* вместо монгольского могой: ынах эриэнэ таһыгар, киһи эриэнэ иһигэр [БТСЯЯ, 2018: 325–326], остальные компоненты полностью совпадают: эриэн *пестрый, пестрота*, таһыгар *снаружи кого, чего-либо*, киһи *человек*, иһигэр *внутри кого, чего-либо*. Подобные примеры совпадения структуры предложения свидетельствуют о близких языковых контактах. Расхождение в образности объясняется тем, что змеи не относятся к категории прототипичных животных для носителей якутского языка, хотя в языке есть слово моҕой в том же значении *змея*.

Монгольское устойчивое сочетание эрээн бараан амьдрал полосы жизни (удачливые и неудачливые) [БАМРС, 2001: 1322] состоит из следующих компонентов: эрээн пестрота; *перен*. двуличность; пёстрый, пегий [БАМРС, 2001: 1322], бараан тёмного цвета, мрачного оттенка, тёмный [БАМРС, 2001: 359], амьдрал жизнь, существование; житьё; бытие [БАМРС, 2001: 224]. В якутском языке имеется парное слово эриэн-быраан пятнистый, пестрый \\ смешанный, разнородный, разноцветный [БТСЯЯ, 2018: 327], эриэн разноцветный, пегий, пестрый, полосатый; переменчивый, непостоянный [БТСЯЯ, 2018: 325], быраан самостоятельно не употребляется. Однако обращение к литературным источникам позволяет выяснить смысл денотата, что парное слово употребляется в контексте, связанном с жизнью олох: Хомойуох иһин олох уустук, эриэн, онно араас баара. Н. Лугинов [БТСЯЯ, 2018: 325]. – *К сожалению, жизнь сложная, пестрая, в ней случалось разное*. Олох диэн олох, судургу курдук эрээри, эмиэ да эриэн-быраан [Федотов, 2010]. – *Жизнь есть жизнь, будто бы простая, и в то же время пестрая*. Частотная сочетаемость парного слова эриэн-быраан с существительным олох *жизнь* указывает на близость к монгольскому аналогу, поэтому можно дать калькированный перевод эрээн бараан амьдрал полосы жизни (удачливые и неудачливые). • Эриэн-быраан олох. Обращение к сочетаемости, контексту употребления может раскрыть смысловые связи значения слова.

IV. Обсуждение. В литературе по переводоведению эквивалентность рассматривается как многоуровневое понятие (В.Н. Комиссаров). Существуют разные определения и типологии эквивалентности (Р. Якобсон – внутриязыковая, межъязыковая и межсемиотическая, Ю. Найда – формальная и динамическая, Э.Д. Пим – направленная и естественная и т.д.). Наиболее распространены три типа эквивалентности: полная, частичная, нулевая. Полная эквивалентность понимается как абсолютная идентичность лексического значения двух лексических единиц разных языков во всех компонентах (обозначение, коннотация, диапазон применения) (Zgusta, L. Manual of lexicography. Vol. 39: Walter de Gruyter, 1971). Частичная эквивалентность касается смыслового сходства. При нулевой эквивалентности в переводящем языке не обнаруживается сходная лексическая единица. А. Адамска-Салачяк критикует подобное деление, «поскольку подавляющее большинство эквивалентов, встречающихся в двуязычных словарях, попадают в частичную категорию» [Adamska-Sałaciak 2013: 336]. Ее интересует вопрос, в каких областях лексики с наибольшей вероятностью можно найти эквиваленты целевого языка, действительно идентичные по значению заглавным словам исходного языка. Она предлагает свою типологию эквивалентности: когнитивная, переводческая, описательная. Когнитивный эквивалент обнаруживается на уровне языковой системы, приходит на ум билингву-лексикографу, как только он видит заглавное слово исходного языка вне контекста. Как правило, они идентичны во всех двуязычных словарях. Переводческий эквивалент рассматривается на уровне текста. Словарь может предложить лишь небольшую часть таких эквивалентов, применимых в наиболее типичных контекстах. Описательный эквивалент – это перефразирование, объяснение содержания единицы исходного языка в переводящем языке [Adamska-Sałaciak, 2013: 336–337]. Несмотря на разные трактовки понятия эквивалентности, рациональное зерно все же сохраняется, т.к. каждый исследователь подходит к рассматриваемой проблеме с точки зрения своего практического опыта.

V. Заключение. При разработке «Монгольско-русско-якутского словаря» была поставлена задача осуществить перевод с монгольского языка на якутский посредством русского языка: исходный язык – монгольский (ИЯ), язык-посредник – русский (ЯП), переводящий (целевой) язык – якутский (ПЯ). Словарь изначально преследовал научную цель определения степени сохранения свидетельств о языковых контактах между монгольским и якутским языками. Безусловно, подобные словари должны быть пригодными и для перевода. Вопреки общепринятому правилу, что исходный язык является вторым языком лексикографа, в данном случае основная часть составителей – билингвы, владеющие якутским и русским языками. В условиях, когда лексикограф не владеет исходным языком, изучение лингвистических характеристик, анализ и учет экстралингвистической (фоновой)

информации становится вдвойне важной частью работы. Работа над безэквивалентной лексикой не обходится без консультации монгольских специалистов.

Лексикография и переводоведение представляют собой взаимодополняющие дисциплины. Перевод в лексикографии имеет свою специфику, т.к. сосредоточивается на единицах лексико-фразеологического уровня, а не текста. Именно это ограничение единицами делает из лексикографа исследователя; каждое слово должно быть изучено во всех его возможных контекстах, лингвистических и экстралингвистических. Лексикограф несет ответственность перед пользователями за адекватность конечного продукта – словаря.

В статье предложена многоэтапная процедура формирования словарной статьи: предпереводческий этап, верификация русского перевода, перевод на якутский язык, поиск монгольско-якутских лексических параллелей, постпереводческий этап. Приведенные примеры полной и частичной эквивалентности показывают, что поиск способов перевода зависит от особенностей словарной статьи. Перевод на русский язык требует тщательного анализа, а в некоторых случаях и корректировки при помощи словарей. Изучение сочетаемости, минимального контекста слова может помочь выявлению скрытых смысловых оттенков. Отсутствие широкого контекста приводит к использованию множественных (вариантных) соответствий с учетом типичных словоупотреблений. Дословный перевод компонентного состава фразеологизмов с монгольского на русский язык при помощи словарей может стать дополнительным вспомогательным способом выявления признаков мотивированности и в подборе подходящего эквивалента.

Выделенные в ходе анализа различия языковых систем обусловлены особенностями культуры современных монголов и якутов. Древняя культура монголов и предков якутов развивалась в пространстве единой кочевой цивилизации, однако в настоящее время отличие в ней огромно. Исторические исследования показывают, что контакты монгольского и якутского языков датируются ранними периодами развития и прекратились в средние века. В связи с этим в современных языках утеряна часть общей лексики; в развитии монгольской культуры большую роль сыграла буддийская религия, тибетская и китайская культуры, а на якутскую культуру, хотя и сохранились основы древней религии, повлияла русская православная культура и российская государственная политика. В монгольском языке много заимствований из тибетского языка и санскрита, а якутский язык с XVII века подвержен влиянию русского языка. Следовательно, сформировались разные когнитивные установки, различия в быте, сферах образования, культуры и т.д. Понимание культурной асимметрии приводит лексикографа к внимательному изучению фоновых знаний, страноведческой информации.

Список литературы:

Анисимова А.Г. Лексикография и перевод: многозначные и разнопереводные термины // Вестник СамГУ. 2015. № 4 (126). С. 46–51.

Берков В.П. Вопросы двуязычной лексикографии (словник). Л.: Издательство Ленинградского университета, 1973. 190 с.

Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Издательство Института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.

Гвоздева О.Л. Промежуточный язык: решение проблем или возникновение новых? // Слово и текст: психолингвистический подход. 2003. № 1. С. 25–32.

Гудкова С.А., Яшина Н.В. Особенности адекватного перевода оригинальных текстов через язык-посредник // Вектор науки ТГУ. 2016. № 4 (38). С. 68–71.

Дорохова Ю.Э. Проблема эквивалентности и безэквивалентности в переводе и двуязычной лексикографии // LINGUA MOBILIS. 2013. № 4 (43). С. 131–141.

Комиссаров В.Н. Слово о переводе: очерк лингвистического учения о переводе. М.: Международные отношения, 1973. 213 с.

Крупнов В.Н. Лексикографические аспекты перевода: Учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высшая школа, 1987. 192 с.

Малкова А.И., Мирошниченко Л.Н. Лексикографические аспекты перевода как актуальная проблема современной лингвистики // Слово. Словарь. Термин. Лексикограф: сб. статей по материалам МНПК памяти доктора филологических наук, профессора Юрия Николаевича Марчука [Под общей редакцией И.И. Валуйцевой. Редактор английского текста И.А. Улиткин]. М.: Изд. Московского государственного областного университета, 2019. С. 419–422.

Прошина З.Г. Опосредованный перевод в перспективе экотранслатологии // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 4. С. 9-17.

Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Международные отношения, 1974. 216 с.

Цыренов Б.Д. Структура, типология и принципы двуязычной лексикографии (на материале монголоязычно-русских словарей): Дис. … д-ра филол. наук. Улан-Удэ, 2016. 359 с.

Чулуунбат Д. Традиционное семейное воспитание детей в Монголии // Молодой ученый–2010. № 11 (22). Т.2. С. 151–153.

Федотов Ст. Кынаттаах олох (кэпсээннэр, новеллалар, сэһэн, очеркалар). Ньурба, 2010. 326 с.

Adamska-Sałaciak A.J.I.J.o.L. Equivalence, synonymy, and sameness of meaning in a bilingual dictionary. 2013. Vol. 26. № 3. Pp. 336–337.

Antar F.A., Krishnavanie Sh., Abdulmajid O.H.S. A Proposed Model for Achieving Equivalence in Bilingual Dictionaries // Journal of Global Scientific Research. 2020. Vol. 8. Pp. 776-790. URL: http://www.gsjpublications.com/ (дата обращения 01.03.2022).

Hartmann R.R. K. The Use of Parallel Text Corpora in the Generation of Translation Equivalents for Bilingual Lexicography // EURALEX 94 Proceedings. Martin, W. et al. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1994. Pp. 291–297.

Pieta H., Rosa A.A. Panel 7: Indirect translation: exploratory panel on the state-of-the-art and future research avenues // 7th EST (European Society for Translation Studies) Congress. Germersheim, Germany. 2013. URL: http://www.fb06.uni-mainz.de/est/51.php (дата обращения: 10.03.2022).

Pym A. Natural and directional equivalence in theories of translation // Target. Vol. 19. Issue 2. John Benjamins Publishing Company, 2007. Pp. 271–294.

Toury G. The meaning of translation-specific lexical items and its representation in the dictionary // Translation and Lexicography /Edited by Mary Snell-Hornby and Esther Pöhl. John Benjamin Publihing Company, 1989. Pp.45-54. URL: https://benjamins.com/catalog/z.40.06tou (дата обращения 10.02.2022).

Zgusta L. Translational equivalence in the bilingual dictionary // LEXeter ‘83 Proceedings. Papers from the International Conference on Lexicography at Exeter, 9-12 September 1983. Ed. Hartmann R. R. K. Tübingen: Max Niemeyer, 1984. Pp. 147–154.

Словари:

Абрамов 1999 – Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений [Под ред. Н. Абрамова]. М.: Русские словари, 1999. В 4-х частях. Часть 1. URL: https://rus-synonim-dict.slovaronline.com (дата обращения 19.02.2022).

БАМРС 2001 – Большой академический монгольско-русский словарь [Great Academic Mongolian-Russian Dictionary]: в 4-х т. [Под ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамба. Отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев]. М.: Академия, 2001. 1356 с.

БТСЯЯ 2014 – Большой толковый словарь якутского языка [Great Explanatory Dictionary of the Yakut Language]: в 15 т. Т. XI: Буква Т [Под ред. П.А. Слепцова]. Новосибирск: Наука, 2014. 528 с.

БТСЯЯ 2018 – Большой толковый словарь якутского языка [Great Explanatory Dictionary of the Yakut Language]: в 15 т. Т. XV: Буква Э [Под ред. П.А. Слепцова]. Новосибирск: Наука, 2018. 576 с.

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000 // Толковые онлайн-словари русского языка. URL: https://lexicography.online/explanatory/efremova/ (дата обращения 20.02.2022).

РЯС 1968 – Русско-якутский словарь [Под ред. П.С. Афанасьева, Л.Н. Харитонова]. М.: Советская энциклопедия, 1968. 720 с.

ТСЯЯ 2004 – Толковый словарь якутского языка Т. I. (Буква А) [Под ред. П.А. Слепцова]. Новосибирск: Наука, 2004. 680 с.

Якутский словарь: SakhaTyla.ru // URL: https://sakhatyla.ru/ (дата обращения 08.02.2022).

ЯРФС 2002 – Нелунов А.Г. Якутско-русский фразеологический словарь. Т. II (Буквы Л–Э). Новосибирск: Изд-во СО РАН филиал «ГЕО», 2002. 420 с.

References:

Adamska-Sałaciak A. *Equivalence, synonymy, and sameness of meaning in a bilingual dictionary. International Journal of Lexicography*. 2013. Volume 26. № 3. Pp. 336-337. (In English)

Anisimova A.G. Leksikografija i perevod: mnogoznachnye i raznoperevodnye terminy [Lexicography and translation: polysemantic and multi-equivalent terms]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Samara University]. 2015. № 4 (126). Pp. 46–51. (In Russian)

Antar F.A., Krishnavanie Sh., Abdulmajid O.H.S. *A Proposed Model for Achieving Equivalence in Bilingual Dictionaries. Journal of Global Scientific Research*. 2020. Volume 8. 776-790 pp. URL: http://www.gsjpublications.com/ (date of appeal: 01.03.2022). (In English)

Berkov V.P. *Voprosy dvujazychnoj leksikografii (slovnik)* [Questions of bilingual lexicography (dictionary)]. Leningrad: Leningrad University Press, 1973. 190 p. (In Russian)

Bol'shoj akademicheskij mongol'sko-russkij slovar'. Pod redakciej A. Luvsandendeva, C. Cedendamba, G.C. Pjurbeeva [Great Academic Mongolian-Russian Dictionary. Edited by A. Luvsandendev, C. Cedendamb, G.C. Pjurbeev]. In 4 volums. Moscow: Akademia Publ., 2001. 1356 p. (In Mongolian and Russian)

Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka. Pod redakciej P.A. Slepcova [Great Explanatory Dictionary of the Yakut Language. Edited by P.A. Sleptsov]. In 15 volums. Volume XI: Letter T. Novosibirsk: Science Publ., 2014. 528 p. (In Russian)

Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka. Pod redakciej P.A. Slepcova [Great Explanatory Dictionary of the Yakut Language. Edited by P.A. Sleptsov]. In 15 volums. Volume XV: Letter E. Novosibirsk: Science Publ., 2018. 576 p. (In Russian)

Chuluunbat D. Tradicionnoe semejnoe vospitanie detej v Mongolii [Traditional family upbringing of children in Mongolia]. *Molodoy uchenyy – 2010* [Young Scientist – 2010]. № 11 (22). Volume 2. Pp. 151-153. (In Russian)

Dorohova Ju.Je. Problema jekvivalentnosti i bezjekvivalentnosti v perevode i dvujazychnoj leksikografii [The problem of equivalence and non-equivalence in translation and bilingual lexicography]. *LINGUA MOBILIS*. 2013. № 4 (43). Pp.131-141. (In Russian)

Efremova T.F. Novyj slovar' russkogo jazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj. [New dictionary of the Russian Language. Explanatory and word-formative]. In 2 volums. Moscow, 2000. *Tolkovye onlajn-slovari russkogo jazyka* [Explanatory dictionaries of the Russian Language]. URL: https://lexicography.online/explanatory/efremova/ (date of appeal: 20.02.2022). (In Russian)

Fedotov St. *Kynattaah oloh (kjepsjejennjer, novellalar, sjehjen, ocherkalar)* [Winged life (short stories, novellas, essays)]. N'urba. 2010. 326 p. (In Yakut)

Gudkova S.A., Jashina, N.V. Osobennosti adekvatnogo perevoda original'nyh tekstov cherez jazyk-posrednik [Special aspects of appropriate translation of original texts using the intermediate language]. *Science Vector of Togliatti State University. Frontier Materials, Technologies*. 2016. № 4 (38). Pp. 68-71. (In Russian)

Gvozdeva O.L. Promezhutochnyj jazyk: reshenie problem ili vozniknovenie novyh? [Intermediate language: problems solving or creating the new ones?]. *Slovo i tekst: psiholingvisticheskij podhod* [Word and text: a psycholinguistic approach]. 2003. № 1. Pp. 25–32. (In Russian)

Hartmann R.R.K. The Use of Parallel Text Corpora in the Generation of Translation Equivalents for Bilingual Lexicography. *EURALEX 94 Proceedings. Eds. Martin W. et al.* Amsterdam: John Benjamins, 1994. Pp. 291-297. (In English)

Jakutskij slovar': SakhaTyla.ru [Yakut Dictionary: Language of Sakha.ru]. URL: https://sakhatyla.ru/ (date of appeal: 08.02.2022). (In Russian and Yakut)

Komissarov V.N. *Slovo o perevode: ocherk lingvisticheskogo uchenija o perevode* [Word about translation (essay linguistic doctrine of translation]. Moscow: International relations Publ., 1973. 213 p. (In Russian)

Krupnov V. N. *Leksikograficheskie aspekty perevoda: Uchebnoe posobie dlya institutov i fakul'tetov inostrannykh yazykov* [Lexicographic aspects of translation: Textbook for institutes and faculties of foreign languages]. Moscow: Higher School Publ., 1987. 192 p. (In Russian)

Malkova A.I., Miroshnichenko L.N. Leksikograficheskie aspekty perevoda kak aktual'naja problema sovremennoj ligvistiki [Lexicographic aspects of translation as an actual problem of modern linguistic.]. *Slovo. Slovar'. Termin. Leksikograf: sb. statey po materialam MNPK pamyati doktora filologicheskikh nauk, professora Yuriya Nikolaevicha Marchuka. Pod obshchey redaktsiey I.I. Valuytsevoy. Redaktor angliyskogo teksta I.A. Ulitkin* [Word. Dictionary. Term. Lexicographer: Materials of the International Practical Research Conference in memory of Doctor of Philology, Professor Yuri Nikolaevich Marchuk. Edited by I.I. Valuytseva]. Moscow State Regional University Publ., 2019. Pp. 419-422. (In Russian)

Nelunov A.G. *Jakutsko-russkij frazeologicheskij slovar'* [Yakut-Russian Phraseological Dictionary]. Volume II: Letters L-E. Novosibirsk: Publ. SB RAS branch "GEO", 2002. 420 p. (In Yakut and Russian)

Pieta H., Rosa A.A. Panel 7: *Indirect translation: exploratory panel on the state-of-the-art and future research avenues. 7th EST (European Society for Translation Studies) Congress*. Germersheim, Germany. 2013. URL: http://www.fb06.uni-mainz.de/est/51.php (date of appeal: 10.03.2022). (In English)

Proshina Z.G. Oposredovannyj perevod v perspektive jekotranslatologii [Intermediary translation from the standpoint of eco-translatology]. Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Cross-Cultural Communication. 2013. № 4. Pp. 9–17. (In Russian)

Pym A. Natural and Directional Equivalence in Theories of Translation. Target. Volume 19. Issue 2. John Benjamins Publishing Company, 2007. Pp. 271–294. (In English)

Retsker Ya.I. Teorija perevoda i perevodcheskaja praktika [Theory of translation and translation practice]. Moscow: International relations Publ., 1974. 216 p. (In Russian)

Russko-jakutskij slovar'. Pod redakciej P.S. Afanas'eva, L.N. Haritonova. [Russian-Yakut Dictionary. Edited by P.S. Afanasyev, L.N. Kharitonov]. Moscow: Soviet encyclopedia Publ., 1968. 720 p. (In Russian)

Slovar' russkih sinonimov i shodnyh po smyslu vyrazhenij. Pod. redakciej N. Abramova [Dictionary of Russian synonyms and similar expressions. Edited by N. Abramov]. In 2 Parts: Part 1. Moscow: Russian Dictionaries Publ., 1999. URL: https://rus-synonim-dict.slovaronline.com (date of appeal: 19.02.2022). (In Russian)

Tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka. Pod red. P.A. Slepcova [Explanatory Dictionary of the Yakut Language. Edited by P.A. Sleptsov]. Volume I: Letter A. Novosibirsk: Science Publ., 2004. 680 p. (In Yakut)

Toury G. The Meaning of Translation-Specific Lexical Items and Its Representation in the Dictionary. Translation and Lexicography. Edited by Mary Snell-Hornby and Esther Pöhl. John Benjamin Publihing Company, 1989. Pp.45-54. URL: https://benjamins.com/catalog/z.40.06tou (date of appeal 10.02.2022). (In English)

Tsyrenov B.D. Struktura, tipologija i principy dvujazychnoj leksikografii (na materiale mongolojazychno-russkih slovarej) [Structure, typology and principles of semantization in the Mongolian-Russian lexicography]: Doctoral Dissertation. Ulan-Ude, 2016. 359 p. (In Russian)

Vinogradov V.S. Vvedenie v perevodovedenie (obshhie i leksicheskie voprosy) [Introduction to translation studies (general and lexical issues)]. Moscow: Publ. of the Institute of General Secondary Education of the Russian Academy of Education, 2001. 224 p. (In Russian)

Zgusta L. Translational Equivalence in the Bilingual Dictionary. LEXeter '83 Proceedings. Papers from the International Conference on Lexicography at Exeter, 9-12 September 1983. Edited by Hartmann. Tübingen: Max Niemeyer, 1984. Pp. 147–154. (In English)

E.N. Afanasieva

Translation Lexicography: the Problem of Equivalence in Indirect Translation (Project "Mongolian-Russian-Yakut Dictionary")

Scientific novelty. The creating of a trilingual dictionary is a new project for Yakut lexicography when translation from Mongolian into Yakut is carried out using the Russian Language. The indirect translation problem was discussed in the process of working on the dictionary. *The aim* of the study is to consider ways to achieve equivalence in the indirect translation. The following *tasks* should be solved: to identify situations related to the difference of language systems; to put into practice the most effective ways of transmitting translation correspondences. *Research methods.* Lexicographic method, translation method and comparative method.

Results. The article is devoted to the problem of achieving equivalence in the indirect translation. Linguistic literature often discusses issues related to the use of dictionaries in text translation and criticism of lexicographic sources. Against this background, the translation aspect in lexicography is relatively rarely touched upon. On the one hand, a translation dictionary is a tool for the translator, and on the other hand, the result of the lexicographer's translation activity. In order to avoid mistakes and the risk of distortion of the word meaning, the lexicographer needs to rely on the experience of translation studies. The translation process and the creating a word meaning definition is consisting of following stages: the pre-translation stage, verification of the Russian translation, translation into the Yakut Language, searching for Mongolian-Yakut lexical parallels, the post-translation stage. Equivalence is recognized by researchers as a basic concept of bilingual and multilingual dictionaries. Method of working depends on the specifics of the word meaning. The paper presents situations related to the difference of language systems, considers examples of full and partial equivalence. The translation dictionary reflects the interaction of languages and cultures. Therefore, when selecting a suitable equivalent in the target language, not only the linguistic context is taken into account, but also to a greater extent the extralinguistic one.

Keywords: translation dictionary, trilingual dictionary, bilingual lexicography, indirect translation, intermediary language, equivalence, background knowledge, Mongolian Language, Russian Language, Yakut Language

В.Д. Монастырёв, Н.Н. Васильева, И.В. Аммосова

DOI: 10.25693/SVGV.2022.40.3.007
УДК 811.512.157’373.42

Фонетические средства выражения семантики образности в якутском языке (на материале образных глаголов с общей архисемой ‘располнеть’)

Научная новизна работы заключается в том, что в статье впервые проводится структурно-семантический анализ наиболее продуктивных образных глаголов зрительного восприятия в рамках фоноструктурной модели Б–Л- (БАЛ-, ББЫЛ-, БЭЛ-), характеризующих внешний вид располневшего человека, его отдельных частей тела.

Целью данной работы является выявление и описание фонетических средств выражения семантики образных глаголов в якутском языке с решением следующих *задач*: подбор образных глаголов с архисемой ‘располнеть’ из материалов Большого толкового словаря якутского языка (БТСЯЯ); выявление дифференциальных сем анализируемых образных глаголов, которые построены по определенной фоноструктурной модели.

Основными *методами исследования* являются методы структурного и компонентного анализов. Применялись элементы метода систематизации и классификации, словарных дефиниций и методы семантического и морфологического анализов. Методом выборки из лексикографического источника БТСЯЯ были выписаны образные глаголы визуального действия, характеризующие внешний вид и походку располневшего человека.

Результаты. В ходе анализа выявляются слова-варианты образных глаголов визуального восприятия, обозначающих образ, внешний вид, походку располневшего человека, в рамках фоноструктурной модели Б–Л с ее аналогиями. В результате семантического анализа корневой и аффиксальной частей образных глаголов установлено, что все гласные и согласные фонемы в составе моделей несут определенную семантическую нагрузку, в результате чего эти глаголы становятся семантически самостоятельными и отличаются друг от друга дополнительными оттеночными значениями.

Ключевые слова: якутский язык, изобразительная лексика, образный глагол, фоноструктурная модель образных глаголов, звуковая семантика, видовые формы образных глаголов, структурно-семантический анализ

I. Введение. Феномен образности языка любого народа связан с его мировидением и миропониманием. Язык народа отражает строй мысли человека, является продуктом его общественной деятельности, с его помощью человек выражает свои чувства и эмоции. На наш взгляд, самый богатый, яркий, эмоционально-экспрессивный и уникальный пласт лексики якутского языка – образная лексика – в настоящее время заслуживает более бережного подхода, так как она постепенно выходит из употребления и пополняет ряды архаизмов. Учитывая это положение, авторы Большого толкового словаря якутского языка особое внимание уделяли образным словам – их сбору, подаче, толкованию значений. Таким образом, значение словаря в фиксации, сохранении и передаче этого уникального культурного наследия будущему поколению неоспоримо.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что образные глаголы зрительного восприятия составляют многочисленную группу в современном якутском языке, но до настоящего времени по отдельным лексико-семантическим группам специальные исследования не проводились.

Новизна работы заключается в том, что в статье впервые проводится структурно-семантический анализ наиболее продуктивных образных глаголов визуального восприятия, характеризующие внешний вид располневшего человека, его отдельных частей тела.

Целью данной работы является выявление и описание фонетических средств выражения семантики образных глаголов в якутском языке с решением следующих задач: подбор образных глаголов с архисемой ‘располнеть’ из материалов

© *Монастырев В.Д., Васильева Н.Н., Аммосова И.В., 2022*

БТСЯЯ; выявление дифференциальных сем анализируемых образных глаголов, которые построены по определенной фоноструктурной модели.

Изобразительные слова изучены в трудах Н.А. Баскакова, С.В. Воронина, М.В. Зайнуллина, А.И. Исхакова, С.Н. Алькеновой, В.И. Рассадина, А.М. Щербак и др.

Первые сведения об образных словах мы находим у А.Е. Кулаковского [Кулаковский, 1979]. Образные слова он назвал картинными, составляющимися «по каким-то тайным законам лингвистики и [они] долго будут неразрешенной загадкой для ученых-лингвистов» [Кулаковский, 1979: 386]. Он также отметил, что картинные слова не поддаются никакому учету, … и что для определения какого-либо образного слова необходимо сравнение его значения со значениями нескольких семантически близких друг с другом слов [Там же: 385].

В 1943 г. вышла работа Л.Н. Харитонова «Неизменяемые слова в якутском языке», явившаяся первым научным трудом, посвященным образным словам якутского языка. Автором впервые был употреблен термин «образные слова». Он отмечает, что по лексико-грамматическим свойствам и особенностям употребления образные слова отличаются от других частей речи [Харитонов, 1943: 63]. Значения образных глаголов, их основные семантические группы, видовые формы широко рассматриваются в другой его монографии «Типы глагольной основы в якутском языке», вышедшей в 1954 г. В этой работе Л.Н. Харитонов различает три типа глагольных основ: 1) глаголы действия-состояния; 2) звукоподражательные и 3) образные глаголы. Широко освещаются значения образных глаголов, где главную роль играют чувственное восприятие и движение, причем в подавляющем большинстве случаев выступает зрительный образ [Харитонов, 1954: 203].

Свои исследования видовых форм глаголов Л.Н. Харитонов еще более углубляет и расширяет в монографии «Формы глагольного вида в якутском языке», в которой впервые провел сопоставительный анализ видовых форм глаголов якутского языка с тюркскими и монгольскими параллелями. Автор приходит к выводу, что «система видовых форм образных глаголов представляет одну из отличительных особенностей якутского языка. В тюркских и монгольских языках эти формы не получили столь полного и последовательного развития, как в якутском языке» [Харитонов, 1960: 175].

В фоносемантическом аспекте образные слова изучены Л.А. Афанасьевым. Им впервые на примере якутского языка раскрыта фоносемантическая сущность образных слов, дана характеристика гласным и согласным идеофонемам [Афанасьев, 1993]. Автором был составлен словарь, содержащий 3150 образных слов.

Впервые на богатом фактическом материале проведен сравнительный анализ образных прилагательных якутского языка с прилагательными бурятского, киргизского языков через призму образной картины мира якутского народа в монографии С.Д. Егиновой «Образные прилагательные якутского языка (в сопоставлении с бурятским и киргизским языками)» [Егинова, 2014].

С точки зрения экспрессивности образные и звукоподражательные слова рассмотрены А.М. Николаевой, автор монографии квалифицирует этот особый пласт лексики якутского языка как наделенный яркой экспрессивностью [Николаева, 2014].

В сравнительно-сопоставительном плане структура и семантика образных глаголов якутского языка, выражающих внешний вид и походку человека, с привлечением ономатопоэтических слов монгольского языка рассмотрены в статье С.М. Прокопьевой и В.Д. Монастырёва [Prokopieva S.M., Monastyrev, 2017: 118–216]. В работе описаны выявленные универсальные черты глаголов визуального восприятия якутского и монгольского языков, характеризующих внешний вид, части тела и походку человека. В 2019 г. вышла статья И.В. Аммосовой «Звукоподражательная лексика как национальная специфика языка и ее подача в Большом толковом словаре якутского языка» [Аммосова, 2019: 92–98], в этом же году также вышла коллективная монография «Категория образности в языке (на материале сопоставления якутского языка с казахским, киргизским, алтайским и монгольским языками)». [Категория образности…, 2019: 196].

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что образная лексика представляет собой уникальный древний пласт лексики якутского языка, сохранившийся и функционирующий до наших дней. Основная его особен-

ность заключается в том, что эта лексика способна развиваться по особой фоноструктурной модели, образуя все новые значения, что не характерно для другой части лексики якутского языка. Теоретическая значимость изучения образных глаголов якутского языка также видится в перспективе накопления дополнительных данных об особенностях их образования и функционирования.

Практическая значимость. По аналогии с данной фоноструктурной моделью, состоящей из согласных и вариаций гласных фонем, можно образовывать новые семантически близкие группы образных глаголов, которые в большом количестве представлены в богатом материале БТСЯЯ.

II. Материалы и методы. Материалом исследования послужили наиболее продуктивные образные глаголы, состоящие из модели Б–Л (БАЛ-, БЫЛ-, БЭЛ-). При исследовании использовались методы структурного и компонентного анализов, применялись элементы метода систематизации и классификации, словарных дефиниций и методы семантического и морфологического анализов. Методом выборки из лексикографического источника БТСЯЯ были выписаны образные глаголы визуального действия, характеризующие внешний вид и походку располневшего человека. В статье также использован материал академической картотеки БТСЯЯ Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

III. Результаты. Образные глаголы в якутском языке составляют особую группу в силу своей специфической семантики и рассматриваются как самостоятельный разряд слов.

Типовая семантика образных глаголов непосредственно связана с внешними особенностями походки субъекта (человека и животного) движения, его фигуры, темпа (скорости), ритма движения и т. п. Преобладающую роль среди них играют глаголы зрительного восприятия.

В семантическом плане образные слова составляют слова-варианты, построенные по определенной звуковой модели. Разнообразная звуковая вариация образных слов служит для выражения тончайших оттенков одного и того же понятия. Именно эта ограниченность семантического диапазона создает расплывчатость, отсутствие четкой границы между отдельными словами, что затрудняет толкование значений таких образных слов. Для примера возьмем наиболее продуктивные образные глаголы, состоящие из модели Б–Л (БАЛ-, БЫЛ-, БЭЛ-) (см. таблицу 1), в основном характеризующие внешний вид располневшего человека, его отдельных частей тела. Эти корни преимущественно восходят к звукоподражательным словам, например, БАЛ передает звук падения студенистой, полужидкой или тестообразной массы; БЫЛ – шлепанье мягкой, полужидкой массы; БЭЛ – шлепанье мягкой и влажной массы [Харитонов, 1954: 260]. Отсюда звучание БАЛ ассоциируется с широкой, пухлой внешней формой кого-л., чего-л.; БЫЛ – с выпирающейся, выпячивающейся мясистой массой; БЭЛ – с широко расплывающейся широкой формой кого-л., чего-л. Звукоподражательные корни развивают свою образную семантику посредством глагольных аффиксов *-ҕай(-гэй), -лай(-лэй), -тай(-тэй)*. Вариация аффиксального элемента, вызываемая чередованием его начального согласного, способствует образованию новых лексем, отличающихся от других родственных по корню глаголов лишь формой аффиксального элемента. Следовательно, здесь смена формы обусловлена не фонетическими, а семантическими причинами [Харитонов, 1954: 233]: *бал+ҕай, был+ҕай, бэл+гэй; бал+лай, был+лай, бэл+лэй; бал+тай, был+тай, бэл+тэй.* (см. табл.1). Приводим из БТСЯЯ примеры этих глаголов.

Аффикс -ҔАЙ (-ГЭЙ)

БАЛҔАЙ. Располнеть, расплываться вширь (*напр., о разжиревшем человеке). Суон дьахтар сырдыгы барытын сабардаан түннүк аттыгар балҕайан турар. – У окна, заслоняя солнечный свет, стояла расплывшаяся вширь толстая женщина* [БТСЯЯ, 2005: 162].

БЫЛҔАЙ. Чрезмерно располнеть, неравномерно выпирать мясистой массой (*о жирном теле и пр.*). *Дьиэлээх хотун Ылдьаана, мылтаҕар сирэйдээх, былҕайбыт суон дьахтар. – Хозяйка дома Ульяна – круглолицая, чрезмерно располневшая, с выпирающими телесами женщина* [БТСЯЯ, 2005: 699].

БЭЛГЭЙ. Быть, казаться чрезмерно широким и плоским (*напр., о лице*). *Үөрэн дьэ сирэйэ бэлгэйбит дии. – У него лицо от радости расплылось в широкой улыбке* [БТСЯЯ, 2005: 850].

Аффикс -ЛАЙ (-ЛЭЙ)

БАЛЛАЙ. Казаться раздутым, увеличенным в объеме (*напр., о губе, лице)*. *Лаҥкыы оҕонньор улахан уоһа ордук баллайбыт, сирэйэ кытаран хаалбыт. – Старик Лаҥкыы надул и без того большие губы, что они казались слишком раздутыми, а лицо покраснело* [БТСЯЯ, 2005: 164].

БЫЛЛАЙ. 1. Быть чрезмерно мясистой и выпирающей (*о губе*). *Хоргуппут кыра оҕолуу алларaа уоһа быллайан, титирээн барда. – Как у маленького обиженного ребенка, у него затряслись мясистые нижние губы* [БТСЯЯ, 2005: 708].

БЭЛЛЭЙ. Быть, казаться слишком широким, округло-расширенным (*напр., о губах, лице, намокших торбасах*). *Этэрбэс ибили сытыйан бэллэйбит. – Торбаса, намокнув, стали слишком широкими* [БТСЯЯ, 2005: 854].

Аффикс -ТАЙ, (-ТЭЙ)

БАЛТАЙ. Показаться крупным, широким. *Саҥа уол бэҕэһээҥҥи таҥаһа уларыйбатах. Балтайбыт баһаам улахан хаатыҥхалаағa, араастаан баһыахтаан хаамар. – У новичка со вчерашнего дня ничего не изменилось. У него были неподабающе большого размера валенки, в которых он с трудом ходил* [БТСЯЯ, 2005: 176].

БЫЛТАЙ 1. Высовываться, выглядывать из-за чего-л. 2. Выступить из чего-л. [БТСЯЯ, 2005: 710].

БЭЛТЭЙ. Быть очень широким, округлым и слегка выпуклым (*о лице*). *Миитэрээс, бэлтэйбит кытархай сирэйэ дьиэс-куос буолан, ол-бу диэки мэлээриҥнээтэ. – Митэрээс, выказывая свое недовольство, оглядывался вокруг, поворачивая в стороны свое широкое раскрасневшееся лицо* [БТСЯЯ, 2005: 854].

Таблица 1

Образные глаголы, состоящие из модели Б–Л

Корень	Аффиксы		
	-ҕай (-гэй)	-лай (-лэй)	-тай (-тэй)
бал-	бал+ҕай	бал+лай	бал+тай
был-	был+ҕай	был+лай	был+тай
бэл-	бэл+тэй	бэл+лэй	бэл+тэй

Эти образные глаголы передают разные оттенки понятия «располнеть». Их особенность заключается в том, что вариация гласных фонем в корневой части слова (БАЛ-, БЫЛ-, БЭЛ-) предопределяет появление новой лексической единицы, которая в своей семантике вносит новый оттенок в заданное значение. Однако в современном якутском языке некоторые из них, например глагол БЫЛТАЙ, утратил образное значение, хотя оно сохранилось в образованном от этого глагола прилагательном БЫЛТАҔАР ‘выпирающий, округлый (*о щеках*)’.

Смена корневого начального согласного (см. табл. 2)

По фонетическим закономерностям якутского языка в корне, состоящем из модели Б–Л, может меняться начальная согласная фонема например, Б на М (МАЛ-, МЫЛ-, МЭЛ-) и соответственно на Дь (ДЬАЛ-, ДЬЫЛ-, ДЬЭЛ-), на Нь (НЬАЛ-, НЬЫЛ-, НЬЭЛ-), на С (САЛ-, СЫЛ-, СЭЛ-).

Согласные фонемы в этих корнях имеют стержневое назначение и образуют модели образных глаголов, которые посредством вокализации превращаются в отдельные лексические единицы. Образованные от этих корней с помощью рассматриваемых аффиксов образные глаголы в большинстве случаев объединены одной общей семой «располнеть», но различаются лишь оттенками и нюансами, передающими какую-либо особенность внешнего вида или частей тела располневшего человека. Появление таких образных глаголов не случайно, так как каждая согласная и гласная фонемы привносят дополнительный оттенок в общую семантику глаголов.

Для сравнения семантики образных глаголов приведем ряд примеров.

БЭЛТЭЙ. Быть очень широким, округлым и слегка выпуклым (*о лице*). *Миитэрээс, бэлтэйбит кытархай сирэйэ дьиэс-куос буолан, ол-бу диэки мэлээриҥнээтэ. – Митэрээс, выказывая*

свое недовольство, оглядывался вокруг, поворачивая в стороны свое широкое раскрасневшееся лицо [БТСЯЯ, 2005: 710].

МЭЛТЭЙ. Быть, казаться круглым, широким (*обычно о лице, полной луне*). *Мардьаҥныырап сирэйэ туолбут ыйдыы мэлтэйэрэ. – Лицо Марджанныровa казалось круглым и широким, подобно полной луне* [БТСЯЯ, 2009: 403].

ДЬЭЛТЭЙ. Быть, казаться большим и круглым. *Пантелей ымайан дьэлтэйдэ. – Лицо Пантелея казалось от улыбки круглым и широким* [БТСЯЯ, 2006: 527].

НЬЭЛТЭЙ. Быть, казаться сплющенным и расширенным книзу. *Оҕонньор үөрэн ньэлтэйбит. – От радости лицо старика расплылось в улыбке.*

СЭЛТЭЙ. Представлять собой округленную, припухлую, вздутую конечность, утолщаться, вздуваться на конце. *Сэлтэйбит мууннаах саадьаҕай оҕустан сүрдээҕин куттанарбыт. – Мы боялись полосатого быка с вздутой толстой мордой* [БТСЯЯ, 2012: 561].

Как видно из примеров, почти все эти глаголы передают цельный образ круглого, широкого лица, вследствие того что фонема э, заключенная в вышеприведенных моделях Б–Л, М–Л, ДЬ–Л, НЬ–Л, С–Л дает образ широкого, плоского вида чего-л. Вместе с тем в значение каждого глагола привносится какой-либо дополнительный оттенок, например, в значение глагола БЭЛТЭЙ, кроме широкого и плоского вида лица, прибавляется оттеночный компонент, выражающий его выпуклость. Значение глагола НЬЭЛТЭЙ отличает дополнительная сема сплющенности лица. В значении глагола СЭЛТЭЙ передается цельный образ широкого лица, где прежде всего бросается в глаза утолщенный книзу большой мясистый нос. МЭЛТЭЙ передает не только форму лица, но и часто употребляется в описании круглой, полной луны и солнца.

Фонема *ы* придает моделям Б–Л, М–Л, ДЬ–Л, НЬ–Л, С–Л неполностью занятое пространственное содержание, ей свойственно значение небольшого размера. Основное образное содержание этих глаголов сводится к представлению о чем-либо выпирающей небольшой формы. По данной модели образуются следующие образные глаголы:

БЫЛТАЙ. Выпирать, быть, казаться полным, мясистым (*обычно о лице, щеках ребенка*). *Олбуор ааныттан мэник уолчаан былтайар. – Из-под забора выглядывало мясистое, щекастое лицо шустрого мальчика* [БТСЯЯ, 2005: 850].

МЫЛТАЙ. Быть, казаться круглым, с выпирающими щечками (*о лице*). *Оксана сирэйэ үөрэн мылтайбыт, лыҥкынас куолаһынан ыллыыр. – Маленькое лицо Оксаны округлилось от радости, и она запела звонким голосом* [БТСЯЯ, 2009: 386].

ДЬЫЛТАЙ. Иметь белое щекастое лицо (*обычно о цветущей девушке или молодой женщине*). *Хобороос уойбута-топпута, икки иҥэ дьылтайбыта сүр. – Февронья так располнела, что щеки налились, округлились* [БТСЯЯ, 2006: 496].

НЬЫЛТАЙ. Иметь круглое, лоснящееся белое лицо (*обычно о девочке, молодой девушке*). *Кыыс былаатын ыга баанан ньылтайан хаалла. – Девушка так туго затянула платок вокруг лица, что ее белое лицо казалось круглым.*

СЫЛТАЙ. Иметь мясистый вздернутый нос. *Кыыс улаатан истэҕин аайы мунна сылтайан испит. – С возрастом у девочки курносый нос становился еще более вздернутым* [БТСЯЯ, 2012: 412].

Здесь в глаголах БЫЛТАЙ, МЫЛТАЙ, ДЬЫЛТАЙ довольно ясно обнаруживается представление о выпирающей, полной щеке. В значении глагола НЬЫЛТАЙ появилось дополнительное образное представление цвета – белого лица, притом лица девочки или молодой девушки. В значении глагола СЫЛТАЙ произошло некоторое развитие в сторону абстрагирования семантики: из образных представлений сохранилось лишь представление о выпирающей небольшой круглой форме.

Фонема *а* в моделях Б–Л, М–Л, ДЬ–Л, НЬ–Л, С–Л изображает предельно большой объем, размер данной формы, отражает плотность тела, подчеркивая твердое его состояние, тяжелую, неуклюжую форму.

БАЛТАЙ. Казаться слишком толстым и крупным (*о предмете, о человеке*). *Барахсан балтайан киһиэхэ эрэ тылын иһитиннэриэх дьахтар. – Любой прислушается к словам этой милой толстухи* [БТСЯЯ, 2005: 176].

МАЛТАЙ. Быть, казаться слишком широким, плоским, полным (*о лице*). *Саабыһына хостон малтайан тахсан кэллэ, Дьэбдьиэни*

көрөөт, мичээрдээбитэ буолла. – Из комнаты выплыла полнолицая Саввична, увидев Евдокию, сделала улыбающееся лицо [БТСЯЯ, 2009: 176].

ДЬАЛТАЙ. Широко раскрываться, раздуваться (*обычно о рте, ноздрях человека*). *Күлэн дьалтайда. – Расплылся в широкой улыбке.*

НЬАЛТАЙ. Иметь широкое и плоское лицо, выделяться таким видом (*о человеке со сплющенным носом, тяжелыми веками). Баанньа көхсүн этиппэхтээн баран, ньалтайан олорон дьоҥҥо сэһэргиир. – Ваня, раскашлявшись, выставил широкое лицо и начал свой рассказ* [БТСЯЯ, 2010: 85].

САЛТАЙ. Расширяться, быть слишком широким в верхней (*или передней*) части. *Витя ийэтэ тикпит маа бэйэлээх этэрбэһэ сытыйан, төбөтө салтайан таҕыста. – Витины торбаса, сшитые матерью, потеряли свою форму, безобразно расширившись от сырости* [БТСЯЯ, 2011: 194].

Как видно из примеров, глаголы МАЛТАЙ, ДЬАЛТАЙ, НЬАЛТАЙ служат для образной характеристики физиономии человека, а глаголы БАЛТАЙ, САЛТАЙ – об общей фигуре располневшего человека или предмета, очертания которого напоминают предельно большой объем чего-л.

В данной работе мы рассматриваем образные глаголы, образованные только по корневой модели Б–Л, ДЬ–Л, М–Л, НЬ–Л, С–Л + аффикс -ТАЙ(-ТЭЙ). От аффиксов -ҔАЙ (-ГЭЙ), -ЛАЙ (-ЛЭЙ) аналогично образуются образные глаголы *бэлгэй, былҕай, балҕай, мэлгэй, малҕай, ньэлгэй, бэллэй, быллай, баллай* с такими же значениями, но, поскольку они не входят в системный ряд, мы их здесь не рассматриваем.

Таблица 2

Смена корневого начального согласного

Начальный согласный корня	Гласные в корне		
	э	ы	а
б	бэлтэй	былтай	балтай
м	мэлтэй	мылтай	малтай
дь	дьэлтэй	дьылтай	дьалтай
нь	ньэлтэй	ньылтай	ньалтай
с	сэлтэй	сылтай	салтай

Рассмотренные образные глаголы составляют лишь некоторую часть заданной темы. На самом деле существует множество подобных глаголов, характеризующих особенности располневшего человека. В силу своей эмоционально-экспрессивной изобразительной семантики, эти слова относятся к разговорному стилю речи. С этой точки зрения даже их сбор и фиксация вызывает определенные трудности, не говоря уже о толковании значений не только на русском языке, но и на якутском. В якутской лексикографии еще со времен «Словаря якутского языка» Э.К. Пекарского сложилась практика определения значений образных глаголов следующим образом: приводится толкование собственно значения, а затем в скобках дается его референтная часть, т. е. вспомогательное толкование, указывающее, например, к кому(чему) относится значение глагола. Такой способ толкования хоть как-то приближает к восприятию того цельного образа, который содержится в семантике глагола и предстает перед глазами. Специфика значений таких глаголов такова, что их адекватный перевод на русский язык в большинстве случаев практически невозможен. Поэтому приходится передавать их значения посредством разных частей речи, чаще с помощью прилагательных и даже существительных.

IV. Обсуждение. Проведенное исследование образных глаголов с общей архисемой 'располнеть' показывает, что структурное

оформление корня слова, глагольных аффиксов имеет системный характер.

Все гласные и согласные фонемы в составе моделей несут определенную семантическую нагрузку, в результате чего эти глаголы становятся семантически самостоятельными и отличаются друг от друга дополнительными оттеночными значениями. Образные глаголы по своей природе, варьируя различными чередованиями согласных и гласных фонем, могут образовываться в большом количестве.

V. Заключение. В результате проведенного исследования была выявлена характерная особенность образных глаголов якутского языка, состоящая в том, что значительную часть этих глаголов составляют слова-варианты, построенные по определенной фоноструктурной модели. Рассмотренные в статье образные глаголы воспроизводят целую картину, в данном случае внешнего вида располневшего человека. Вариация гласных фонем в рамках звуковой модели, состоящей из согласных фонем, каждый раз образовывает новый семантически самостоятельный глагол, характеризующий какую-либо определенную особенность внешнего вида располневшего человека, его отдельных частей тела. В якутском языке данное явление получило широкое развитие.

Список литературы:

Алькенова С.Н. Звукоизобразительные слова в английском и казахском языках: Автореф. дис… канд. филол. наук. Новосибирск, 2018. 27 с.

Аммосова И.В. Звукоподражательная лексика как национальная специфика языка и ее подача в Большом толковом словаре якутского языка // Северо-Восточный гуманитарный вестник. Якутск: 2019. № 3. С. 92–98.

Афанасьев Л.А. Фоносемантика образных слов якутского языка: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Якутск, 1993. 18 с.

Баскаков Н.А. Историко-типологическая морфология тюркских языков (Структура слова и механизм агглютинации). М.: Наука, 1979. 274 с.

Воронин С.В. Основы фоносемантики. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1982. 244 с.

Егинова С.Д. Образные прилагательные якутского языка (в сопоставлении с бурятским и киргизским языками). Новосибирск: Наука, 2014. 232 с.

Зайнуллин М.В. О некоторых теоретических проблемах тюркского языкознания // Урал–Алтай: через века в будущее: Материалы IV Всероссийской научной конференции, посвященной III Всемирному курултаю башкир. Т. 1. Филология. Уфа, 2010. С. 111–115.

Исхаков А.И. О подражательных словах в казахском языке // Тюркологический сборник, Т.1. М.–Л., 1951. С. 103–111.

Категория образности в языке (на материале сопоставления якутского языка с казахским, киргизским, алтайским и монгольским языками): колл. монография [Отв. ред. С.М. Прокопьева]. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2019. 196 с.

Кулаковский А.Е. Научные труды. Якутск: Як. книжное изд-во, 1979. 484 с.

Николаева А.М. Средства выражения экспрессивности в якутском языке. Новосибирск: Наука, 2014. 132 с.

Рассадин В.И. О роли изобразительных слов в образовании глаголов халха-монгольского языка // З.К. Касьяненко – учитель и монголовед. Мат. Международной конференции, посвященной 90-летию российского монголиста З.К. Касьяненко. СПб.; Улан-Батор, 2016. С. 120–126.

Харитонов Л.Н. Неизменяемые слова в якутском языке. Якутск: Як. книжное изд-во, 1943. 82 с.

Харитонов Л.Н. Типы глагольной основы в якутском языке. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 312 с.

Харитонов Л.Н. Формы глагольного вида в якутском языке. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 180 с.

Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Ленинград: Наука, 1987. 152 с.

Prokopieva S.M., Monastyrev V.D. Figurative Verbs of visual Perception in the Modern Yakut Language and their Eguivalents in the Mongolian Language. Science and Society №1 V.1. 2017 Pp. 118-216. (10th International Scientific and Practical Conference «Science and Society»).

Словари:

БТСЯЯ 2005 – Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта: в 15 т. [Под ред. П.А. Слепцова]. Новосибирск: Наука, 2005. Т.2: (Буква Б). 912 с.

БТСЯЯ 2006 – Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта: в 15 т. [Под ред. П.А. Слепцова]. Новосибирск: Наука, 2006. Т. 3: (Буква Г, Д, ДЬ, И). 844 с.

БТСЯЯ 2009 – Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта: в 15 т. [Под ред. П.А. Слепцова]. Новосибирск: Наука, 2009. Т.6: (Буквы Л, М, Н). 519 с.

БТСЯЯ 2010 – Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта: в 15 т. [Под ред. П.А. Слепцова]. Новосибирск: Наука, 2010. Т. 7: (Буквы Нь, О, Ө, П). 519 с.

БТСЯЯ 2011 – Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта: в 15 т. [Под ред. П.А. Слепцова]. Новосибирск: Наука, 2011. Т.8: (Буква С: с - сөллөҕөр). 572 с.

БТСЯЯ 2012 – Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта: в 15 т. [Под ред. П.А. Слепцова]. Новосибирск: Наука, 2012. Т. 9: (Буква С: сөллөй – сээн, буква һ). 630 с.

References:

Afanasiev L.A. *Fonosemantika obraznykh slov yakutskogo yazyka* [Phonosemantics of Yakut figurative verbs]. Thesis of the Candidate of Philological Sciences' Dissertation. Yakutsk, 1993. 18 p. (In Russian)

Al'kenova S.N. *Zvukoizobrazitel'nye slova v angliyskom i kazakhskom yazykakh* [Onomatopoeic words in English and Kazakh]. Thesis of the Candidate of Philological Sciences' Dissertation. Novosibirsk, 2018. 27 p. (In Russian)

Ammosova I.V. *Zvukopodrazhatel'naya leksika kak natsional'naya spetsifika yazyka i ee podacha v Bol'shom tolkovom slovare yakutskogo yazyka* [Onomatopoeic vocabulary as a specific feature of a language and its representation in the Great Explanatory Dictionary of the Yakut Language]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik* [North-Eastern Humanities Bulletin]. Volume 3. Yakutsk, 2019. Pp. 92-98. (In Russian)

Baskakov N.A. *Istoriko-tipologicheskaya morfologiya tyurkskikh yazykov* (*Struktura slova i mekhanizm agglyutinatsii*) [Historical-typological morphology of Turkic Languages (Word structure and the mechanism of agglutination)]. Moscow: Science Publ., 1979. 274 p. (In Russian)

Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka [Great Explanatory Dictionary of the Yakut Language]. Ed. by P.A. Sleptsov. Volume 2 (Letter B). Novosibirsk: Science Publ., 2005. 912 p. (In Yakut)

Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka [Great Explanatory Dictionary of the Yakut Language]. Ed. by P.A. Sleptsov. Volume 3 (Letters G, D, D', I). Novosibirsk: Science Publ., 2006. 844 p. (In Yakut)

Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka [Great Explanatory Dictionary of the Yakut Language]. Ed. by P.A. Sleptsov. Volume 6 (Letters L, M, N). Novosibirsk: Science Publ., 2009. 519 p. (In Yakut)

Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka [Great Explanatory Dictionary of the Yakut Language]. Ed. by P.A. Sleptsov. Volume 7 (Letters N', O, Ө, P). Novosibirsk: Science Publ., 2010. 519 p. (In Yakut)

Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka [Great Explanatory Dictionary of the Yakut Language]. Ed. by P.A. Sleptsov. Volume 8 (Letter S: с - сөллөй). Novosibirsk: Science Publ., 2011. 572 p. (In Yakut)

Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka [Great Explanatory Dictionary of the Yakut Language]. Ed. by P.A. Sleptsov. Volume 9 (Letter S: сөллөй – сээн, letter һ). Novosibirsk: Science Publ., 2012. 630 p. (In Yakut)

Eginova S.D. *Obraznye prilagatel'nye yakutskogo yazyka* (*v sopostavlenii s buryatskim i kirgizkim yazykami*) [Yakut figurative adjectives (as comparisons to Buryat and Kirgiz Languages)]. Novosibirsk: Science Publ., 2014. 232 p. (In Russian)

Iskhakov A.I. *O podrazhatel'nykh slovakh v kazakhskom yazyke* [On onomatopoeic words in Kazakh]. *Tyurkologicheskiy sbornik* [Turcology Collection]. Volume 1. Moscow-Leningrad, 1951. Pp. 103-111. (In Russian)

Kharitonov L.N. *Formy glagol'nogo vida v yakutskom yazyke* [Formds of verbal aspect in the Yakut Language]. Moscow-Leningrad: Publ. of the USSR Academy of Sciences, 1960. 180 p. (In Russian)

Kharitonov L.N. *Neizmenyaemye slova v yakutskom yazyke* [Invariant words in the Yakut Language]. Yakutsk: Yakut book publ., 1943. 82 p. (In Russian)

Kharitonov L.N. *Tipy glagol'noy osnovy v yakutskom yazyke* [Types of verbal stem in the Yakut Language]. Moscow-Leningrad: Publ. of the USSR Academy of Sciences, 1954. 132 p. (In Russian)

Kulakovskij A.E. *Nauchnye Trudy* [Scientific works]. Yakutsk: Yakut book publ., 1979. 484 p.

Nikolaeva A.M. *Sredstva vyrazheniya ekspressivnosti v yakutskom yazyke* [Means of expressivity in the Yakut Language]. Novosibirsk: Science Publ., 2014. 132 p. (In Russian)

Prokopieva S.M. (Ed.) *Kategoriya obraznosti v yazyke* (*na materiale sopostavleniya yakutskogo yazyka s kazakhskim, kirgizskim, altayskim i mongol'skim yazykami*) [Category of figurativeness in language (based on comparison of Yakut with Kazakh, Kirgiz, Altai, and Mongolian)]. Collective monography. Yakutsk: Northeastern Federal University Publ., 2019. 196 p. (In Russian)

Prokopieva S.M., Monastyrev V.D. Figurative Verbs of Visual Perception in the Modern Yakut Language and Their Equivalents in the Mongolian Language. *Science and Society 1 10th International Scientific and Practical Conference "Science and Society" 23-28 February 2017*. Volume 1. 2017. Pp. 118-216. (In English)

Rassadin V.I. *O roli izobrazitel'nykh slov v obrazovanii glagolov khaklka-mongol'skogo yazyka* [On the role of figurative words in formation of Khalkha Mongolian verbs]. // *Z. K. Kas'yanenko – uchitel' i mongoloved. Mat. Mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 90-letiyu rossiyskogo mongolista Z.K. Kas'yanenko.* [Z.K. Kasyanenko – teacher and expert in

Mongolian studies. Proceedings of the International Conference dedicated to the 92nd anniversary of Russian scholar in Mongolian studies Z.K. Kasyanenko]. St. Petersburg – Ulan-Bator, 2016. Pp. 120-126. (In Russian)

Shcherbak A.M. *Ocherki po sravnitel'noy morfologii tyurkskikh yazykov* [Essays on comparative morphology of Turkic Languages]. Leningrad: Science Publ., 1987. 152 p. (In Russian)

Voronin S.V. *Osnovy fonosemantiki* [Fundamentals of phonosemantics]. Leningrad: Leningrad University Publ., 1982. 244 p. (In Russian)

Zainullin M.V. *O nekotorykh teoreticheskikh problemakh tyurkskogo yazykoznaniya* [On some theoretical problems of Turkic studies]. *Ural-Altay: cherez veka v budushchee: Materialy IV Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy III Vsemirnomu kurultayu Bashkir* [Ural-Altai: Through centuries into the future. Proceedings of the 4th Russian conference dedicated to the 3rd Kurultai of the Bashkir]. Volume 1. Philology. Ufa, 2010. Pp. 111-115. (In Russian)

V.D. Monastyrev, N.N. Vasilieva, I.V. Ammosova

Phonetic Means of Expressing Figurative Semantics in the Yakut Language (Illustrated by Figurative Verbs with the Generic Seme 'to Gain Weight')

Scientific novelty. The paper provides the first structural-semantic analysis of the most productive figurative verbs of visual perception based on the model B-L- (BAL-, BÏL-, BÄL-) characterizing appearance and body parts of an overweight person. *The aim* of the paper is revealing and describing phonetic means of expressing semantics of Yakut figurative verbs. *The tasks* are to select figurative verbs with the generic seme 'to gain weight' from the Great Explanatory Dictionary of the Yakut Language (further GEDYL), to reveal differential semes of the analyzed verbs that are formed using a certain phonetic structural model. *Research methods.* The main research methods are structural and componential analyses. We also used the method of systematization and classification, dictionary definition, semantic and morphological analyses. Figurative verbs of visual action characterizing appearance and gait of an overweight person were selected from a lexicographic source, GEDYL.

Results. The analyses revealed figurative verbs variants of visual perception expressing appearance, gait of an overweight person within the phono-structural model B-L and its analogies. The semantic analysis of the root and affixes of figurative verbs showed that all vowel and consonant phonemes in the models have certain semantic contribution. As a result, these verbs gain semantic independence and differ in additional semantic nuances.

Keywords: Yakut, figurative vocabulary, figurative verb, phono-structural model of figurative verbs, phono-semantics, generic forms of figurative verbs, structural-semantic analysis

К.В. Кичеева

DOI: 10.25693/SVGV.2022.40.3.008
УДК 811.512.153'36

Временная нелокализованность ситуаций настоящего времени с формой на *-(п)ча* в хакасском языке*

Научная новизна определяется тем, что впервые в хакасском языкознании нелокализованные во времени ситуации с формой на *-(п)ча* анализируются в функционально-семантическом аспекте.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-012-00462.

© *Кичеева К.В., 2022*

Цель работы – описание типов временной нелокализованности и выявление средств их выражения в ситуациях настоящего времени с формой на *-(п)ча* в хакасском языке. Для достижения указанной цели поставлены следующие *задачи*: 1) изучить теоретическую концепцию временной нелокализованности; 2) выделить средства выражения временной нелокализованности в высказываниях с формой на *-(п)ча*; 3) определить условия реализации одних и тех же языковых единиц в разных типах временной нелокализованности.

Методы исследования. Основным методом выступает функционально-семантический анализ, а также использованы лингвистический эксперимент, методы дословного и семантического перевода.

Результаты. Анализ ситуаций временной нелокализованности с формой на *-(п)ча* показывает, что ввиду нейтральности к оппозиции временной локализованности/нелокализованности выражение того или иного значения зависит от контекста. Выделяются и описываются языковые средства разного уровня (от морфологического до синтаксического), в которых выражение временной нелокализованности представлено наиболее ярко. Так, выявлены и описаны основные средства выражения простой повторяемости, узуальности, вневременности. Особое внимание уделено специфическим показателям временной нелокализованности, характерным только для ситуаций при участии формы на *-(п)ча.*

Ключевые слова: хакасский язык, настоящее время, индикатив, категория временной локализованности, временная нелокализованность, простая повторяемость, узуальность, вневременность

I. Введение. Изучение функциональных особенностей глаголов в аспекте функционально-семантических категорий остается одним из перспективных направлений в современной лингвистике. Особенно важным в этом отношении является анализ особенностей и средств выражения категории временной локализованности (далее – Л), которая тесно связана с глагольной категорией времени. Временная Л представляет собой функционально-семантическую категорию, состоящую из двух противопоставленных типов ситуаций: конкретные (локализованные) и неконкретные (нелокализованные) во времени [Бондарко, 2017: 210].

В хакасском языке категория времени традиционно рассматривалась в рамках изъявительного наклонения (индикатива) [Дыренкова, 1948; Баскаков, Инкижекова-Грекул, 1953; Карпов, 1975 и др.]. В последнее время при изучении индикативных форм глагола исследователи хакасского языка особое внимание уделяют их функционально-семантическим особенностям. Так, анализу подвергаются темпорально-аспектуальные [Боргоякова, 2005; 2016 и др.], аспектуальные [Кызласова, 2014; Кызласова, Кичеева, 2019; Кызласова, 2020б и др.], модальные [Котожекова, 1998; Кызласова, 2021 и др.] и другие конструкции с временными формами глагола. Однако ситуации временной нелокализованности (НЛ) в хакасском языке системного описания еще не получили. В связи с этим предпринятое нами исследование является актуальным.

Цель данной работы – описать типы ситуаций временной НЛ при участии формы настоящего времени на *-(п)ча* в хакасском языке.

Как известно, лингвисты уже давно отмечали противопоставление таких языковых ситуаций, как *Вода не течет* (сейчас) и *Под лежачий камень вода не течет* (вневременность). Тем не менее считается, что подобные оппозиции как самостоятельная языковая категория впервые стали рассматриваться Э. Кошмидером, которым обосновывается, что различие этих языковых фактов в польском языке происходит логически, а турецкий язык для их обозначения имеет формальные показатели. Под временной НЛ (вневременностью по Э. Кошмидеру) понимаются «абстрактные факты, не связанные со строго определенным, свойственным только им индивидуальным временем, обладающие лишь общей значимостью» [Кошмидер, 1962: 131].

На сегодняшний день существуют разные подходы к определению понятия «временная нелокализованность». Основная проблема заключается в промежуточном положении некоторых типов ситуаций, находящихся между временной Л и НЛ.

Так, например, Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев итеративные ситуации, представляющие собой последовательность действий во времени, относят к сфере временной Л: *Каждый вечер он ужинал, выпивал чашку кофе, выкуривал сигарету и шел гулять* [Булыгина, Шмелев, 1997: 119]. При этом отмечается, что пространствен-

но-временная локализация подобных ситуаций неопределенная. Причем авторами не исключается возможность их отнесения к узуальным предикативным выражениям (обычным, т. е. нелокализованным во времени) [Там же: 119–120].

Нами понимание временной Л основывается на концепции, разработанной А.В. Бондарко, согласно которой вышеприведенная ситуация считается одним из типов временной НЛ – «простая повторяемость» [Бондарко, 2017: 217]. Хотя сам А.В. Бондарко и сторонники его концепции так же, как Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев, отмечают переходный характер «простой повторяемости» от конкретности к неконкретности [см. Бондарко, 2017: 219–220; Смирнов, 2018: 273].

Теоретическая и практическая значимость. Результаты данного исследования могут послужить при описании типов ситуаций временной НЛ прошедшего и будущего времен в хакасском языке и для сопоставительных исследований с другими тюркскими и нетюркскими языками, а также могут быть использованы в обучении хакасскому языку как неродному и т. п.

II. Материалы и методы. Материалом исследования послужили примеры предложений с формой на *-(п)ча,* извлеченные из произведений фольклорной, художественной и публицистической литературы на хакасском языке.

В основном применялся функционально-семантический метод, который предполагает изучение разноуровневых единиц языка с учетом их взаимодействия в различных речевых ситуациях, объединенных общим семантическим содержанием. Наряду с функционально-семантическим анализом использовался метод лингвистического эксперимента, позволяющий выявить специфику реализации конкретной языковой единицы с помощью ее сопоставления в аналогичных условиях контекста.

III. Результаты. В хакасском языке описание семантики формы настоящего времени на *-п(ча)*, как и других форм времени, следовало лингвистическим традициям, согласно которым дифференциация индикативных форм к тому или иному временному плану, как правило, строилась на ориентации относительно момента речи. Так, многими исследователями хакасского языка значение данной формы рассматривается как действие или состояние, совпадающее с моментом речи [Дыренкова, 1948: 100; Баскаков, Инкижекова-Грекул, 1953: 452 и др.].

Н.К. Дмитриев, Ф.Г. Исхаков, кроме этой семантики, у формы на *-п(ча)* выделяют и другие значения, такие как «действие, свойственное предмету вообще и совершающееся постоянно, всегда», кроме того, отмечают ее переносное употребление в значении прошедшего и будущего времен [Дмитриев, Исхаков 1954: 133].

В.Г. Карпов в «Грамматике хакасского языка» выделяет следующие значения формы на *-(п)ча*: а) действие, совершаемое в данный момент, в момент речи; б) постоянное, непрерывное действие; в) повторяющееся, обычное действие; г) действие, являющееся постоянным свойством, признаком [Карпов, 1975: 202–203]. Кроме того, отдельно рассматриваются некоторые морфологические и лексические показатели, придающие глаголу или в целом контексту определенную семантику. К ним причислены формы «модальности *-тыр*, многократности *-гла/-гле*, совершенного вида *-ыбыс, сал, пар* и др., а также частицы *даа, ла, -ох, нооза*» [Там же: 203–204].

Современные исследователи не раз отмечают, что самостоятельно форма на *-(п)ча* выражает неопределенное настоящее время, а любое другое значение принимает при сочетании различных языковых средств [Бурнакова, 2016: 28; Боргоякова, 2016: 34; Бурнакова, Боргоякова 2020: 76].

Изучение сочетаемости глагольных аналитических форм с определенными индикативными формами, в том числе анализируемой формы, занимает отдельное место в исследованиях Т. Н. Боргояковой [Боргоякова, 2005; Боргоякова, 2013; Боргоякова, 2016 и др.].

Частотность употребления форм хакасской временной системы глагола в пословицах и поговорках анализируют Н.Н. Таскаракова, А.Н. Чугунекова [Таскаракова, Чугунекова, 2020]. Согласно проведенному ими исследованию, процент функционирования формы на *-(п)ча* в этих текстах относительно невысокий по сравнению с другими формами времени.

Сама форма настоящего времени на *-п(ча)* в хакасском языке нейтральна по отношению к оппозиции временной Л / НЛ. Например, ситуация *Хайди сіліг ол пасча* ‘Как красиво он пишет’ может восприниматься как локализованной во

времени ‘как красиво он пишет (сейчас, в данный момент)’, так и нелокализованной ‘как красиво он пишет (вообще, имеет свойство)’. Следует отметить, что в хакасском языке имеются специализированные грамматические показатели временной НЛ – это формы настоящего времени на *-(а)дыр* и прошедшего времени на *-ҷаң*. Для сравнения приведем следующие примеры:

1) *Хызыҷах чахсы сарнапча* ‘Девочка хорошо поет (сейчас, в данный момент)’ – актуальная локализация ситуации во времени;

2) *Хызыҷах чахсы сарнапча* ‘Девочка хорошо поет (вообще)’ – квалитативная (качественная) ситуация временной НЛ;

3) *Хызыҷых чахсы сарнидыр* ‘Девочка хорошо поет (обычно)’ – квалитативный тип временной НЛ.

Выделяют три основных типа временной НЛ: простую повторяемость, узуальность и вневременность [Бондарко, 2017; Смирнов, 2018]. Рассмотрим, в каких из этих типов ситуаций реализуется форма на *-(п)ча* в хакасском языке.

1. Простая повторяемость включает в себя «неузуальные неограниченные действия в рамках конкретного эпизода» и связана с «непосредственным наблюдением или с его воспроизведением в памяти» [Бондарко, 2017: 217]. Ср. следующие ситуации: а) *Хусхаҷахтар тапсасча* ‘Птички щебечут’; б) *Анда уғаа истіг чир: ибіре ағастар, хусхаҷахтар тапсасча, ырах нимес суғ ахча* ‘Там очень уютное место: вокруг деревья, птички щебечут, неподалеку река течет’.

В случае (а) итеративное действие, выраженное многоактным глаголом *тапсирға* ‘щебетать’, является локализованным во времени, т. е. оно происходит «здесь и сейчас». В ситуации (б) данное действие фиксируется в памяти говорящего, а в момент речи оно не локализуется.

В хакасском языке к средствам выражения простой повторяемости можно отнести грамматические (формы многократности *-ғла* (*-гле/-хла/-кле/-ла/-ле*), аналитическая форма *-(п) тур-*), лексические (итеративные глаголы, адвербиальные выражения с семантикой повторяемости и т. п.), лексико-грамматические средства (аффикс совместного залога *-ыс* (*-іс/-с*), аналитические формы *-(п) чӧр-, -(п) одыр-* при сочетании с итеративными глаголами).

Частотность самостоятельного употребления глагола с собственно итеративным значением в хакасском языке относительно невелика. Эти глаголы, как правило, и имеют склонность сочетаться с вышеперечисленными показателями итеративности. Ср.: *хар халбастанча* ‘снег кружится (сообщение факта)’ и *хар халбастан турча* ‘снег кружится (акцент на многоактное действие)’, *сазын тарапча* ‘волосы расчесывает (сообщение факта)’ и *сазын тарағлапча* ‘волосы расчесывает (акцент на многоактное и (или) разнонаправленное действие)’, *салаалар тыҷырапча* ‘ветки трещат (сообщение факта)’ и *салаалар тыҷырасча* ‘ветки трещат (акцент на многоактное действие)’ и т. п.

Благодаря этим эксплицитным выразителям итеративность может образовываться также от глаголов, не имеющих внутреннюю семантику повторяемости, ср.: *кӧрче* ‘смотрит’ – *кӧрглепче* ‘рассматривает’, *килче* ‘идет’ – *кил турча* ‘приходит (захаживает)’ и т. п.

Таким образом, за основу дифференциального признака простой повторяемости настоящего времени на *-(п)ча* в хакасском языке мы взяли оппозицию ситуации с мультипликативным (многоактным) действием и ситуации собственно итеративности.

Ситуации мультипликативного действия характеризуются внутренней кратностью. В хакасском языке, как было отмечено, внутреннюю кратность могут иметь не только глаголы с собственно итеративной семантикой, но и другие глаголы при сочетании специальных эксплицитных показателей.

Одним из основных выразителей мультипликативности действия является форма многократности *-ғла*: *Оолах, оларны кӧріп, чапсып сураглапча*[1] ‘Мальчик, увидев их, с интересом расспрашивает’ (*сура-* ‘спрашивать’); *Ооллар, хыстар лозунгтар, портреттер хазаглапчалар*[2] ‘Парни, девушки развешивают лозунги, портреты’ (букв. *хаза-* ‘колоть’).

Как видно из примеров, мультипликативные ситуации с данной формой могут быть моно- и полисубъектными. Следует отметить, что к ним

[1]Хара Паар = Хара Паар. Абакан: Краснояр. кн. изд-во, Хакас. отд-ние, 1979. С. 10.

[2]Кильчичаков М.Е. Пьесалар = Пьесы. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1961. С. 26.

не относятся те полисубъектные высказывания, которые указывают на разнонаправленное, разнолокализованное или разновременное действие (ср. *чатчалар* ‘лежат’ и *чатхлапчалар* ‘лежат (в разных местах)’, *нанчалар* ‘идут домой’ и *нанғлапчалар* ‘расходятся по домам (в разном направлении)’, *килчелер* ‘приходят’ и *килглепчелер* ‘приходят [один за другим] (в разное время)’).

Как известно, во многих тюркских языках реципрок (совместно-возвратный залог), кроме собственно реципрокального значения, может выражать итеративную семантику. К такому же заключению пришла И.Л. Кызласова: «реципрок в хакасском языке – это не только симметрично взаимные действия двух и более субъектов, не только совместное выполнение действия ими, а это по сути – «множественность» в разных вариациях: множество участников действия, множество ситуаций, множество актов в одном действии (мультипликативность), множество объектов» [Кызласова, 2020а: 230]. Так, аффикс реципрока *-ыс (-іс, -с)* в сочетании с формой на *-(п)ча*, как правило, выступает показателем мультипликативной ситуации в том случае, если сочетается с мультипликативными глаголами состояния или действия, локализованного на месте, и высказывание имеет более двух субъектов: *«Уғаа чахсы сарын», – сыбыхтасчалар кізілер*[1] ‘«Очень хорошая песня» – шепчутся люди’; *Чон хысхырыза түсті: «Оолахты чоо сабысты полярлар» тісчелер, көрглепчелер*[2] ‘Народ как зашумел: «Мальчика, кажется, побили до потери сознания» поговаривают, рассматривают’.

Кроме вышерассмотренных синтетических средств выражения мультипликативного действия, имеются аналитические – глагольные аналитические конструкции с десемантизированными глаголами (формантами) *тур* ‘стоять’, *одыр* ‘сидеть’, *чөр* ‘ходить’. Следует учесть, что обозначение ими семантики мультипликативности зависит, в частности, от значения основного глагола и в целом от контекста. Глагольные аналитические формы *-(ы)п турча, -(ы)п одырча,* как правило, выражают мультипликативность статичного характера, а *-(ы)п чөрче* – мультипликативность разнонаправленного действия: *Көрзе, [хузыҷах] анда ідөк ілін парған халбастан турча*[3] ‘Видит, [птица] там также, повисши, кружится’; *Сакура чикпек танға чайхалып одырча*[4] ‘Сакура покачивается от весеннего ветерка’; *Вера Семеновна Сагалакова хоости иткен халастарын кізілерге ибзер алып аларға үлеп чөрче*[5] ‘Вера Семеновна Сагалакова раздает людям свои красиво приготовленные калачи’.

Что касается *ситуаций собственно итеративности,* то кратность ее действия проявляется внешне, т. е. повторяемость имеет интервалы. Ее основными средствами в хакасском языке выступают итеративные обстоятельства: адвербиальные показатели (*хатап* ‘снова, опять, вновь’, *пазох* ‘снова, опять’, *пірееде* ‘иногда’, … *хати* ‘… раз’ и т. п.), синтаксические конструкции T_v*=за* со значением ‘(каждый раз) когда …’ и др.: *Чарых усча, түрче поларынаң пазох чари түсче*[6] ‘Свет гаснет, немного погодя вдруг снова загорается’; *Михаил Кильчичаков ідөк ағырынкөөлҷе, пір дее чирзер маңзырабин пастырча. Пірее хати тик нимес аар-пеер хылчаңнап салча*[7] ‘Михаил Кильчичаков идет также спокойно, не спеша. Временами оглядывается по сторонам’; *Хойлар хазааға наалза, өргеннер тыҷырас турча*[8] ‘(Каждый раз) когда овцы вплотную прижимаются к стойбищу, колья трещат’.

2. Узуальность (обычность) представляет собой «неограниченно-итеративные действия или действия типичные, обладающие дополнительными характеризующими значениями» [Смирнов, 2018: 273]. В отличие от простой повторяемости (а) узуальность (б) не связана с наблюдаемостью (перцептивностью), ср.: а) *Көрзе, чон хымысха чіли хайынча* ‘Видит, люди кишат как муравьи’; б) *Андағы чон күлүк, хымысха чіли*

[1]Султреков А.Е. Кööленіс көглері = Песни любви. Ч. 1. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2018. С. 153.
[2]Хара Паар. Указ. соч. С. 80.
[3]Доможаков Н.Г. Ырахсы аалда = В далеком аале. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2010. С. 18.
[4]Шулбаева В. Чуртас – ол хыныс = Жизнь – это любовь. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2006. С. 214.
[5]Султреков А.Е. Указ. соч. С. 22.
[6]Шулбаева В. Чуртас салғағында = Превратности судьбы. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1997. С. 35.
[7]Султреков А.Е. Указ. соч. С. 33.
[8]Доможаков Н.Г. Указ. соч. С. 53.

хайынча ‘Люди тех мест трудолюбивые, работают как муравьи’.

Лексические и синтаксические средства узуальной констатации в хакасском языке мало отличаются от русского языка. Так, узуальность при участии формы настоящего времени на *-(п)ча* может выражаться семантикой самого глагола (а), лексическими конкретизаторами (б) и синтаксическими конструкциями (в): а) *Ол науканаң айғасча, көглепче*[1] ‘Он наукой занимается, поет’; *Тоғысха кірліг кип-азахтыг чӧрче!*[2] ‘На работу ходит неопрятным’; б) *Мин Лешкама ай сай [ахча] ысчам*[3] ‘Я своему Лёшке ежемесячно деньги отправляю’; *Икен пеер удаа чӧрче*[4] ‘Икен сюда часто ходит’; *Минің столым сині хаңан даа тимде сағыпча*[5] ‘Мой стол тебя всегда готовым ждет’; в) *Ахча полза, суға ла салыбысчазың*[6] ‘(Каждый раз) когда деньги появляются, ты тратишь [их] в пустую’; *Наа оңдайлардаңар истіп салза, көрбинче, хысча пастыхтарны, сурып алча*[7] ‘Как только узнает о новых технологиях, [он ни что] не смотрит, требует [их] от начальства [и] добивается’.

Наличие в узуальных ситуациях лексических конкретизаторов цикличности, частотности, обычности очевидно. Интересным представляются ситуации, в которых показателем узуальности выступает точное время. Так, если темпоральные маркеры с конкретным временем в ситуациях прошедшего (основного) времени на *-ған* локализуют действие (а), то в ситуациях настоящего (основного) времени на *-(п)ча* они становятся показателями узуальной временной НЛ (б), ср.: а) *Ол ибзер килген* ‘Он пришел домой’; *Ол ибзер 6 часта килген* ‘Он домой в 6 часов пришел’; *Ол ибзер килче* ‘Он домой идет’; б) *Ол ибзер 6 часта килче* ‘Он домой приходит в 6 часов’. Следует подчеркнуть, что в хакасском языке конкретизатор, обозначающий определенное время, служит преобразователем из ситуации временной Л в узуальную ситуацию НЛ исключительно для формы на *-(п)ча,* поскольку с другими формами презенса подобная вставка либо вообще невозможна (например, нельзя сказать **Ол ибзер 6 часта килир* или **Ол ибзер 6 часта киліп одыр*), либо выполняет иную функцию – уточнение узуальной ситуации (ср.: *Ол ибзер киледір* ‘Он домой приходит (обычно, всегда, постоянно)’ и *Ол ибзер 6 часта киледір* ‘Он домой в 6 часов приходит (обычно, всегда, постоянно)’).

Кроме того, по-разному могут проявлять себя показатели предельности (совершенности) в зависимости от их употребления в настоящем или прошедшем времени. Ср.: *Ол ирте парыбы**с**ча* ‘Он рано уходит’ (узуальное действие) и *Ол ирте парыбы**с**хан* ‘Он рано ушел’ (единичное действие). Выражение повторяемости формами совершенности в настоящем времени уже отмечалось исследователями хакасского языка В.Г. Карповым [Карпов, 1975: 186], Т.Н. Боргояковой [Боргоякова, 2002: 136]. Однако показатели предельности при участии формы на *-(п)ча* могут выражать узуальность не во всех контекстах. Так, в контекстах с прямой или опосредованной перцептивностью они лишены узуальной семантики и в зависимости от сочетаемостного глагола, кроме предельности, обозначают единичное или итеративное действие, ограниченное во времени конкретным эпизодом. Причем предельность итеративного действия заключается в завершенности повторяемого действия (ср.: *теерте атча* ‘стреляет в цель’ и *тееpте атыбысча* ‘стреляет [и попадает] в цель (каждый раз)’ или *чӱгӱрче* ‘бежит/бегает’ и *чӱгӱрібісче* ‘убегает (каждый раз до какого-то предела)’). Приведем примеры неузуального употребления синтезированной формы предельности *-ыбыс/-ібіс*, восходящей к аналитической конструкции со вспомогательным глаголом *ыс-* ‘посылать, отправлять’ (*-ып ыс-*), в контекстах настоящего комментирующего (а), настоящего исторического (нарративного) (б): а) *Парааң, хызым, парааң (Оприс инейге турарға полыс*

[1]Томочакова О. Көглепчеткен профессор студенттерні аптаан // Хабар. 2015. 8 сентября (№ 102 (20914)). С. 5.
[2]Топоев И. Кӧйтік Миргенек = Хитрый Миргешка. Абакан: Хакас. отд-ние Краснояр. кн. изд-ва, 1991. С. 27.
[3]Шулбаева В. Указ. соч. С. 247.
[4]Топоев И. Указ. соч. С. 8.
[5]Кильчичаков М.Е. Указ. соч. С. 22.
[6]Шулбаева В. Указ. соч. С. 236.
[7]Казачинова Г., Халларов А. Той = Свадьба. Абакан: Хакас. отд-ние Краснояр. кн. изд-ва, 1979. С. 34.

пирче, олар парыбысчалар.)[1] ‘Пойдем, дочь, пойдем. (*Оприс помогает старушке встать, они уходят*)’; *Ол чи хайдағ андағ нимеңер полҷаң, пентесит? Сірер аны кисклебессер, я? (Валя врачха харғын нымғызыбысча.)*[2] ‘А как же оно у вас называется, аппендицит? Вы же не будете его вырезать, да? (Валя подмигнула врачу)’; б) *Анаң оолахтар ол тинтені ат сыхханнар. Пірееде теерте атыбысчалар, тинте хоғдыри халча*[3] ‘Затем юноши начали стрелять в эту жестяную банку. Иногда попадают в цель и банка падает с грохотом’; *Кідіреде хатхырып ала, хыйа чўгўрібісче, пасха хазың кистінзер чазын**ыбыс**ча*[4] ‘Раскатисто смеясь, в сторону убежит и притаится за другой березой’.

В хакасском языке функционируют также аналитические показатели совершенности – глагольные аналитические формы с формантами *сал-* ‘класть’, *пар-* ‘идти (туда)’, *кил-* ‘идти (сюда)’, *хал-* ‘оставаться’, *тўс-* ‘спускаться’ и др., которые могут иметь разные семантические оттенки и сочетаться с определенными глаголами. Мы остановимся на узуальном употреблении этих вспомогательных глаголов в форме на *-(п)ча*. Частотность их употребления, в частности формы на *-ыбыс*, в узуальных контекстах относительно высока и чаще всего они сочетаются с предельными глаголами: *Искенҷе ле ӧтіре сиріп алча*[5] ‘С полуслова понимает’; *Хызы тоғыстаң киліп, анынаң пір-ікі ле сӧс чоохтазыбысча, анаң пір комнатазынзар чіде халча*[6] ‘Её дочь, придя с работы, немного перекинется с ней парой слов, потом исчезнет в сторону другой комнаты’. Узуально-итеративные маркеры (а) в подобных ситуациях усиливают семантику узуальности, а наличие в них обобщенных субъектов (б) указывает на генерализованную узуальность, характеризующуюся более высокой степенью обобщения: а) *Че Таис, андағ даа ползa, часхарар сӧс таап ла алча*[7] ‘Но Таис, несмотря на это, всегда находит слова для утешения’; *Ол Петкее маң пирбинче, че харбазыбыссалар, хаҷан даа ниңдір салча*[8] ‘Он ни чуть не уступает Петьке, но когда начнут бороться, то постоянно проигрывает’; б) *Часхыда хай пірее кізілер ағас салааларын, ағылып, суғлығ ідіске сух салчалар*[9] ‘Весной некоторые люди приносят ветки деревьев и ставят в вазу с водой’. *Ноо даа кізі пу чир ўстўнде хайдағ-да іс артыс салча*[10] ‘Любой человек на этой земле оставляет какой-то след’.

Таким образом, можно прийти к выводу, что хакасские синтетические и аналитические формы предельности, сочетаясь с формой на *-(п)ча*, выступают в качестве показателей узуальности в квалитативных конструкциях, описывающих качество, привычки конкретного субъекта или группы людей.

Вышерассмотренные глагольные аналитические формы *-ып тур, -ып одыр, -ып чӧр,* кроме простой повторяемости, принимают участие в образовании узуальных ситуаций.

Если в высказываниях простой повторяемости среди этих форм основную функцию итеративности берет на себя форма *-п тур,* то здесь ведущую роль узуальности выполняет форма *-п чӧр*: *Ирепий позы даа иргі-иргі киптер кис чӧрче*[11] ‘Ирепий и сам старье носит’; *Чай тооза тастар ізептен чӧрче. Аннаң хыйға ниме таап полбинча!*[12] ‘Все лето камни собирает. Больше ни на что ума не хватает!’ Так, форма *-п тур* для обозначения узуальности часто нуждается в узуально-итеративных конкретизаторах и (или) ограничительной частице *ла/ле* ‘лишь, только’, передающей в подобных конструкциях семантику частотности, постоянства: *Чылтыстар... Че оларға пасхазы чоғыл, хаҷан даа харах*

[1]Шулбаева В. Указ. соч. С. 49.
[2]Кильчичаков М.Е. Указ. соч. С. 160.
[3]Топоев И. Указ. соч. С. 23.
[4]Султреков А.Е. Указ. соч. С. 11.
[5]Казачинова Г., Халларов А. Указ. соч. С. 53.
[6]Топоев И.П. Туғаннар = Родные люди. Абакан: Хак. издат., 1992. С. 18.
[7]Казачинова Г., Халларов А. Указ. соч. С. 32.
[8]Казачинова М. Пістің аалның олғаннары = Ребята нашего аала. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1991. С. 61.
[9]Топоев И. Указ. соч. С. 36.
[10]Идимешев М. Чайаачы кізілер көріндіре іс артысчалар // Хабар. 2017. 1 февраля (№ 11 (21126)). С. 6.
[11]Топоев И. Указ. соч. С. 78.
[12]Казачинова М. Указ. соч. С. 63.

сығыныс ла турчалар[1] ‘Звезды… Но им без разницы, всегда глазами моргают’; *Тиктең нимес аны махтап ла турчалар*[2] ‘Не зря его постоянно нахваливают’. Узуальные конструкции с формой *-п одыр,* как правило, описывают абстрактные состояния в процессе своего естественного течения, развития: *Кибірлернің чурты узун. Көп ниме алыс парча, олар халып одырча*[3] ‘Жизнь обычаев длинна. Многое меняется, а они остаются’; *Хайди таныхтапчалар, хыныс чылларнаң пиктең пик ле полып одырча*[4] ‘Как отмечают, любовь годами все крепчает’.

Нередко для обозначения узуальных, в том числе вневременных, ситуаций используются модальные средства выражения потенциальности (подробнее о потенциальной модальности в хакасском языке см. [Котожекова, 1998; Кызласова, 2021 и др.]). Что касается потенциально-узуальных ситуаций, то аналитические показатели потенциальности (*-ып пол-, -ып ал-, -ып піл-*) в форме на *-(п)ча* выражают узуальность при наличии абстрактных понятий или характеристике обобщенных субъектов, а с конкретными субъектами акцентируется их потенциальная качественность: *Ахча! Ахча прай ниме ит полча!*[5] ‘Деньги! Деньги все могут’; *Мал хадарчылары чайғыда, күскүде малны хысхыдағох чіли істеп пілчелер*[6] ‘Пастухи летом, осенью скот могут найти по следам’; *Ол хайдаг даа улуг сидіктең сығар оңдайын таап ла алча…*[7] ‘Он из любой трудной ситуации может найти выход’.

3. Вневременность считается «наивысшей степенью генерализации ситуаций в высказываниях типа сентенций, пословицах, суждениях о постоянных закономерностях» [Бондарко, 2017: 217].

В хакасском языке в гномических ситуациях, согласно проведенному анализу А.Н. Чугунековой, Н.Н. Таскараковой, функционирование форм настоящего времени в процентном соотношении уступают формам прошедшего и будущего времен [Чугунекова, Таскаракова, 2020].

Что касается формы на *-(п)ча,* то во вневременном значении она часто употребляется: *Чалғыс ағасты чил дее пазынҷахтапча, чалғыс кізіні пайлар пазынча*[8] ‘Одинокое дерево и ветер сгибает, одинокого человека баи гнетут’; *Чахсы кирек позы позын махтатча* ‘Доброе дело само себя прославляет’[9].

В некоторых гномических выражениях глагольные формы времени могут заменяться: *Маңзыраан сеек сүтке түсчең*[10] ‘Торопливая муха в молоко падает’; *Маңзыраан сеек сүтке түсче*[11] ‘Торопливая муха в молоко падает’; *Позың пілчезің, маңзыраан сеек сүтке түзедір…*[12].

Такая замена не влияет на логическое содержание пословицы, но эти высказывания отличаются модальными оттенками категоричности / некатегоричности. Наиболее ярко их отличия проявляются в отрицательном аспекте: *Кізі хазаазындағы малны санабинчалар*[13] ‘Чужой скот не принято считать’ и *Кізі хазаазындағы малны санабаҷаң* ‘Чужой скот нельзя считать’.

Так, пословицы с формой на *-ҷаң* имеют категоричный характер высказывания и характеризуются догматичностью, чрезмерной уверенностью в закономерности высказывания, осно-

[1]Доможаков Н.Г. Указ. соч. С. 91.

[2]Топоев И.П. Указ. соч. С. 30.

[3]Казачинова Г., Халларов А. Указ. соч. С. 35.

[4]Тюкпеева Н. Чылларны тобырып, хыныс пик ле полып одырча // Хабар. 2017. 29 сентября (№ 111 (21226)). С. 13.

[5]Топоев И. Таға сыхсаң, тайағың полам = Опора моя. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2007. С. 143.

[6]Доможаков Н.Г. Указ. соч. С. 90.

[7]Хызыл чазы = Красная степь / Кобяков В.А., Топанов А.М., Коков М.С., Кузугашев А.И. Абакан: Хакас. отд-ние Краснояр. кн. изд-ва, 1982. С. 40.

[8]Кильчичаков М.Е. Указ. соч. С. 29.

[9]Хыйға сöс = Мудрое слово [Сост., ред.: У.Н. Кирбижекова, Ю.И. Чаптыкова, Н.С. Чистобаева]. Абакан: Хакас. кн. изд-во им. В. М. Торосова, 2021. С. 17.

[10]Хыйға сöс = Мудрое слово [Сост. У.Н. Кирбижекова, пер. с хакас. Я. Козловского]. Абакан: Хакас. отд-ние Краснояр. кн. изд-ва, 1976. С. 77.

[11] Субракова Н. Сöбіреде пос тілі чуртаза, аны хайраллирға ниик // Хабар. 2015. 4 сентября (№ 101 (20913)). С. 3.

[12]Султреков А. «Асхыс аал чоғыл», – таласханнар Сергей Карамчаковтың нанҷылары // Хабар. 2015. 23 октября (№ 122 (20934)). С. 15.

[13]Шулбаева В. Указ. соч. С. 51.

вывающейся на жизненном опыте предков (так было, так и есть, так будет): *Пизік палазы пис хубулчаң* ‘Грудной ребенок пять раз меняется’[1]; *Сӧӧктерзер хол сунмачаң* ‘На кладбище рукой не показывают (нельзя показывать)’[2]; *Кибірні киспечең, килегейге кӱлбечең* ‘Обычаи не нарушают (нельзя нарушать), над калекой не смеются (нельзя смеяться)’[3].

Соответственно форма на *-(п)ча* часто встречается в некатегоричных изречениях, в которых чаще всего подразумевается обыденность (такова реальность, обычно так бывает). Подобные половицы, в отличие от вышеприведенных высказываний, не дают готовых указаний, свод правил (запретов), а заставляют нас глубоко задуматься и учат быть предусмотрительным, делать правильный выбор на основе узуально-квалитативных, узуально-потенциальных и других узуальных явлений с вневременной семантикой: *Уйғучы тӱзінде дее узупча*[4] ‘Любящий поспать и во сне спит’; *Я, аххан суғлар ах парыбысча, атхан ух нандыра айланминча*[5]; *Суғ пазынаң пуртахталча* ‘Река мутится с истоков’[6].

IV. Обсуждение. У временной НЛ обычно выделяют три основных типа: «простая повторяемость», узуальность (обычность), вневременность, при этом понятие итеративности синонимично любой повторяемости. Широкое понимание итеративности может включать как «простую повторяемость», так и узуальную повторяемость, а узкая трактовка отграничивает итеративность от узуальности. Авторы, придерживающиеся более широкого понимания итеративности, соотносят ее с понятием любой повторяемости – мультипликативной, собственно итеративной, узуальной и др. Широкой трактовки мы придерживались при анализе глагольных средств выражения итеративности в хакасском языке [Кызласова, Кичеева, 2019]. В данной работе в аспекте временной НЛ мультипликатив и собственно итератив рассматриваются как подтипы «простой повторяемости», а узуальность выделяется отдельно.

Результаты носят предварительный характер и не претендуют на исчерпанность проблемы. Вероятно, дальнейшая разработка предлагаемого подхода позволит выявить и другие средства выражения временной нелокализованности в высказываниях с формой на *-(п)ча*, лексические средства выражения итеративности (в широком понимании данного термина) требуют более детального рассмотрения.

V. Заключение. Проведенный анализ ситуаций с формой на *-(п)ча* в хакасском языке дает основание заключить, что оппозиция в них временной Л/НЛ зависит от актуальности / неактуальности высказывания, семантики глагола, конкретности / обобщенности субъекта действия и т. п. Настоящие результаты подтверждают, что данная форма в хакасском языке является универсальной, т. е. способной функционировать не только в разных видах настоящего времени, но и во всех основных типах временной НЛ: простой повторяемости, узуальности, вневременности.

В этом аспекте исследование показало, что каждый из этих типов временной НЛ характеризуются своими лексическими, лексико-грамматическими, синтаксическими средствами и контекста в целом.

Так, к средствам выражения простой повторяемости относятся глаголы с внутренней семантикой итератива (при сочетании с аналитическими формами *-(ы)п одыр-, -(ы)п чӧр-* уточняют характер итеративного действия в окне наблюдения), форма многократности *-ғла,* аналитическая форма *-(ы)п тур-,* аффикс реципрока *-ыс* (с мультипликативными глаголами в полисубъектных высказываниях), итеративные обстоятельства, синтаксические конструкции и др.

Узуальность выражается глаголами занятия, поведения, времяпрепровождения, лексическими конкретизаторами с узуально-итеративной семантикой, синтаксическими конструкциями, аналитическими формами потенциальной модальности (*-ып пол-, -ып ал-, -ып піл-*), а также формой *-ып чӧр-* и т. п. Кроме того, в определен-

[1]Хыйға сӧс. 2021. С. 23.
[2]Там же. С. 28.
[3]Там же. С. 69.
[4]Хыйға сӧс. 1976. С. 86.
[5]Шулбаева В. Указ. соч. С. 264.
[6]Хыйға сӧс. 2021. С. 29.

ных условиях узуальную семантику действию или ситуации в целом могут придавать темпоральные маркеры с фиксированным временем, формы предельности (*-ыбыс, -ып сал-, -ып пар-, -ып кил-*и др.).

Вневременные ситуации с формой *-(п)ча*, как и во многих языках, находят свое выражение в пословицах, поговорках, афористических высказываниях и т. п. Выявлены модальные отличия между пословицами при участии форм на *-(п)ча* и *-ҷаң*. Дальнейшее изучение специфики функционирования других финитных форм может расширить объяснение выбора той или иной формы с точки зрения коммуникативной лингвистики и т. п.

В целом анализ синтаксической конструкции с определенной формой может рассматриваться как перспективное направление, поскольку мы убедились, что в хакасском языке одни и те же средства языка по-разному влияют на семантику временной Л / НЛ.

Список литературы:

Бондарко А.В. Временная локализованность // Теория функциональной грамматики. Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис [Отв. ред. А.В. Бондарко]. М.: ЛЕНАНД, 2017. С. 210–233.

Боргоякова Т.Н. Биверальные конструкции с аспектуальной семантикой длительности в хакасском языке // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии. 2005. Вып. IX. С. 82–87.

Боргоякова Т.Н. О функционально-семантических особенностях форманта *-п одыр* в хакасском языке // Российская тюркология. 2013. № 2 (9). С. 10–24.

Боргоякова Т.Н. Способы выражения временных отношений между двумя событиями (на материале хакасского языка). М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2002. 172 с.

Боргоякова Т.Н. Темпоральные и аспектуальные компоненты в семантической структуре глагольных аналитических конструкций в хакасском языке // Вопросы тюркской филологии. Выпуск XI: мат-лы Дмитриевских чтений. М.: ООО «Издательство МБА», 2016. С. 30–42.

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 576 с.

Бурнакова К.Н., Боргоякова Т.Н. Глагольные аналитические образования и их роль в формировании видовременной системы в тюркских языках Южной Сибири // Вопросы тюркской филологии. Вып. XIII: мат-лы Дмитриевских чтений. М.: Изд-во МБА, 2020. С. 72–80.

Бурнакова К.Н. О некоторых проблемах обучения хакасскому языку как государственному языку Республики Хакасия и представлении временных форм в УМК // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2016. № 3 (15). С. 25–32.

Дмитриев Н.К., Исхаков Ф.Г. Вопросы изучения хакасского языка. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1954. 138 с.

Дыренкова Н.П. Грамматика хакасского языка: фонетика и морфология. Абакан: Хакоблнациздат, 1948. 124 с.

Карпов В.Г. Изъявительное наклонение // Грамматика хакасского языка [Под ред. Н.А. Баскакова]. М.: Наука, 1975. С. 200–230.

Котожекова З.П. Модальное значение возможности в хакасском языке // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 1998. С. 164–180.

Кошмидер Э. Очерк науки о видах польского глагола. Опыт синтеза // Вопросы глагольного вида [Сост., ред., вступ. статья и примеч. проф. Ю.С. Маслова]. М.: Изд-во иностр. лит., 1962 С. 105–167.

Кызласова И.Л. Категориальные ситуации модальности в хакасском языке // Модально-оценочные конструкции в монгольских и тюркских языках: коллективная монография. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2021. С. 103–114.

Кызласова И.Л., Кичеева К.В. Глагольные средства выражения итеративности в хакасском языке // Российская тюркология. 2019. № 1–2 (22–23). С. 29–38.

Кызласова И.Л. Конативные ситуации, выраженные модификатором *кӧр-* («смотреть»), в хакасском языке // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2014. № 9. С. 11–16.

Кызласова И.Л. Ситуации реципрока (взаимносовместного залога) в хакасском языке по данным электронного корпуса // Восьмая Международная конференция по компьютерной обработке тюркских языков «TurkLang-2020». Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2020а. С. 227–234.

Кызласова И.Л. Способы действия интенсивной аспектуальности в хакасском языке // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2020б. № 3 (33). С. 71–77.

Смирнов И.Н. Временная нелокализованность действия и ее выражение в древнерусских текстах // Проблемы функциональной грамматики. Предикативные категории в высказывании и целостном тексте [Отв. ред. А.В. Бондарко, В.В. Казаковская]. М.: Языки славянской культуры, 2018. С. 270–288.

Таскаракова Н.Н., Чугунекова А.Н. Употребление форм грамматического времени в пословицах и поговорках хакасского языка // Казанская наука. 2020. № 5. С. 146–148.

Словари:

Баскаков Н.А., Инкижекова-Грекул А.И. Изъявительное наклонение // Хакасско-русский словарь: около 14000 слов. С прил. очерка «Хакасский язык». М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1953. С. 450–459.

References:

Baskakov N.A., Inkizhekova-Grekul A.I. Iz"yavitel'noe naklonenie [Indicative mood]. *Khakasssko-russkiy slovar': okolo 14000 slovar'. S prilozheniem ocherka "Khakasskiy yazyk"* [Khakass-Russian Dictionary: about 14,000 words. With the essay "Khakass Language"]. Moscow: Foreign and National Dictionaries Publ., 1953. Pp. 450–459. (In Khakass, Russian)

Bondarko A.V. Vremennaja lokalizovannost' [Temporal Localization]. *Teorija funkcional'noj grammatiki. Vvedenie, aspektual'nost', vremennaja lokalizovannost', taksis* [Theory of the functional grammar. Introduction, aspectuality, temporary localization, and taxis] [Ed. A. V. Bondarko]. Moscow: LENAND, 2017. Pp. 210–233. (In Russian)

Borgojakova T.N. Biveral'nye konstrukcii s aspektual'noj semantikoj dlitel'nosti v hakasskom jazyke [Biverbal constructions with the aspectual semantics of duration in the Khakass Language]. *Ezhegodnik Instituta sajano-altajskoj tjurkologii* [Yearbook of the Institute of Sayan-Altai Turkology]. 2005. Issue IX. Pp. 82–87. (In Russian)

Borgojakova T.N. O funkcional'no-semanticheskih osobennostjah formanta -p odyr v hakasskom jazyke [On functional-semantic peculiarities of the formant *-p odyr* in the Khakass Language]. *Rossijskaja tjurkologija* [Russian Turkology]. 2013. № 2 (9). Pp. 10–24. (In Russian)

Borgojakova T.N. Sposoby vyrazhenija vremennyh otnoshenij mezhdu dvumja sobytijami (na materiale hakasskogo jazyka) [Ways of expressing temporary relations between two events (based on the Khakass Language)]. Moscow: Peoples' Frendship University of Russia Publ., 2002. 172 p. (In Russian)

Borgojakova T.N. Temporal'nye i aspektual'nye komponenty v semanticheskoj strukture glagol'nyh analiticheskih konstrukcij v hakasskom jazyke [Temporal and aspectual components in the semantic structure of verbal analytical constructions in the Khakass Language]. *Voprosy tjurkskoj filologii. Vypusk XI: mat-ly Dmitrievskih chtenij* [Issues of Turkic philology. Issue XI: Proceedings of Dmitriev Readings]. Moscow: Publ. MBA, 2016. Pp. 30–42. (In Russian)

Bulygina T.V., Shmelev A.D. Jazykovaja konceptualizacija mira (na materiale russkoj grammatiki) [Linguistic conceptualization of the world (based on the material of Russian grammar)]. Moscow: School "Languages of Russian culture", 1997. 576 p. (In Russian)

Burnakova K.N., Borgojakova T.N. Glagol'nye analiticheskie obrazovanija i ih rol' v formirovanii vidovremennoj sistemy v tjurkskih jazykah Juzhnoj Sibiri [Verbal analytical formations and their role in the formation of the aspect-tense system in the Turkic Languages of South Siberia]. *Voprosy tjurkskoj filologii. Vypusk XIII: mat-ly Dmitrievskih chtenij* [Issues of Turkic philology. Issue XIII: Proceedings of Dmitriev Readings]. Moscow: Publ. MBA, 2020. Pp. 72–80. (In Russian)

Burnakova K.N. O nekotoryh problemah obuchenija hakasskomu jazyku kak gosudarstvennomu jazyku Respubliki Hakasija i predstavlenii vremennyh form v UMK [On some problems of teaching the Khakass Language as the state language of the Republic of Khakassia and the representation of tenses in the educational and methodological complex]. *Nauchnoe obozrenie Sajano-Altaja* [Sayan-Altai Scientific Review]. 2016. № 3 (15). Pp. 25–32. (In Russian)

Dmitriev N.K., Ishakov F.G. Voprosy izuchenija hakasskogo jazyka [Issues of studying the Khakass Language]. Abakan: Khakass Publ., 1954. 138 p. (In Russian)

Dyrenkova N.P. Grammatika hakasskogo jazyka: fonetika i morfologija [Khakass grammar: phonetics and morphology]. Abakan: Khakoblnatsizdat, 1948. 124 p. (In Russian)

Karpov V.G. Iz"javitel'noe naklonenie [Indicative mood]. *Grammatika hakasskogo jazyka. Redaktor N.A. Baskakov* [Grammar of the Khakass Language. Edit by N.A. Baskakov]. Moscow: Science Publ., 1975. Pp. 200–230. (In Russian)

Kotozhekova Z.P. Modal'noe znachenie vozmozhnosti v hakasskom jazyke [The modal meaning of possibility in the Khakass Language]. *Jazyki korennyh narodov Sibiri* [Languages of the indigenous peoples in Siberia]. Novosibirsk: The Institute of Philology the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 1998. Pp. 164–180. (In Russian)

Koshmider Je. Ocherk nauki o vidah pol'skogo glagola. Opyt sinteza [An outline of the science of the types of the Polish verb]. *Voprosy glagol'nogo vida. Sostavitel i redactor Iu.S. Maslova* [Experience of synthesis. Questions of the verb form. Compiled and edit by Iu.S. Maslova]. Moscow: Foreign Literature Publ., 1962. Pp. 105–167. (In Russian)

Kyzlasova I.L. Kategorial'nye situacii modal'nosti v hakasskom jazyke [Categorical situations of modality in

Khakass Language]. *Modal'no-ocenochnye konstrukcii v mongol'skih i tjurkskih jazykah: kollektivnaja monografija* [Modal-evaluative constructions in the Mongolian and Turkic Languages: the collective monograph]. Elista: Kalmyk State University Publ., 2021. Pp. 103–114. (In Russian)

Kyzlasova I.L., Kicheeva K.V. Glagol'nye sredstva vyrazhenija iterativnosti v hakasskom jazyke [Verbal means of expressing iterativeness in the Khakass Language]. *Rossijskaja tjurkologija* [Russian Turkology]. 2019. № 1-2 (22-23). Pp. 29–38. (In Russian)

Kyzlasova I.L. Konativnye situacii, vyrazhennye modifikatorom kör- ("smotret'"), v hakasskom jazyke [Conative situations expressed by the modifier kor- "watch" in the Khakass Language]. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova* [Bulletin of N. F. Katanov Khakass State University]. 2014. № 9. Pp. 11–16. (In Russian)

Kyzlasova I.L. Situacii reciproka (vzaimno-sovmestnogo zaloga) v hakasskom jazyke po dannym jelektronnogo korpusa [Situations of reciprocity (mutual-joint voice) in the Khakass Language according to the electronic corpus]. *Vos'maja Mezhdunarodnaja konferencija po komp'juternoj obrabotke tjurkskih jazykov "TurkLang-2020"* [The 8th International Conference on Computer Processing of the Turkic Languages "TurkLang-2020"]. Ufa: The Institute for History, Language, and Literature of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences Publ., 2020a. Pp. 227–234. (In Russian)

Kyzlasova I.L. Sposoby dejstvija intensivnoj aspektual'nosti v hakasskom jazyke [Ways of action of intensive aspects in the Khakass Language]. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova* [Bulletin of N. F. Katanov Khakass State University]. 2020b. № 3 (33). Pp. 71–77. (In Russian)

Smirnov I.N. Vremennaja nelokalizovannost' dejstvija i ee vyrazhenie v drevnerusskih tekstah [Time non-localization of action and its expression in Old Russian texts]. *Problemy funkcional'noj grammatiki. Predikativnye kategorii v vyskazyvanii i celostnom tekste. Edit by A.V. Bondarko, V.V. Kazakovskaya* [Problems of functional grammar. Predicative categories in an utterance and integral text. Edit by A.V. Bondarko, V.V. Kazakovskaya]. Moscow: Languages Slavic culture Publ., 2018. Pp. 270–288. (In Russian)

Taskarakova N.N., Chugunekova A.N. Upotreblenie form grammaticheskogo vremeni v poslovicah i pogovorkah hakasskogo jazyka [The use of forms of grammatical tense in proverbs and sayings of the Khakass Language]. Kazan Science. 2020. № 5. Pp. 146–148. (In Russian)

K.V. Kicheeva

Time Non-Localization of Present Tense Situations with Form *-(p)cha* in the Khakass Language

The scientific novelty is determined by the fact that for the first time in Khakass linguistics non-localized in time situations with form *-(p)cha* are analyzed in the functional-semantic aspect. *The aim* of the article is to describe the types of time non–localization and to identify the means of their expression in present-time situations with form *-(p)cha* in the Khakass Language. To achieve this purpose, the following *tasks* are set: 1) to study the theoretical concept of time non-localization; 2) to identify the means of expressing time non-localization in statements with form *-(p)cha*; 3) to determine the conditions for the implementation of the same language units in different types of time non-localization. *Research methods.* The main method is the functional-semantic analysis, as well as the linguistic experiment, methods of literal and semantic translation.

Results. The analysis of situations of time non-localization with form *-(p)cha* shows that in view of the neutrality to the opposition of time localization/non-localization, the expression of one or another meaning depends on the context. Linguistic means of different levels (from morphological to syntactic) are distinguished and described in which the expression of time non-localization is most vividly represented. Thus, the main means of expressing simple repeatability, usuality, timelessness are identified and described. Special attention is paid to specific indicators of time non-localization, characteristic only for situations involving *-(p)cha* form.

Keywords: Khakass Language, Present tense, indicative, category of time localization, time non-localization, simple repeatability, usuality, timelessness

Л.Г. Курилова

DOI: 10.25693/SVGV.2022.40.3.009
УДК 811.554’373

Образование имени действия в языке тундренных юкагиров

Научная новизна. В статье рассматриваются особенности образования в юкагирском языке имени действия, характеризующегося словами, которые выражают процессуальные, качественные и количественные значения и обладают именными и глагольными признаками. Определяются способы образования имени действия в результате субстантивации и конверсии, проводится систематизация результатов исследований ученых-предшественников по данной проблеме, уточняется фонетическая ассимиляция, специфика некоторых конверсионных имен действий.

Цель исследования, которая состояла в определении особенностей образования имени действия в языке тундренных юкагиров, достигалась следующими *задачами*: рассмотрением способов образования и определением словообразовательных типов лексем.

Методы исследования: описательный, сравнительно-сопоставительный, структурно-морфологический и семантический способы анализа.

Результаты. Рассмотрение образования имени действия показало обусловленность формирования лексико-грамматического класса имени действия воздействием системы актуального членения высказывания. Изучение работ Е.А. Крейновича, Г.Н. Курилова, А.Е. Прокопьевой позволило подтвердить, что имена действия относятся к субстантивированным и конверсионным образованиям. Настоящим исследованием внесено дифференцирование по тому, какие лексемы имени действия произведены посредством словообразовательного аффикса *-л*, являясь субстантивированными лексемами, и какие лексемы произведены обособлением основ в функции именных слов служебным глаголом *-(н)ол* ‘быть’, представляя собой конверсионные имена действия. Также подтверждено, что в результате процессов субстантивации и конверсии лексем из глагольной, отглаголенной квалитативной и квантитативной категорий слов в категорию имени существительного, имя действия в юкагирском языке обладает признаками глагольных, квалитативных, квантитативных и именных слов.

Ключевые слова: имя действия, предикация, юкагирский язык, язык тундренных юкагиров, актуальное членение предложение, словообразование, субстантивация, конверсия

I. Введение. Имя действия в юкагирском языке характеризуется словами, выражающими опредмеченные признаки – процессуальные, качественные и количественные. Исследователь юкагирского языка Г.Н. Курилов определил, что юкагирское имя действия является языковым продуктом системы актуального членения предложения [Курилов, 2006]. Данное языковое явление в юкагирском языке было открыто Е.А. Крейновичем [Крейнович, 1958; 1982], так же, как и установление термина «имя действия». Актуальное членение предложения он определил системой морфологических средств обозначения логического ударения в предложении.

В работе «Исследования и материалы по юкагирскому языку» вместо названия «имя действия» исследователь употребил термин «имя признака». Актуальное членение предложения было обозначено как выделение важных частей высказывания, реализуемое грамматическими показателями, имеющими свойства предиката. «Когда предикат мышления совпадает с грамматическим сказуемым, то смысловое и грамматическое членение предложения совпадают друг с другом. Когда же предикатом мышления выступает не сказуемое, но другой член предложения, то в мыслительном аппарате в этом случае совершается будто некий поворот и показатель грамматического сказуемого переносится на другой член предложения, ставший предикатом мысли. Главный смысл высказываний в сущности и состоит в непрерывных процессах преди-

© *Курилова Л.Г., 2022*

кации, в сообщении чего-то о чем-то» [Крейнович, 1982: 181].

Исследованием имени действия как языкового результата функционирования актуального членения предложения, образованного способами субстантивации и конверсии, занимался Г.Н. Курилов. Вклад исследователя выразился в морфологическом и словообразовательном анализе лексических единиц, перешедших в виде субстантивации и конверсии в имя действия, определении исходных лексико-грамматических классов слов – глаголов, квалитативов [Курилов, 2003] и квантитативов (числительное) [Курилов, 2006]. Г.Н. Курилов выявил некоторые именные и глагольные признаки имени действия, которые, в свою очередь, рассматривала в своих работах А.Е. Прокопьева [Прокопьева, 2015; 2016а; 2016б; 2016в].

Необходимость изучения образования имен действия, перешедших из лексико-грамматических классов глагола, прилагательного (квалитатива) и числительного **(**квантитатива) актуальна для дальнейших исследований проблемы системы актуального членения предложения, лексической семантики и способов словообразования в лингвистике, что обусловило цель исследования в определении особенностей образования имени действия в языке тундренных юкагиров с решением задач по выявлению способов и типов образования имени действия.

Теоретическая значимость заключается в дополнении существующей теории актуального членения предложения новыми обобщенными данными по дифференциации способов образования имени действия в процессе субстантивации и конверсии посредством словообразовательного аффикса и аналитической конструкции, значением этих выводов для исследования имени действия в системе семантики, словообразования и синтаксиса юкагирского языка, и перспективой применения полученных результатов в составлении разделов грамматики юкагирского языка.

Практическая значимость определяется возможностью применения результатов исследования при разработке лекционных курсов по лексике и грамматике юкагирского языка и введения в школьную практику обучения.

II. Материалы и методы.

Материал исследования извлечен из научных работ лингвистов-юкагироведов, а также из фольклорных источников и лексикографического словаря. В методологию анализа входили описательный метод по сбору первичных данных и характеристик, сравнительно-сопоставительный метод по изучению лексем, различающихся по типам образования, структурно-морфологический анализ моделей лексем с выявлением основы и словообразовательного показателя, и сложных слов, образованных от аналитической конструкции. Семантический метод включал определение основы и уточнение ее значения.

III. Результаты.

Способы образования имени действия

Изучение лексических единиц имени действия указало на значительную часть лексем, образованных глагольными словами с показателем *-л* в функции именного слова. Как было отмечено, рассматриваемый класс слов сформировался вследствие непрерывного процесса предикации и функционирования системы актуальной организации высказывания.

Имя действия представляет производную номинацию с пересекающимися глагольными и именными признаками в семантическом и синтаксическом плане [Кубрякова, 1978]. Ввиду этого анализ имени действия проводили, в первую очередь рассматривая семантические и синтаксические особенности.

В качестве глагольного слова на *-л* данные лексемы в предложении понимаются глаголом-сказуемым, когда ядром высказывания (ремой предложения) выступает подлежащее-имя, субъект или объект речевого сегмента:

Илэлэӈ кэлул. Саалэӈ тороньэл.

Илэ=лэӈ кэлу=л. Саа=лэӈ тороньэ=л.

Олень=FOC приходить=INTR:3Sg. дерево= FOC чернеть=INTR:3Sg.

‘Олень пришел’. ‘Дерево чернеет’ [Курилов, 2006: 100].

В указанном виде предложения логически выделено подлежащее, поэтому существительные *илэ* ‘олень’ и *саал* ‘дерево’ оформлены аффиксом логического выделения *-лэӈ*, т.к. они являются ядром высказывания, а глагол-сказуемое оформлен показателем *-л*. Укажем, что глагольное слово на *-л – кэлул* как отдельная лексическая единица, не функционирующая в качестве сказуемого, понимается как имя действия со значением ‘приход’, ‘прибытие’.

Этому предложению противопоставлен другой вид предложения с логическим выделением, т.е. центром высказывания, сосредоточенным на глаголе-сказуемом. В этом варианте глагол-сказуемое функционирует с частицей логического выделения *мэ(р)*, а личное окончание глагола оформляется по парадигме спряжения соответствующим суффиксом:

Илэ мэ кэлуй. Саал мэ тороньэй.

Илэ мэ кэлу=й. Саал мэ тороньэ=й.

Олень FOC приходить=INTR:3Sg. Дерево FOC чернеть=INTR:3Sg.

‘Олень пришел’. ‘Дерево черное (есть)’.

С лексемой *кэлул*, выступающей глаголом-сказуемым, выявляются синтаксические конструкции, в которых имя существительное-подлежащее оформлено притяжательным аффиксом *-ги*, показатель *-лэнг* в таких случаях не фиксируется:

Таат саӈанэдэӈанэ, адуоги кэлул илэӈат.

Таат саӈанэ=дэӈанэ, адуо=ги кэлу=л илэ=ӈат.

Так сидеть=POSS=LOC, сын=POSS приходить=VN олень (стадо)=ABL.

‘Пока [Эдилвей] так сидел, из стада пришел сын старухи [Курилов, 2005: 131].

В указанном предложении глагол *саӈанэ=* ‘сидеть’ и компонент *-дэӈанэ (-дэӈа),* в котором *-дэ-/-да-* является притяжательным суффиксом, присоединяемым к показателю местного падежа *-ӈа (~-ӈанэ)* со значением времени ‘когда’, ‘пока’ [Курилов, 2006: 216]. Укажем, что в исследованиях Е.А. Крейновича [Крейнович, 1958] и А.Е. Прокопьевой [Прокопьева, 2016б] *-дэӈанэ* представлен суффиксом имени действия в местном падеже, выражающим то, что в процессе того или иного действия, совершаемого одним субъектом, начинается действие, совершаемое другим субъектом, т. е. формы местного падежа имени действия в построении разносубъектной конструкции. Относительно языка тундренных юкагиров можно сказать, что *-дэӈа* / *-дэӈанэ* чаще встречается с глагольными словами, чем с лексемами в форме имени действия.

Отметим, что глагольное слово на *-л* как имя действия стало функционировать в словосочетании в роли определительного члена, т. е. причастия. Надо подчеркнуть, что другие глаголы в функции причастия могут оформляться показателями *-йэ, -чэ, -дьэ*. Глагольное слово на *-л* в роли определения функционирует только в *л*-ловой форме [Курилов, 2006: 99–100].

Словосочетания с именем действия являются устойчивыми словосочетаниями, которые указывают на конкретность определения. Так, словосочетание *кэлул илэ* ‘пришедший олень’ понимается как ‘именно тот, пришедший олень’, а *кэлуйэ илэ* ‘пришедший олень’ определяет любого, не конкретного оленя.

Кэлул илэ. Кэлуйэ илэ.

Кэлу=л илэ. Кэлу=йэ илэ.

Приходить=Pr олень. Приходить=Pr олень.

‘Тот пришедший олень’. ‘Пришедший олень’.

Тороньэл саал. Тороньэй саал.

Тороньэ=л саал. Тороньэ=й саал.

Чернеть=Pr дерево. Чернеть=Pr дерево.

‘То черное дерево’. ‘Черное дерево’.

В дальнейшем глагольные слова на *-л*, функционирующие в словосочетаниях как причастия на *-л*, также как и причастия на *-йэ, -чэ, -дьэ*, вследствие постепенной субстантивации стали осуществлять функции именных слов. Соответственно субстантивированные причастия на *-йэ, -чэ, -дьэ* совершили переход в класс имени существительного с конкретным предметным значением. У причастий на *-л* такого полного перехода не произошло, т. к. они частично сохранили семантику и морфологические признаки глагола. Так, в словосочетании *илwшичэ көдэ* ‘пасущий человек’ причастие *илwшичэ* в результате субстантивации как отдельная лексема стала пониматься в значении существительного ‘пастух’. В сочетании *илwшил көдэ* ‘тот пасущий человек’ причастие *илwшил* при отдельном рассмотрении от приведенного устойчивого сочетания понимается как имя действия ‘пастушество’ [Курилов, 2006: 100].

Таким образом, рассмотрение процесса субстантивации глагольных слов в именные слова показало, что глагольные слова, принявшие показатель *-л,* перешли в причастие и имя действия, тогда как глаголы с другими показателями *(-йэ, -чэ, -дьэ*) перешли в разряды причастия и имя существительное в результате субстантивации.

Вследствие субстантивации глагольных слов на *-л* в именную категорию слов у имени действия сформировались склонение и притяжательная форма. Тем не менее процесс субстантивации не совершил полного перехода, так как

имена действия сохранили семантику и виды глагола.

Данные субстантивированные лексемы имени действия дополняются значительной группой слов, произведенных способом конверсии. Отметим, что этот способ образования, как и субстантивация были описаны в работах Г.Н. Курилова. На основе этих данных стало возможным типологизировать субстантивированные и конверсионные типы образования имени действия [Курилов, 2003: 173–181; Курилов, 2006: 99–108].

Субстантивированные типы образования имени действия. Эти особенности образования описаны Г.Н. Куриловым [Курилов, 2006: 101–102], [Курилов, 2003: 173–175].

Первый тип составляют лексемы, появившиеся ввиду перехода в разряд именных слов глагольных первичных основ и основ с видовыми и залоговыми показателями по модели ‘основа слова + -л’: *оориньэл* ‘плач’ (от *оориньэ-й* ‘плачет’), *оондьэл* ‘извещение’ (от *оондьэ-й* ‘послал извещение через кого-л.’), *тибэгэл* ‘топот’ (от *тибэгэ-й* ‘издает топот’), *сэругэл* ‘шум’ (от *сэругэ-й* ‘издает шум’) и др. Производные основы данных и подобных лексем характеризуются присутствием в составе глагольных словообразовательных аффиксов *-ньэ, -гэ, -льэ* и др. [Курилов, 2003: 173–174].

Второй тип – лексемы, образованные отглаголенными квалитативными основами на *-ньэ, -нь, -нэ* по модели ‘основа слова + -л’: *хомоньэл* ‘голубизна’, ‘зеленость’ (от *хомоньэ-* ‘быть голубым’), *ньамучэньил* ‘краснота’, ‘окрашенность в красный цвет’ (от *ньамучэнь-* ‘быть красным’), *читнэл* ‘длиннота’ (от *читнэ-* ‘быть длинным’), *чоӈунэл* ‘тонкость’ (от *чоӈунэ-* ‘быть тонким’), *йатнэл* ‘прямизна’ (от *йатнэ-* ‘быть прямым’), *моннэл* ‘короткость’ (от *моннэ-* ‘быть коротким’); *самнэл* ‘плоскость’ (от *самнэ-* ‘быть плоским’) и т.д. [Курилов, 2006: 101–102].

Третий тип – лексемы, образованные отглаголенными квалитативными основами на *-we, -пэ* по модели ‘основа слова + -л’: *ласawэл* ‘густота’ (от *ласawэ-* ‘быть густым’), *ньидьэрпэл* ‘новизна’ (от *ньидьэрпэ-* ‘быть новым’), *морпэл* ‘осторожность’ (от *морпэ-* ‘быть осторожным’, ‘быть пугливым’) и т.д. [Курилов, 2006: 102].

Четвертый тип – лексемы, образованные отглаголенными неоднородными квалитативными основами по модели ‘основа слова+ *-л*’: *нондэл* ‘слабость’ (от *нондэ-* ‘быть слабым’), *wарул* ‘прочность’ (от *wар-* ‘быть прочным’), *лугэл* ‘старость’ (от *лугэ-* ‘быть старым’, ‘быть старше’), *нондичиил* ‘ослабление’ (от *нондичии-* ‘ослабнуть’) и т.д. [Курилов, 2006: 102–103].

Конверсионные типы образования имени действия. Образование имени действия путем конверсии в целом описано Г.Н. Куриловым [Курилов, 2003: 173–175; Курилов, 2006: 103–105].

Имена действия, произведенные глагольными, качественными и количественными основами со служебным глаголом *-(ӈ)ол* ‘быть’ относятся к лексическим единицам, образованным через обособленное функционирование основ.

Первый тип представляют лексемы, образованные глагольными основами, не выражающими активное действие или процесс и передающими статический признак по модели ‘основа слова + *-(ӈ)ол* (‘быть’)’: *ньандуол* ‘излишек’ (*ньандуол-* ‘быть в излишке’, ‘быть больше, превышать что-либо’), *мэдьуол* ‘рождение’ (*мэдьуол-* ‘быть рожденным’), *ньичаӈуол* ‘воткнутость’ (*ньичаӈуол-* ‘быть воткнутым’), *эдьуол* (*эдьуол-* ‘быть трусливым’), *курульуол* ‘видимость’, ‘внешний вид’, *ньумуол* ‘пропасть’, ‘терзаться’, ‘мучиться’, *наawуол* ‘инертность’, ‘слабоволие’, *худуол* ‘лежание’, *монуол* ‘речь’, ‘произнесенное’, ‘сказанное’ и др. [Курилов, 2006: 104].

Второй тип – лексемы, образованные от атрибутивных основ с качественными значениями по модели ‘основа слова +*-(ӈ)ол* (‘быть’)’: *чамуол* ‘размер’, ‘рослость’, ‘величина’, ‘значительность по величине, по размерам’ (от *чамуол-* ‘быть большим’; *чама* ‘большой’, *-уол-<-(ӈ)ол-* ‘быть’), *wэйлуол* ‘ширина’, ‘просторность’, ‘широкость’ (от *wэйлуол-* ‘быть широким, просторным’, корень *wэйлэ-* ‘ширина’, ‘просторность’); *чуольуол* ‘ветхость’, ‘древность’, *чугуол* ‘быстрота’, ‘скорость’, *хайруол* ‘изогнутость’, *толуол* ‘спокойствие’, ‘хладнокровие’, *мааруол* ‘счастье’, *пуӈуол* ‘радость’, *ньильиwуол* ‘улыбчивость’, *чуольуол* ‘ветхость’, ‘древность’, *waӈуол* ‘скупость’ [Курилов, 2003: 174]. *Пукольал* ‘ломкость’, ‘непрочность’ (от *пукольал-* ‘быть мягким, ломким, податливым’, *пукольань* ‘мягкий, непрочный, ковкий-есть’), *иральал* ‘тяжесть’, ‘вес’ (от *иральал-* ‘быть тяжелым’, *иральань* ‘тяжелый-есть’), *икльал* ‘твердость’ (от

икльал- ‘быть твердым’), *пугочал* ‘легкость’ (от *пугочал-* ‘быть легким’), *чакчал* ‘умение’, ‘мастерство’ [Курилов, 2003: 175].

Третий тип – слова, образованные от атрибутивных основ с количественными значениями по модели ‘основа слова + *-(н)ол* (‘быть’)’, представляющие количественные числительные первого десятка: *маархуол* ‘один (из множества)’, *кийуол* ‘два’, ‘двух (из множества)’ *йалуол* ‘три’, ‘трех (из множества)’, *йалаклал* ‘четыре’, ‘четырех (из множества)’ *имдалдьал* ‘пять’, ‘пятерых (из множества)’, *маалайлал* ‘шесть’, ‘шестерых (из множества)’, *пускийал* ‘семь’, ‘семерых (из множества)’, *маалайлаклал* ‘восемь, ‘восьмерых (из множества)’, *wальӈарумкуруол* ‘девять ‘девятерых (из множества)’ куниьал ‘десять’, ‘десятерых (из множества)’ [Курилов, 2003: 174].

Фонетическая специфика некоторых конверсионных имен действий

В образованиях конверсионных имен действий второго и третьего типов выявились некоторые фонетические особенности, связанные со вспомогательным глаголом, на которые ранее обращал внимание Г.Н. Курилов [Курилов, 2003: 175]. Во второй тип лексем, образованных от качественных основ по модели ‘основа слова + *-(н)ол* (‘быть’)’, включены лексемы на *-ал*: *пукольал* ‘ломкость’, ‘непрочность’ (от *пукольал-* ‘быть мягким, ломким, податливым’, *пукольань* ‘мягкий, непрочный, ковкий-есть’), *пугочал* ‘легкость’ (от *пугочал-* ‘быть легким’) и т.д. Эти лексемы, вероятно, подверглись фонетической ассимиляции соответственно закономерностям звукосочетаемости в юкагирском языке, так же как лексемы третьего типа, образованные отглаголенными основами количественных числительных [Курилова, 2021].

Так, имя действия *йалаклал* ‘четыре’, ‘четырех (из множества)’ произведено от основы *йалаклал-* ‘быть в количестве четыре’, которая получила данный фонетический вид вместо *йалакл-уол- (<-(н)ол-*): *йаа(л)* ‘три’ + *(й)акла* < *йэклиэ* ‘сзади’ + суффикс *-л ((а)л<ол*).

По аналогии с приведенными количественными именами действия можно предположить, что такие лексемы, как *пукольал* ‘ломкость’, ‘непрочность’ и др. также под воздействием фонетической ассимиляции, приняли данный вид вместо *пуколь-уол- (<-(н)ол-* ‘быть’*).* Так, основа *пуколь- (~пукуль)* выявляется в существительном *пукульуу* ‘хрящ’, ‘олово’: *пукуль-+-уу* (словообразовательный аффикс): *пуколь-уол- (<-(н)ол-): пуколь- (~пукуль-)* ‘хрупкий, мягкий, плавкий’+суффикс *-л ((а)л<ол).*

Морфологические особенности субстантивированных и конверсионных имен действий

Субстантивированные имена действия образованы от глагольных первичных основ и основ с показателями вида действия и залогов, а также отглаголенными основами с качественными значениями.

Лексемы субстантивированного типа образовываются от глаголов продолжающегося, начинательного, однократного, многократного видов действия. Для них характерно употребление с показателями основного, побудительного, понудительного и страдательного залогов. Отметим, что имена действия с юкагирского языка на русский язык могут переводиться сочетанием нескольких слов.

йахтэ(н) сущ. ‘песня’

*йахтэ- неперех. ‘*петь’

йахтэл и.д. ‘пение’ от *йахтэ-*

йахтаанул и.д. ‘пение (как продолжающееся проявление процесса в момент речи)’ от *йахтаану- продолж. д.* от *йахтэ-*

йахтаанаал и.д. ‘пение (как начинательное действие продолжающееся интенсивно)’ от *йахтаанаа- начин*. от *йахтаану-*

йахтайл и.д. ‘пение (как однократное проявление процесса)’ от *однокр. йахтаай-* ‘запеть’

йахтийил и.д. ‘пение (как многократное проявление процесса)’ от *многокр. йахтийи- многокр*. от *йахтэ-* ‘петь’

йахтэйуол и.д. ‘пение’ от *страд. йахтэйуол-* ‘быть спетым’

йахтэсул и.д ‘пение (по побуждению или просьбе)’ от *побуд*. *йахтэс-* ‘позволить, дать кого-л. кому-л. петь’; *перен*. ‘петь о ком-л.’, ‘воспевать’

йахтэсчиил и.д. ‘пение’, ‘воспевание (по просьбе)’ от *побуд*. *йахтэсчии-* ‘позволить кому-л. петь о чем-л.’

йахтэсиильэл и.д. ‘пение’, ‘воспевание (по принуждению)’ от *понуд*. *йахтэсиильэ-* ‘понудить кого-л. петь о чем-л.’

йахтэсуол от *страд. йахтэсуол-* ‘быть спетым, воспетым (по побуждению или просьбе)’ [Курилов, 2001].

Указанные морфологические особенности субстантивированных имен действий как виды действия не выявляются у конверсионных имен действий, которые производятся от первичных глагольных основ со статическим значением, качественных и количественных основ с помощью вспомогательного глагола *-(ӈ)ол* ‘быть’. Для лексем данного типа образования характерно употребление в основном залоге.

Отметим, что морфемная структура конверсионных имен действий, таких как *курульуол* ‘видимость’ и др., сходна со структурой субстантивированных имен действий в страдательном залоге, как *оориньуол* ‘плач’ и др., потому как суффикс этого залога *-йуол/-уол* по происхождению относится к вспомогательному глаголу *-(ӈ)ол* ‘быть’ (показатель *-й* к суффиксу причастия *-йэ*) [Курилов, 2006: 170]: *курульуол- неперех*. ‘виднеться’, *курульуол и.д.* ‘видимость’, ‘внешний вид’ *(курульуол<курульуол, уол~(ӈ)ол* ‘быть’*)* [Курилов, 2001: 173], *оориньэ сущ. ‘*рыдание’, *оориньэ-неперех.* ‘плакать’, *оориньэл и.д.* ‘плач’ (*оориньэл<оориньэ-л), оориньуол и.д. (оориньуол<оринь-уол) страдат.* от *оориньэ-* ‘быть заплаканным (о лице)’, *оориньэйуол и.д.* (*оориньэйуол<оориньэ-йуол, -йуол/-уол) страдат*. от *оориньэ-* ‘плакать’ [Курилов, 2001: 346–247]**.**

Субстантивированное имя действия на *-л* спрягается как непереходный или переходный глагол в зависимости от производящей глагольной основы, в желательном и долженствовательном наклонениях [Курилов, 2003: 180]. В желательном наклонении глагол образуется присоединением вспомогательного глагола *бунь-* ‘хотеть’, ‘желать’ к имени действия на *-л* [Курилов, 2006: 160].

Таблица 1

Положительное спряжение в желательном наклонении

	ед. число	мн. число
1 лицо	*мэт мэ кэлул-будьэӈ* ‘я хочу прийти’ (*кэлу- неперех*. ‘прийти’) *мэт мэ cawасэл-буньиӈ* ‘я хочу делить’ (*cawасэ- перех*. ‘делить’)	*мит мэ кэлул-будьэли* ‘мы хотим придти’ *мит мэ cawасэл-буньий* ‘мы хотим делить’
2 лицо	*тэт мэ кэлул-будьэк* ‘ты хочешь прийти’ *тэт мэ cawасэл-буньмэк* ‘ты хочешь делить’	*тит мэ кэлул-будьэмут* ‘вы хотите прийти’ *тит мэ cawасэл-буньимк* ‘вы хотите делить’
3 лицо	*тудэл мэ кэлул-буньи* ‘он хочет прийти’ *тудэл мэ cawасэл-буньим* ‘он хочет делить’	*титтэл мэ кэлул-буньӈи* *‘они хотят прийти’* *титтэл мэ cawасэл-буньӈа ‘они хотят делить’*

В долженствовательном наклонении глагол образовывается от основы со значением результативности действия при помощи именного слова *мораw* ‘долженствование’, оглаголенного суффиксом обладания *-ньэ* [Курилов, 2006: 161]. В свою очередь мы полагаем, что в долженствовательном наклонении глагол образуется от имени действия в страдательном залоге посредством именного слова *мораw* ‘долженствование’, оглаголенного показателем *-ньэ.* Отметим, показатель результативности действия *-йуол/-уол*, как и показатель страдательного залога (см. выше) по происхождению связан со вспомогательным глаголом *-(ӈ)ол* ‘быть’.

Следует отметить различие аналитических конструкций со значениями ‘хотение’, ‘желание’, ‘обязательство’, ‘предписание’, ‘долженствование’. Так, например, аналитическая конструкция: *кэwэй-мори* ‘придется (ему) уехать’ [Курилов, 2003: 180] состоит из глагольного слова *кэwэй-* ‘уйти’, ‘уехать’ с послелогом *мори* в значении несомненности действия и употре-

Таблица 2

Положительное спряжение в долженствовательном наклонении

	ед. число	мн. число
1 лицо	*мэт мэ кэлуйуол-моравwньэйэӈ* ‘я должен прийти’ (кэлу- неперех. ‘прийти’) *мэт мэ савасэйуол-моравwньэйэӈ* ‘я должен делить’ (*савасэ- пере*х. ‘делить’)	*мит мэ кэлуйуол-моравwньэйли* ‘мы должны прийти’ *мит мэ савасэйуол-моравwньэй* ‘мы должны делить’
2 лицо	*тэт мэ кэлуйуол-моравwньэйэк* ‘ты должен прийти’ *тэт мэ савасэйуол-моравwньэмэк* ‘ты должен делить’	*тит мэ кэлуйуол-моравwньэймут* ‘вы должны прийти’ *тит мэ савасэйуол-моравwньэмк* ‘вы должны делить’
3 лицо	*тудэл мэ кэлуйуол-моравwньэй* ‘он должен прийти’ *тудэл мэ савасэйуол-моравwньэм* ‘он должен делить’	*титтэл мэ кэлуйуол-моравwньэӈи* ‘они должны прийти’ *титтэл мэ савасэйуол-моравwньэӈа* ‘они должны делить’

бляется в несомненном наклонении [Крейнович, 1958: 126].

Конверсионное имя действия с *-(ӈ)ол* ‘быть’ спрягается только как непереходный глагол в изъявительном, желательном и долженствовательном наклонениях: *мэт мэ чугуодьэӈ* ‘я быстрый-есть’, *мэт мэ чугуол-будьэӈ* ‘я хочу быстрым-быть’, *мэт мэ чугуолуол-моравwньэйэӈ* ‘я должен быстрым-быть’ (*чугуол- неперех*. ‘быть скорым’, ‘быть быстрым’, ‘быть острым’) и т.д.

Подчеркнем: имена действия, образованные по типу субстантивации и конверсии, принимают такие грамматические формы имени существительного, как склонение по падежам и притяжательность. Употребляются в именительном (нулевой показатель), винительном (нулевой показатель, показатели *-ханэ/-ӈанэ*), дательно-направительном (суффикс *-ӈинь*), творительном (*-лэк*), совместном (*-ньэӈ*), местном (*-ха/-ӈа*), исходном или отложительном (*-хат/-ӈат*), продольном (*-хан/-ӈан*) и прииенном родительном (*-н*) падежах:

Тэт оондьэл мэ көткэрэйӈ.

Тэт оондьэ=л мэ көткэрэй=ӈ.

Твое известить=VN FOC довести=TR:1Sg.

‘Извещение [на словах] я ему доставил’ [Курилов, 2001: 345].

Притяжательную форму имена действия принимают с помощью суффикса принадлежности *-ги*:

Амунлэк хахун чамуолги эл курильиийэӈ.

Амун=лэк хахун чамуо=л=ги эл курильии=йэӈ.

Рост=INSTR насколько быть большим=VN=POSS NEG знать=INTR:1Sg.

‘Не знаю, насколько [он] высок ростом’ [Курилов, 2001: 513].

IV. Заключение. Итак, рассмотрение образования имени действия в юкагирском языке показало, что установленный лексико-грамматический класс слов формировался под воздействием системы актуального членения высказывания.

Одна часть лексем, образованная глагольными основами и отглаголенными основами с качественными значениями, производится посредством специального словообразовательного аффикса *-л* и относится к субстантивированным словам. Процесс субстантивации данных лексем не совершил полного перехода, так как у них остались такие признаки глагола, как виды действия и залога, непереходность и переходность при спряжении, некоторые формы наклонения.

Другая часть имен действий произведена обособлением глагольных основ статического значения и основ с качественными и количественными значениями в функции именных слов, служебным глаголом *-(ӈ)ол-* ‘быть’. Названные лексемы относятся к конверсионному типу имени действия, с проявлением таких глагольных признаков, как спряжение непереходных предикатов и некоторые формы наклоне-

ния. Следует отметить, что означенный конверсионный способ образования значительно увеличил лексический состав имени действия.

Таким образом, имена действия создавались в процессе субстантивации и конверсии группы лексических единиц из глагольной, отглаголенной квалитативной и квантитативной категорий слов в именную часть языка, представленную именем существительным. В результате этих процессов имя действия обладает глагольными, квалитативными, квантитативными и именными признаками. При систематизации особенностей образования имени действия внесено дифференцирование по субстантивированным лексемам, образованным от глагольных основ посредством именного форманта *-л* и конверсионным сложным словам, сформированным обособлением некоторых глагольных, качественных и количественных основ аналитической конструкцией со вспомогательным глаголом *-(ҥ)ол* ‘быть’ в функции именных слов. Уточнены особенности фонетической ассимиляции определенных конверсионных имен действий, описаны морфологические особенности субстантивированных и конверсионных имен действий.

Сокращения:

и.д. имя действия; *сущ.* имя существительное; *перен.* переносное значение; *неперех.* непереходный глагол; *перех.* переходный глагол; *многокр.* многократный вид действия; *однокр.* однократный вид действия; *начин.* начинательный вид действия; *продолж. д.* продолжающийся вид действия; *побуд.* побудительный залог; *понуд.* понудительный залог; *страд.* страдательный залог; *см. выше* – смотрите выше, ABL – аблатив (отложительный падеж); INSTR – творительный падеж; LOC – местный падеж, FOC – фокус, FUT – будущее время, INTR – непереходный глагол, 1 – 1 лицо, 3 – 3 лицо, POSS – притяжательный аффикс, NEG – отрицательная частица, Pr – причастие, Sg – единственное число, TR – переходный глагол, VN – имя действия.

Список литературы:

Крейнович Е.А. Юкагирский язык. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1958. 288 с.

Крейнович Е.А. Исследования и материалы по юкагирскому языку. Л.: Наука, 1982. 302 с.

Кубрякова Е.С. Части речи в ономасиологическом освещении. М.: Наука, 1978. 114 с.

Курилов Г.Н. Лексикология современного юкагирского языка (Развитие лексики и роль в нем якутского языка). Новосибирск: Наука, 2003. 288 с.

Курилов Г.Н. Фольклор юкагиров. М.; Новосибирск: Наука, 2005. 594 с. (60-томная академическая серия «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Т. 25).

Курилов Г.Н. Современный юкагирский язык: учебное пособие. Якутск: Офсет, 2006. 280 с.

Курилова Л.Г. Словообразовательная специфика числительных в языках тундренных и лесных юкагиров // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 12. С. 3798–3802.

Прокопьева А.Е. Склонение имени действия колымского диалекта юкагирского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 12–4(54). С. 174–177.

Прокопьева А.Е. Склонение имени действия в юкагирском языке // Научный электронный журнал Меридиан. 2016а. № 3(3). С. 227–234.

Прокопьева А.Е. Глагольные особенности имени действия в юкагирском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016б. № 8–1(62). С. 153–155.

Прокопьева А.Е. Склонение имени действия тундренного диалекта юкагирского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016в. № 10–1(64). С. 144–147.

Словари:

Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2001. 608 с.

Referenses:

Krejnovich E.A. Jukagirskij jazyk [Yukagir Language]. Moscow–Leningrad: Academia publ., 1958. 288 p. (In Russian)

Krejnovich E. A. Issledovaniya i materialy po yukagirskomu yazyku [Research and materials on the Yukagir Language]. Leningrad: Science publ., 1982. 302 p. (In Russian)

Kubrjakova E.S. Chasti rechi v onomasiologicheskom osveshhenii [Parts of speech in onomasiological coverage]. Moscow: Science publ., 1978. 114 p. (In Russian)

Kurilov G.N. *Jukagirsko-russkij slovar’* [Yukagir-Russian Dictionary]. Novosibirsk: Science Publ., 2001. 608 p. (In Russian)

Kurilov G.N. *Leksikologija sovremennogo jukagirskogo jazyka: (Razvitie leksiki i rol’ v nem jakutskogo jazyka)* [Lexicology of the modern Yukagir Language: (Evolution of vocabulary and the role of the

Yakut Language in it)]. Novosibirsk: Science publ., 2003. 288 p. (In Russian)

Kurilov G.N. *Fol'klor jukagirov (60-tomnaja akademicheskaja serija "Pamjatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka". T. 25)* [Folklore of the Yukagirs (60-volume academic series "Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East". Vol. 25)]. Moscow; Novosibirsk: Science Publ., 2005. 594 p. (In Russian)

Kurilov G.N. *Sovremennyj jukagirskij jazyk* [Modern Yukagir Language]. Yakutsk: Ofset publ., 2006. 280 p. (In Russian)

Kurilova L.G. Slovoobrazovatel'naja specifika chislitel'nyh v jazykah tundrennyh i lesnyh jukagirov [Word-formation specifics of numerals in the tundra and forest dialects of the Yukagir Language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Theory and practice]. 2021. № 12. Pp. 3798-3802. (In Russian)

Prokop'eva A.E. Sklonenie imeni dejstvija Kolymskogo dialekta jukagirskogo jazyka [Declination of a verbal noun of the Kolyma dialect of the Yukagir Language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Theory and practice]. 2015. № 12-4 (54). Pp. 174-177. (In Russian)

Prokop'eva A.E. Sklonenie imeni dejstvija v jukagirskom jazyke [Declination of a verbal noun in the Yukagir Language]. *Nauchnyj jelektronnyj zhurnal Meridian* [Scientific electronic journal Meridian]. 2016. № 3(3). Pp. 227-234. (In Russian)

Prokop'eva A.E. Glagol'nye osobennosti imeni dejstvija v jukagirskom jazyke [Verbal peculiariries of the action noun in the Yukagir Language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Theory and practice]. 2016. № 8-1(62). Pp. 153-155. (In Russian)

Prokop'eva A.E. Sklonenie imeni dejstvija tundrennogo dialekta jukagirskogo jazyka [Declension of Tundra Yukagir action noun]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Theory and practice]. 2016. № 10-1(64). Pp. 144-147. (In Russian)

L.G. Kurilova

Formation of the Verbal Noun in the Tundra Yukagirs' Language

Scientific novelty. The article discusses the verbal noun's formation features in the Yukagir Language. The verbal noun in the Yukagir expresses procedural, qualitative and quantitative meanings has nominal and verbal features. Methods of verbal noun's formation as a result of substantiation and conversion are determined, previous results on this problem are systematized, phonetic specifics of some conversion verbal noun's are revealed. *The study's aim* is to discover in the verbal noun's formation features in the Tundra Yukagirs, the formation's methods and determining the types of lexemes is revealed. Therefore, learn the formation's meanses and determine the derivational types of words. *Research methods* included descriptive, comparative, structural-morphological and semantic methods of analysis.

Results. Consideration of the verbal noun's formation showed the conditionality of the verbal noun lexical-grammatical class's formation by the influence of the actual division of a sentence's system. The study of the works of Kreinovich E.A., Kurilov G.N., Prokopyeva A.E. made it possible to confirm that the verbal nouns refer to substantiated and conversion formations. This study introduces a differentiation according to which lexemes of the verbal noun are produced by means of the derivational affix *-l* being substantiated lexemes and which lexemes are produced by separating the stems in the function of nominal words by the service verb *-(ŋ)ol* 'to be', representing the conversion verbal nouns. It has also been confirmed that in consequence of the substantivation's and conversion's processes of lexemes from the verbal, verbalized qualitative and quantitative categories of words into the category of a noun, the verbal noun in the Yukagir has the verbal, qualitative, quantitative and nominal features.

Keywords: verbal noun, the Yukagir, the Tundra Yukagir, actual division of a sentence, word formation, substantiation, conversion

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

С.Д. Мухоплёва

DOI: 10.25693/SVGV.2022.40.3.0010
УДК 398.8(=512.157)

Рукопись якутской народной песни *Эһэ ырыата* «Медвежья песня» как уникальный документ*

Научная новизна. В статье поднимается вопрос уникальных фольклорных записей народов Сибири и Дальнего Востока. В качестве объекта исследования выбрана не вошедшая в научный оборот архивная запись якутской народной песни *Эһэ ырыата* «Медвежья песня», которая была зафиксирована фольклористом С.И. Боло во время Вилюйской экспедиции 1938 г. Учитывая то, что уникальные фольклорные рукописи вызывают недоверие специалистов, в статье доказывается подлинность записи, что указывает на надежность песенного текста как научного источника, правомерность его последующего издания и историко-фольклорного изучения.

Цель и задачи. Статья посвящена разработке одной текстологической проблемы фольклора, в связи с чем перед автором стояла определенная цель – показать научную достоверность исследуемого уникального документа путем его научного описания. В силу этого содержательная часть рукописного текста *Эһэ ырыата* «Медвежья песня» нами только затрагивается. В задачи входило рассмотрение вопросов публикации и исследования песен антропоморфных героев, постановка проблем жанровой принадлежности медвежьей песни, уникальности текста песни в системе якутского фольклора, определение необходимости последующего имманентного анализа текста песни с его параллельным исследованием в мировоззренческом и историческом контекстах, а также в сравнительно-типологическом аспекте.

Методы исследования. Текстологическое описание рукописи народной песни проведено по схеме, разработанной на основе алгоритма научного описания Д.С. Лихачева. Методика впервые была применена при исследовании рукописных самозаписей олонхо. Кроме того, обнаруженная в единственном варианте «личная» песня медведя рассмотрена в контексте истории издания и исследования «личных» песен антропоморфных героев (народных песен с маркером «Я»), в состав которых входит это уникальное произведение.

Результаты. Установлено, что рукопись песни представляет надежную, хорошо документированную запись вербального текста народной песни *Эһэ ырыата* «Песня медведя», которая, хотя и не имеет аналогов как «личная» песня медведя в системе фольклора народов Якутии, представляет большую ценность для исследования как уникальный текст, который является одной из разновидностей «личных» песен антропоморфных героев.

Ключевые слова: достоверность источников, Вилюйская экспедиция, С.И. Боло, медвежьи песни, «личные» песни антропоморфных героев[1], контекстуальный подход, научное описание рукописей

*Работа выполнена с использованием научного оборудования ЦКП ФИЦ ЯНЦ СО РАН № 13. ЦКП. 21. 0016.

[1]Автором также используются обозначения «народные песни ырыа с маркером “Я”», «жалобные ролевые песни».

© Мухоплёва С.Д., 2022

I. Введение. В архивном рукописном наследии народов Сибири и Дальнего Востока имеется большое количество фольклорных текстов, которые были зафиксированы в единственном варианте. Эти уникальные текстовые единицы, как правило, вызывают недоверие специалистов, признаются как сомнительный источник. К примеру, Ю.И. Смирновым в статье «Достоверность фольклорного текста» прямо было отмечено, что «уникальность текста (его версии) всегда вызывает подозрения в его подлинности» [Смирнов, 1991: 18]. Между тем достоверность текста, в том числе фольклорного, является одним из основных требований, выдвигаемых к исследуемому тексту, поскольку в основе научного изучения фольклора, как писал Б.Н. Путилов еще в 60-е гг. XX в., должна лежать всесторонняя текстологическая критика [Путилов, 1963]. В силу этого необходимость проверить текст на подлинность остается одной из первостепенных задач текстологии. В фольклорной текстологии идеи критического изучения фольклорных источников специально начали разрабатываться в основном на материале русского фольклора еще в советский период развития фольклористики в коллективных трудах фольклористов Ленинграда и Москвы [Принципы…, 1966; Текстологическое…, 1977], а также в диссертационных исследованиях и научных статьях таких известных ученых, как В.Я. Пропп [Пропп, 1956], Б.Н. Путилов [Путилов, 1963], Ю.И. Смирнов [Смирнов, 1991], Т.Г. Иванова [Иванова, 1991] и др. В сибирской фольклористике вопросы текстологии стали активно разрабатываться и развиваться в связи с изданием серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» [Кузьмина, 2016; Кузьмина, 2017]. Несмотря на достаточно активный научный интерес, вопрос уникальных текстов, их научной достоверности остается малоизученным. Эта проблема впервые была затронута в монографическом исследовании Ю.И. Шейкина на материале музыкальной культуры народов Сибири. Автор, выделяя в фольклоре народов Сибири такие виды традиции, как реликтовые, деривационные и реституционные (или возрожденные), поставил проблему «уникатов», которые встречаются в рамках реликтовых практик музыкальной традиции народов Сибири [Шейкин, 2002: 8–9].

Актуальность предлагаемого исследования определяется отсутствием специальных работ, посвященных изучению вопросов научной достоверности уникальных текстов рукописного наследия народов Сибири и Дальнего Востока. Нами впервые предпринимается опыт постановки данного вопроса на примере научного описания рукописи якутской народной песни *Эһэ ырыата* «Медвежья песня».

Цель настоящей статьи – текстологическая критика рукописи народной песни, которая не имеет вариантов. Для этого рукописный текст проверяется на подлинность с двух сторон. Первоначально уникальный текст народной песни рассматривается в контексте истории якутской фольклористики, что делается в целях выявления укорененности текста медвежьей песни в якутские народные традиции, т.е. раскрытия идентичности произведения. Во-вторых, текст проверяется на подлинность. В связи с этим дается ее научное описание, подтверждающее научную достоверность песенного текста.

Теоретическая значимость исследования состоит в возможности переосмысления существующего представления о том, что уникальный текст является малодостоверным научным источником. Кроме того, результаты могут найти применение при уточнении понятий «уникальный документ» и «уникат» в филологической фольклористике.

Практическая значимость научного описания песенного текста заключается в том, что он позволит ввести архивную рукопись в научный оборот и стать объектом междисциплинарного изучения.

II. Материалы и методы. Материалом исследования является рукопись[1], которая еще не вошла в научный оборот и не стала объектом изучения исследователей. Она хранится в архиве Якутского научного центра СО РАН (АЯНЦ СО РАН).

В целях выявления культурной идентичности уникального текста народным традициям автором изучается история публикации и иссле-

[1] *Эһэ ырыата* «Медвежья песня». Зап. от Игнатия Григорьевича Иванова, 54 г., в Быраканском н-ге Верхневилюйского р-на фольклористом Сэсэном Ивановичем Боло 01.07.1938. АЯНЦ СО РАН. Ф.5. Оп. 3. Ед. хр. 5. Л. 10 об.–25 об.

дования песен антропоморфных героев. Это позволяет соотнести песню *Эһэ ырыата* «Медвежья песня» с аналогичными песнопениями, героями которых являются другие животные, растения и вещи. При этом применяется метод контекстуального анализа. Этот подход позволяет понять, что песня о медведе, являясь уникальной в содержательном плане, в жанровом аспекте является частью якутских песен с антропоморфными героями, издание и изучение которых находится в эмбриональном состоянии.

III. Результаты.

Песня Эһэ ырыата «Медвежья песня» в контексте истории издания и изучения «личных» песен антропоморфных героев

В составе рукописного наследия якутского фольклора есть немалая группа песенных текстов, которую можно выделить в отдельный жанр народных песен. Речь идет о монологических сюжетно-повествовательных песнях, которые исполняются от имени растений, животных, птиц и бытовых предметов. В народе эти «личные» песни антропоморфных героев отдельно не выделялись, их обозначали общими терминами *ырыа* и *тойук.*

Образцы якутских народных песен «растений, животных и бытовых предметов» отдельным корпусом еще не издавались, но тексты песен печатались в журналах и фольклорных сборниках. Так, в первом научном двуязычном издании в томе «Песни о природе» была отдельно выделена тематическая группа «Растительный и животный мир», а в томе «Песни о труде и быте» – тематическая группа «Песни о бытовых предметах», где наряду с описательными песнями были опубликованы три текста песен растений: *Тиит ырыата* «Песня лиственницы», *Хатыҥ тойуга* «Песня березы», *Ыарҕа ырыата* «Песня ерника» [Якутские народные песни, 1976: 148–156; Якутские народные песни, 1977: 292–307], одна песня птицы: *Тураах ырыата* «Песня вороны» [Якутские народные песни, 1976: 185–187] и три песни вещей: *Чороон ырыата* «Песня кубка», *Сиппиир ырыата* «Песня веника», *Чабычах ырыата* «Песня чабычаха» [Якутские народные песни, 1977: 274–291, 308–315].

Песни антропоморфных героев бытовали в репертуаре именитых певцов-олонхосутов, передавались устно, певцы их считали «старинными *ырыа* и *тойук*». Они назывались по имени «героя-повествователя», указывались «авторы» песнопения: береза, лиственница, ерник; ворона, бык, медведь; коновязь, кубок-чорон, ступа, берестяная посуда-чабычах, веник. Из этих песен в вариантах записаны тексты «Песня вороны», «Песня ерника», «Песня веника» и «Песня чабычаха». Остальные песни зафиксированы по одному варианту, единичны.

Уникальной является и запись текста *Эһэ ырыата* «Песня медведя». Текст песни состоит из 443 строк, 1209 лексических единиц. Он начинается с самопредставления и сообщения медведя о том, где, почему он сделал себе берлогу и как долго длилась его спячка: *Баай тыа баһаардаах* (С рынком из богатого леса – досл. пер. С. Д.), / *Куруҥ тыа куораттаах* (С городом из выжженного леса), / *Үөлй тыа өтөхтөөх* (С заброшенной усадьбой из хвойного леса) / *Уордаах кыыл буоламмын* (Грозным зверем будучи), / *Улахан дьоһуннаах үрэхтэр* (Великих могучих рек), / *Улахан хайаларын* (Великих гор) / *Улаҕа өттүгэр* (Позади), / *Оҥхой хайа тыатыгар* (На ложбине горного леса), / *Уу тохтообот томторугар* (На сухом пригорке), / *Уон ыйы мэлйдьи* (В течение десяти месяцев) / *Утуйуом диэммин* (Думая уснуть), / *Оҥкуйчах, хороон хастан* (Вырыл яму, нору), /*Уон ыйы мэлйдьи* (В течение десяти месяцев) / Утуйан чуҥунаатым (Впал в сон)[1]. Далее медведь рассказывает о том, как он, проснувшись после спячки, напал на скот, и его добыл охотник. Затем в песне анонимным повествователем описывается, что люди нарушают табу на продажу священной шкуры, превращают ее в объект купли-продажи. Песня завершается плачем медведя.

Монографическое исследование «личных» песен антропоморфных героев еще не предпринималось. В советское время фольклористами были изучены широко распространенные в центральных и заречных районах Якутии такие народные песни, как «Песня ерника», «Песня веника» и «Песня чабычаха». Исследователи, склоняясь к идее об иносказательном характере песнопений, выявили лиро-эпический характер произведений, их монологизм, общность сюжета, наличие двух планов содержания, связь с

[1]АЯНЦ СО РАН. Ф.5. Оп. 3. Ед. хр. 5. Л. 10 об.

одухотворением вещей. Так, Г.У. Эргис писал: «К песням о доле бедняков близки и некоторые песни о предметах домашнего обихода, имеющие, возможно, аллегорический смысл. Любопытна «Чабычах ырыата» («Песня про берестяную посуду»), очень распространенная в прошлом» [Эргис, 1974: 311]. Гипотезы об аллегорическом, иносказательном характере песен «растений и предметов быта» придерживался и Г.М. Васильев. Он писал о метафоричности, аллегоричности содержания таких песен, как «Песня ерника», «Песня веника», «Песня чабычаха», «Песня березы», и указал на их стереотипность: «Эти песни во многом аналогичны между собою: имеют лиро-эпический склад и в основном традиционную сюжетную линию в монологической форме» [Васильев, 1973: 73]. Превалирование концепции иносказательности в осмыслении этой группы лиро-эпических песен, кроме того, обнаруживается в статье И.В. Пухова о жизни и деятельности Екатерины Захаровой, где автор анализирует тексты песен «Песня чабычаха», «Песня веника» из репертуара народной сказительницы. Исследователь относит их к песням о вещах и акцентирует внимание на наличие в произведениях двух планов содержания, их связь с одухотворением вещей. Он констатирует, что «песни о вещах носят двуплановый характер, выражающийся в совмещении серьезного содержания с пародийно-насмешливой формой» [Пухов, 1980: 104–105].

В дальнейшем в якутской фольклористике был поставлен вопрос о ритуально-обрядовом характере «личных» песен антропоморфных героев, сделано предположение о связи песнопений с анимистическими и тотемическими воззрениями народа. Так, С.Д. Мухоплева на основе рассмотрения отдельных текстов песен, исполняемых от имени антропоморфных героев, выдвинула предположение о существовании такого вида жалобных обрядовых песен, как «ролевая» жалобная песня, которая направлена на коммуникацию людей с духами и связана с ранними верованиями народа [Мухоплёва, 1993: 73–81; Мухоплёва, 2012], поставила вопрос о типологической близости якутских песен «бытовых предметов» с айнскими *камуй юкора* на примере сравнения якутского *ырыа* «Песня ступы» и айнской *камуй юкара* «Песня богини Старой Лодки» [Muchoplewa, 2000].

Завершая экскурс в историю издания и изучения якутских традиционных песен антропоморфных героев, отметим, что текст *Эһэ ырыата* «Медвежья песня», исполняемый от имени медведя, уникален в содержательном плане как Я-повествование о жизни медведя. Однако по совокупности формальных и общих содержательных свойств принадлежит к малоизученным песням антропоморфных героев.

Текстологическое описание рукописи

Первой заповедью фольклористов является тезис о том, что «в основе научного изучения фольклора должна лежать всесторонняя текстологическая критика текстов» [Путилов, 1963: 109], которая в первую очередь включает проверку подлинности, достоверности текстов. Одним из методов определения достоверности текстов является научное (текстологическое) описание рукописи.

Научные описания архивных рукописей составляются по-разному. Применительно к исследуемому автографу использован алгоритм описания, который нами был апробирован при работе с самозаписями олонхо[1] [Мухоплёва, 2015]. Он составлен на основе схемы полного научного постатейного описания рукописей, разработанной Д.С. Лихачевым [Лихачев, 1983: 122–124].

1) *Шифр рукописи с указанием места хранения; сведения об издании*. Рукопись песни *Эһэ ырыата* «Медвежья песня» хранится в рукописном фонде АЯНЦ СО РАН среди документов Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН в фонде № 5, описи № 3, единице хранения – 5, на листах 10 об.–25 об. как один из фольклорных документов первой научной экспедиции ИГИиПМНС СО РАН 1938 г., известной как «Вилюйская экспедиция Саввина и Боло».

Рукопись песни, как мы уже указывали, еще не издана.

2) *Наименование единицы хранения и текста песни*. В реестре документов описи № 3 единица хранения № 5 обозначена как «Материалы Вилюйской экспедиции С.И. Боло. Песни, заклинания и скороговорки. Язык долган Туруханского края по рассказам Кулятских якутов»,

[1]В настоящей статье алгоритм описания рукописи скорректирован в соответствии с жанром.

что раскрывает общее содержание папки без спецификации. Заглавие описываемой нами песни «Эһэ ырыата» размещено в самом документе перед текстом песни, графически выделено и помечено собирателем номером (№ 4).

3) *Авторы языковых и фольклорных документов, собранных в единице хранения № 5 (собиратель, информанты).* Фиксатором всех материалов, в том числе песни «Эһэ ырыата», является участник Вилюйской экспедиции известный фольклорист Сэсэн Иванович Боло. Языковые материалы им записаны от 54-летнего Спиридона Герасимовича Игнатьева, а десять фольклорных произведений, включая «Эһэ ырыата», зафиксированы из уст Игнатия Григорьевича Иванова, также 54 лет.

4) *Дата и место записи.* В единице хранения работником архива объединены записи С.И. Боло, сделанные в двух соседних районах Вилюйского региона от двух информантов. Языковой материал информанта С.Г. Игнатьева, озаглавленный «С.И. Боло. Язык долган Туруханского края по рассказам Кулятских якутов», записан 10 апреля 1938 г. в 2-м Кюлетском (Тасагарском) наслеге Вилюйского района. Со вторым информантом, знатоком фольклора И.Г. Ивановым, который жил в Быраканском наслеге Верхневилюйского района, местности Балаҕаннаах, фольклорист работал в течение недели – с 1 по 7 июля 1938 г., что указано собирателем.

5) *Количество листов, тетрадей, размеры и нумерация единицы хранения, место рукописи песни в ней; наличие обложки, общее физическое состояние рукописи*. Единица хранения состоит из 77 листов[1], представляет собой папку из тонкого картона синего цвета размером 21,5 х 22 см, в которой содержатся два разных типа документа. Первый документ состоит из пяти прошитых отдельных листов школьных тетрадей в линейку. На них с лицевой стороны записаны языковые материалы со слов С.Г. Игнатьева.

Второй документ из папки являет собой сброшюрованные от руки школьные тетради для прописи в линию и косую линию с синей обложкой. На листах тетрадей увековечены следующие фольклорные материалы, которые записаны из уст И.Г. Иванова: 1) *Чабырҕах* «Скороговорка», 2) *Чабырҕах* «Скороговорка», 3) *Чабырҕах* «Скороговорка», 4) *Эһэ ырыата* «Медвежья песня», 5) *Дьүһэгэй ырыата* «Песня в честь божества Джюсэгэй», 6) *Эһэкээн алгыһа* «Алгыс (молитва) в честь духа медведя Эсэкээн», 7) *Ойуун олбоҕор олорон алгыыр алгыһа* «Алгыс (молитва) шамана, исполняющийся на олбохе», 8) *Эһээнгэй ырыата* «Танцевальная песня (Песня эсээнгэй)», 9) *Дьахтар ырыата (Борускуо…)* «Песня женщины (Прасковьи…)», 10) *Олонхо бухатыырын дьиэтин олоҕун көрүҥэ* «Вид жилища богатыря олонхо» (отрывок из олонхо). Как видно из списка, текст, который является предметом нашего изучения, записан четвертым номером после фиксации скороговорок.

Единица хранения имеет двойную нумерацию. Первичная нумерация сделана собирателем для каждого документа отдельно, в первом документе номера листов написаны чернилами, во втором – карандашом. Вторичная нумерация предпринята при формировании архивного документа, является общей для двух документов, состоит из 77 листов (так указывается в документах). Совокупные номера записаны с правой стороны листов под первичной нумерацией, отличаются инструментом записи или цветом карандаша. Так, в первом документе первичная нумерация сделана чернилами, общая – черным карандашом. Во втором документе единая нумерация выделена карандашом темно-коричневого цвета.

Документ требует реставрации: местами уголки и края бумаг иссохли, рассыпаются, на некоторых местах запись трудночитаема. Прошивка разорвалась, документы необходимо прошить заново.

6) *Формы графической передачи «поэтической фактуры текста» (сплошной стих, сплошная проза, стих и проза), количество строк на листе*. Все песенные тексты записаны стихом, в том числе текст *Эһэ ырыата* «Медвежья песня», которая состоит из 443 строк. Текст этой песни записан на обеих сторонах листов № 10 об.–25 об. На одном листе содержится от 14 до 18 строк. Разделение на стихи, думаем, требует дополнительного специального изучения.

7) *Данные о языке, орфографии, алфавите написания рукописи (бѐтлинговский, латиница,*

[1]Подсчет листов показал, что документ фактически состоит из 78 листов. При вторичной нумерации остался не пронумерованным один лист после листа № 19, поэтому его карандашом отметили как лист № 19а.

кириллица). Записи сделаны на якутском языке с сохранением диалектных особенностей устной речи информантов, алфавит – латиница. На кириллице фольклористом записаны только паспортные данные языковых и фольклорных материалов, которые предваряют тексты.

8) *Инструмент записи (карандаш, ручка, машинопись).* Запись языковых материалов сделана перьевой ручкой чернилами синего цвета, кроме названия и первых двух строк записи. Последние записаны черными чернилами. Все фольклорные материалы зафиксированы карандашом черного цвета.

9) *Оформление единицы хранения (титульный лист, оглавление, предисловие, послесловие, комментарии, объяснения слов).* Единица хранения сформирована архивными работниками, состоит из двух документов, подготовленных собирателем. В силу этого каждый документ, и языковой, и фольклорный, наделены своими заглавными листами, оформленными фольклористом С.И. Боло, из доступных в тот момент материалов. Так, языковые материалы С.Г. Игнатьева предваряются белым листом и отрывком обложки тетради, которые составляют титульный лист документа. На них указаны собиратель, название материала, дата записи, количество листов. В фольклорных материалах И.Г. Иванова сведения об информанте, месте и времени записи, количестве листов даны на обложке тетради. Дизайн тетрадной обложки примечателен с исторической точки зрения. Обложка синего цвета, с портретом И.В. Сталина и надписью на латинице «САССР 15 сыла».

Языковой материал и каждый фольклорный текст, кроме отрывка олонхо, имеет свой комментарий, который дается после текста. К примеру, С.И. Боло записал уточняющие данные о жизни информанта С.Г. Игнатьева, чтобы удостовериться в его надежности как знатока долганского языка. При работе со вторым информантом И.Г. Ивановым он выяснял у него историю введения устного произведения в его репертуар, записывал историю бытования зафиксированного произведения. В итоге было установлено, что рассматриваемая нами песня *Эһэ ырыата* «Медвежья песня» И.Г. Ивановым была услышана еще в 1919 г. в исполнении слепого певца из другого наслега. В результате многократного прослушивания этой песни информант запомнил и перенял ее, затем стал исполнять сам.

Фольклорные материалы в конце документа снабжены словарем устаревших и диалектных слов под названием «Словарь особенностей слов», составленный фольклористом непосредственно по ходу записи. Он содержит 26 слов. Словарный материал этого документа С.И. Боло остался неиспользованным при составлении диалектологических словарей [ДСЯЯ, 1976: 387–391; ДСЯС, 1995: 292–294]. Между тем информационная возможность текста песни как словарного и этнографического источника бесценна и требует отдельного изучения. К примеру, архаическое слово *түһүлүк*, которое в сунтарском говоре и долганском языке имеет значение *түөс таңаһа* ‘нагрудник’ [ДСЯЯ, 1976: 252], в песне используется как эвфемизм, обозначает *эһэ тыырыллар хаһата* ‘набрюшный жировой слой у медведя’[1], что не отражено в словарях.

В конце отметим, что единица хранения является частью собранного материала Вилюйской экспедиции 1938 г. С.И. Боло и А.А. Саввина, поэтому она не имеет отдельного оглавления, предисловия и послесловия.

10) *Характеристика почерка, всех отметок, правок и записей с воспроизведением важнейших (записей, касающихся передачи другому владельцу, цены рукописи) и с указанием почерка и листов, на которых они сделаны («правка другим почерком», «приписки тем же почерком на л.» и т. п.).*

Записи на папке сделаны архивариусом от руки чернилами синего и черного цветов, а отдельные сведения записаны синим, красным и черным карандашами. Сверху на левой стороне папки указаны прежние (Оп. 31/2) и нынешние шифры (Фонд № 5. Опись № 3. Ед. хр. № 5), написанные чернилами синего цвета, кроме современных цифровых данных документа. Они начертаны карандашом красного цвета. На правой стороне верхней части указаны совладелец документа «Отдел фольклора» и его собственник «Архив Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР». В середине документа обращает на себя внимание перечеркнутая запись «Дело № 30», написанная крупными буквами каранда-

[1]Словарь особенностей слов. АЯНЦ СО РАН. Ф.5. Оп. 3. Ед. хр. 5. Л. 76-77.

шами синего и черного цветов. Под ней идет название единицы хранения, состоящее из двух элементов: имени фольклориста собирателя («С. Боло»), обозначения группы записей («Заклинания, песни и скороговорки»). Элементы заглавия папки расположены друг под другом, написаны чернилами синего цвета. Ниже, на левой стороне папки, имеется штамп владельца «Рукописный фонд Научной библиотеки Як. филиала АН СССР» и пометка от руки «Инв. 897». Внизу папки с левой стороны находится перечеркнутая запись с указанием прежнего объема документа в листах «На 106 листах». Нынешний объем документа «На 77 листах» указан сверху в середине документа. Помета сделана чернилами черного цвета, подчеркнута волнистой линией.

Текст песни *Эһэ ырыата* «Медвежья песня» записан С.И. Боло карандашом. Его же почерком сделана первоначальная нумерация листов. Кроме того, на листах № 12, 12 об., 13 об., 14 об., 15 в текст песни собирателем вставлены знаки сноски под № 6–8, 9, 11–12, 14–16. Сноски сделаны к диалектным словам, к которым дается объяснение в словаре, размещенном в конце фольклорных записей. На пятнадцатом листе прямой линией карандашом подчеркнута строка со словами «Соллох-соллох ыстаатылар». На листе № 25 сбоку почерком собирателя вписаны строки «Икки мөһөөх харчытын / Сиэбиттэн ылан биэрдэ», которые, по всей вероятности, были пропущены во время записи. На листах, кроме записей С.И. Боло, имеются отметки, сделанные архивариусом. Так, в верхнем левом углу листа № 10 об. поставлена галочка коричневым карандашом и подчеркнутая запись «Инв. № 6», а на листе № 20 с правой стороны в середине листа поставлен штамп владельца «Рукописный фонд Научной библиотеки Як. филиала АН СССР».

В заключение заметим, что рукописные материалы Сэсэна Боло, одного из зачинателей якутской полевой фольклористики, вызывают полное доверие якутских специалистов. Начало признанию научных заслуг собирателя положил основатель якутской фольклористики Г.У. Эргис, посвятив собирательской деятельности участников Вилюйской экспедиции отдельный раздел под названием «Собиратели С.И. Боло и А.А. Саввин» в своей знаменитой работе [Эргис, 1974: 79–83]. Смысл же проведенного нами текстологического описания рукописи заключается в документальном опровержении сомнений относительно научной достоверности уникальной записи песни *Эһэ ырыата* «Медвежья песня», вербальный текст которой нам предстоит исследовать и подготовить к публикации.

IV. Обсуждение. Проблема достоверности уникальных фольклорных записей народов Сибири и Дальнего Востока возникает в связи с двумя причинами. С одной стороны, как показывает материал якутского фольклора, среди архивных и изданных фольклорных текстов имеется большое количество уникальных текстов без вариантов. С другой стороны, уникальные документы вызывают недоверие как научный материал. В связи с этим в настоящей статье нами рассмотрен не вошедший в научный оборот уникальный архивный документ *Эһэ ырыата* «Медвежья песня» с точки зрения его научной достоверности, подлинности.

По ходу работы в первую очередь выяснилась неразработанность понятий «уникальный документ» и «уникат» в филологической фольклористике. Слово «уникальный» специалистами используется как синоним слова «единственный, без вариантов» и не является термином. Что касается второго понятия «уникат», то оно применительно к традиционному фольклору народов Сибири впервые было употреблено музыковедом Ю.И. Шейкиным. Термин выделяет в составе традиционного фольклора слои артефактов – уникатов (интонаций, жанров или инструментов) в рамках «реликтовой нормы фольклора». В рассматриваемом труде в качестве уникатов музыковед выделяет только инструменты (арфу у обских угров, пластичный варган у народов Саян) [Шейкин, 2002: 9]. Уникаты, как указывает автор, могут «оказаться остатками культуры исчезнувшего этноса, которые как бы растворились в новом этническом образовании» [Там же: 8–9]. Тезис Ю.И. Шейкина о многоуровневости фольклорной практики интонационно-акустических культур Сибири, где выделяется слой уникатов, следует уточнить и развить в ходе дальнейших исследований уникальных фольклорных записей народов Сибири и Дальнего Востока, в том числе текста *Эһэ ырыата* «Медвежья песня». Это станет возможным, если будет составлен перечень «уникальных записей» и «уникатов» фольклора народов Сибири и Даль-

него Востока, и они будут введены в научный оборот и практическое исследование.

Кроме того, следует думать о терминологическом использовании словосочетания «уникальный документ», «уникальная запись» в рамках сибирской фольклористики. При этом целесообразно использовать наработанный опыт архивоведов, выделивших критерии уникальных фольклорных документов. В архивоведении уникальный документ – это «особо ценный документ, не имеющий себе подобных по содержащейся в нем информации и (или) внешним признакам, невосполнимый при утрате с точки зрения его значения и (или) автографичности» [УНИКАЛЬНЫЙ ДОКУМЕНТ, 2009]. Такой документ архивистами включается в Государственный реестр особо ценных документов и должен соответствовать целому ряду критериев[1]. Среди них: 1) древность документа, 2) отношение документа к историческому событию, 3) отношение документа к исторической личности, 4) юридическое значение документа, 5) художественные и оформительские особенности документа. Эти критерии применяются, как указано в приказе, лишь при условии соответствия документа еще четырем критериям: подлинности, бесспорности культурно-исторической значимости, публичности и высокой материальной ценности. Первый критерий – древность документа – является самодостаточным и не требует применения каких-либо других критериев. Четыре следующих критерия (подлинности, бесспорности культурно-исторической значимости, публичности и высокой материальной ценности) должны применяться, что также обозначено в приказе, в совокупности ко всем остальным документам, не отнесенным к древним, но относящимся хотя бы к одному из последующих четырех критериев: отношение документа к историческому событию, отношение документа к исторической личности, юридическое значение документа, художественные и оформительские особенности документа, каждый из которых применяется лишь в совокупности с группой предыдущих четырех критериев.

В итоге отметим, что уникальная запись не может обладать таким свойством, как вариативность. Поэтому постулирование вариативности как обязательного признака устного текста приводит к недооценке безвариантных текстов как объекта исследования, что нежелательно при изучении фольклора народов Сибири. Существенное значение будут иметь составление перечня уникальных текстов и уникатов, имманентный анализ каждого произведения, исследование последнего в жанровом, мировоззренческом и историческом контекстах, а также в сравнительно-типологическом аспекте.

V. Заключение. Рассмотрение рукописи *Эһэ ырыата* «Медвежья песня» в контексте истории издания и изучения «личных» песен антропоморфных героев продемонстрировало, что песня, уникальная в содержательном плане, укоренена в системе якутского фольклора и, являясь «личной» песней медведя, принадлежит к типу народных песен *ырыа* с маркером «Я», которые еще не стали предметом специального исследования.

Проведенное текстологическое описание текста песни прежде всего показало научную достоверность фольклорной записи устного текста. Описание рукописи подтверждает соответствующее оформление паспорта текста, которое требуется при фиксации фольклорного произведения. Так, имеется информация о собирателе, указаны время и место фиксации фольклорного произведения, даны сведения об информаторе. Кроме того, запись снабжена примечанием и словарем. Запись документирована и хранится в научном архиве.

Во время первой научной экспедиции Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН знаменитый фольклорист С.И. Боло, в задачи которого не входил сбор песенного материала, зафиксировал уникальную песню *Эһэ ырыата* «Медвежья песня» у известного устного певца И.Г. Иванова. Эта песня имеет аналогии с медвежьими песнями угро-самодийских народов и может быть изучена не только имманентно, в мировоззренческом и историческом контекстах, в сравнительном плане, но и как уникат, как один из артефактов «самодийского следа в якутской культуре» [Бравина, 2020], несмотря на то, что она записана в един-

[1]Основные критерии определения уникальных документов // Приказ Росархива от 09.10.2001 № 75 «Об утверждении Регламента Государственного реестра уникальных документов Архивного фонда Российской Федерации и организации работы по его созданию». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_97749 (дата обращения: 18.07.2022)

ственном варианте. Полагаем, нам удалось доказать научную достоверность уникального документа *Эһэ ырыата* «Медвежья песня».

Список литературы:

Бравина Р.И. Самодийский след в якутской культуре // Народы и культуры Северной Азии в контексте научного наследия Г.М. Василевич: Сборник научных статей. Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2020. С. 102–106.

Васильев Г.М. Живой родник: об устной поэзии якутов. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1973. 115 с.

Иванова Т.Г. Специфика фольклористической текстологии // Русский фольклор: Научные издания. Т. 26. Проблемы текстологии фольклора. Л.: Наука, 1991. С. 5–21.

Кузьмина Е.Н. Основные научные принципы публикации фольклорных произведений (на материале томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока») // Сибирский филологический журнал. 2017. № 1. С. 5–12.

Кузьмина Е.Н. Современная методология в издании фольклорных произведений // I Сибирский форум фольклористов: Тезисы докладов. Новосибирск: Академиздат, 2016. С. 26–27.

Лихачев Д.С. Составление научных описаний рукописей // Текстология: на материале рус. лит. X–XVII вв. Л., 1983. С. 110–124.

Мухоплёва С.Д. Олонхо «Юрюнг Юёдюйээн, имеющий трех сестер-красавиц Айыы»: от устного бытования до издания // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 1/2 (44). С. 143–145.

Мухоплёва С.Д. Песни фито- и зооморфных тотемов и вопросы субъектного синкретизма // Природа и культура: Материалы межд. научной конференции: в 2-х ч. Якутск: Изд. Дом СВФУ, 2012. Ч. 1. С. 141–145.

Мухоплёва С.Д. Якутские народные обрядовые песни (система жанров). Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская изд. фирма, 1993. 112 с.

Принципы текстологического изучения фольклора: Сб. ст. [Отв. ред. Б.Н. Путилов]. М.–Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1996. 303 с.

Пропп В.Я. Текстологическое редактирование записей фольклора // Русский фольклор. Материалы и исследования. Вып. 1. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 196–206.

Путилов Б.Н. Современная фольклористика и проблемы текстологии // Русская литература. 1963. № 4. С. 100–114.

Пухов И.В. Традиционное и новое в песнях Екатерины Ивановой // От фольклора к литературе: Статьи о фольклоре и литературе. Якутск: Кн. изд-во, 1980. С. 95–121.

Смирнов Ю.И. Достоверность фольклорного текста // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока: Сборник научных трудов. Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1991. С. 6-22.

Текстологическое изучение эпоса: Сб. ст. [Отв. ред. В.М. Гацак, А.А. Петросян]. М.: Наука, 1977. 231 с.

УНИКАЛЬНЫЙ ДОКУМЕНТ // Словари и энциклопедии на Академике. 2009. URL: https://clerical_work.academic.ru (дата обращения: 18.07.2022)

Шейкин Ю.И. История музыкальной культуры народов Сибири: Сравнительно-историческое исследование. М.: Вост. лит., 2002. 718 с.

Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. М.: Наука, 1974. 403 с.

Якутские народные песни. Ч. 1. Песни о природе. Якутск, Кн. изд-во, 1976. 230 с.

Якутские народные песни. Ч. 2. Песни о труде и быте. Якутск: Кн. изд-во, 1977. 422 с.

Muchoplewa Ś.D. „Pieśń bóstwa" jako typ narracji w pieśniach wypowiadanych w imieniu „Ja" bohatera (Przyczynek do typologii gatunków folkloru Ajnów i Jakutów – Sacha). In: Literature Ludowa. 2000. №6 (44). Pp. 49–58.

Словари:

ДСЯЯ 1976 – Диалектологический словарь якутского языка [Сост. П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев]. М.: Наука, 1976. 392 с.

ДСЯС 1995 – Диалектологический словарь языка саха: Дополнительный том [Сост. М.С. Воронкин, М.П. Алексеев, Ю.И. Васильев]. Новосибирск: ВО «Наука», 1995. 296 с.

References:

Bravina R.I. Samodiyskiy sled v yakutskoy kulэture [The Samoyed trace in the Yakut culture]. *Narody i kul'tury Severnoy Azii v kontekste nauchnogo naslediya G.M. Vasilevich: Sbornik nauchnykh statey*. [Peoples and cultures of North Asia in the context of scientific heritage G.M. Vasilevich: Collection of scientific articles]. Yakutsk: the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2020. Pp. 102-106. (In Russian)

Dialektologicheskiy slovar' yakutskogo yazyka. Sostaviteli P.S. Afanas'ev, M.S. Voronkin, M.P. Alekseev [Dialectological Dictionary of the Yakut Language. Complited by P.S. Afanas'ev, M.S. Voronkin, M.P. Alekseev]. Moscow: Science Publ., 1976. 392 p. (In Russian)

Dialektologicheskiy slovar' yazyka Sakha: Dopolnitel'nyy tom. Sostaviteli M.S. Voronkin, M.P. Alekseev, Yu.I. Vasil'ev [Dialectological Dictionary of

the Sakha Language: Additional volume. Complited by M.S. Voronkin, M.P. Alekseev, Yu.I. Vasil'ev]. Novosibirsk: Science Publ., 1995. 296 p. (In Russian)

Ergis G.U. *Ocherki po yakutskomu fol'kloru* [Essays on the Yakut folklore]. Moscow: Science Publ., 1974. 402 p. (In Russian)

Ivanova T.G. Spetsifika fol'kloristicheskoy tekstologii [The specifics of folklore textology]. *Russkiy fol'klor: Nauchnye izdaniya. Tom 26. Problemy tekstologii fol'klora* [Russian folklore: Scientific publications. Volume 26. Problems of textual criticism of folklore]. Leningrad: Science Publ., 1991. Pp. 5–21. (In Russian)

Kuz'mina E.N. Osnovnye nauchnye printsipy publikatsii fol'klornykh proizvedeniy (na materiale tomov serii "Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka") [The main scientific principles of the publication of folklore works (based on the volumes of the series "Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East")]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal* [Siberian Philological Journal]. 2017. № 1. Pp. 5–12. (In Russian)

Kuz'mina E N. Sovremennaya metodologiya v izdanii fol'klornykh proizvedeniy [Modern methodology in the publication of folklore works]. *I Sibirskiy forum fol'kloristov: Tezisy dokladov* [First Siberian Forum of Folklorists: Abstracts]. Novosibirsk: Academic Publ. house, 2016. Pp. 26–27. (In Russian)

Likhachev D.S. Sostavlenie nauchnykh opisaniy rukopisey [Compilation of scientific descriptions of manuscripts]. *Tekstologiya: na materiale rus. lit. X-XVII vv.* [Textology: on the material of Russian literature of the 10-17th centuries]. Leningrad, 1983. Pp. 110-124. (In Russian)

Muchoplewa Ś.D. *„Pieśń bóstwa" jako typ narracji w pieśniach wypowiadanych w imieniu „Ja" bohatera (Przyczynek do typologii gatunków folkloru Ajnów i Jakutów – Sacha)* ["Song of the deity" as a type of narration in songs spoken on behalf of the hero's "I" (Contribution to the typology of genres of Ainu and Yakut folklore – Sakha). *Literature Ludow*a [Folk Literature]. 2000. № 6 (44). Pp. 49-58. (In Poland)

Mukhopleva S.D. Olonkho "Yuryung Yuyëdyuyeen, imeyushchiy trekh sester-krasavits Aiyy": ot ustnogo bytovaniya do izdaniya [Olonkho "Yuryung Yuedyueen, having three beautiful sisters Aiyy': from oral existence to publication]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Theory and practice]. 2015. № 2-1 (44). Pp. 143-145. (In Russian)

Mukhopleva S.D. Pesni fito- i zoomorfnykh totemov i voprosy sub"ektnogo sinkretizma [Songs of phyto- and zoomorphic totems and questions of subjective syncretism]. *Priroda i kul'tura: Materialy mezhd. nauchnoy konferentsii: v 2-kh ch.* [Nature and culture: Materials int. Scientific conference: In 2 parts (Yakutsk, June 13–15, 2012).]. Yakutsk: NEFU Publ., 2012. Part 1. Pp. 141-145. (In Russian)

Mukhopleva S.D. *Yakutskie narodnye obryadovye pesni (Sistema zhanrov)* [Yakut folk ritual songs (system of genres)]. Novosibirsk: Science Publ., Siberian publ. comp., 1993. 112 p. (In Russian)

Printsipy tekstologicheskogo izucheniya fol'klora: Sb. st. Otvetstvennii redaktor B.N. Putilov. [Principles of textual study of folklore: Collection of articles. Managing editor B.N. Putilov]. Moscow-Leningrad: Science Publ., Leningrad branch, 1996. 303 p. (In Russian)

Propp V.Ya. Tekstologicheskoe redaktirovanie zapisey fol'klora [Textological editing of folklore records]. *Russkiy fol'klor. Materialy i issledovaniya* [Russian folklore. Materials and research]. Issue 1. Moscow-Leningrad: Publ. of the Academy of Sciences of the USSR, 1956. Pp. 196-206. (In Russian)

Putilov B.N. Sovremennaya fol'kloristika i problemy tekstologii [Modern science of folklore and problems of textology]. *Russkaya literature* [Russian Literature]. 1963. № 4. Pp. 100-114. (In Russian)

Pukhov I.V. Traditsionnoe i novoe v pesnyakh Ekateriny Ivanovoy [Traditional and new in the songs of Ekaterina Ivanova]. *Ot fol'klora k literature: Stat'i o fol'klore i literature* [From folklore to literature: Articles about folklore and literature]. Yakutsk: Book. Publ., 1980. Pp. 95–121. (In Russian)

Smirnov Yu.I. Dostovernost' fol'klornogo teksta [Reliability of the folklore text]. *Fol'klornoe nasledie narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka: Sbornik nauchnykh trudov* [Folklore heritage of the peoples of Siberia and the Far East: Collection of scientific works]. Yakutsk: YSC SB RAS, 1991. Pp. 6-22. (In Russian)

Sheykin Yu.I. *Istoriya muzykal'noy kul'tury narodov Sibiri: Sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie* [History of the Musical Culture of the Peoples of Siberia: A Comparative Historical Study]. Moscow: Eastern Literature, 2002. 718 p. (In Russian)

Vasil'ev G. M. Zhivoy rodnik: ob ustnoy poezii yakutov [The living fountain: about the oral poetry of the Yakuts]. Yakutsk: Yakutsk Publ., 1973. 115 p. (In Russian)

Tekstologicheskoe izuchenie eposa: Sb. st. [Textological study of the epic: Collection of articles]. Managing editors V.M. Gatsak, A.A. Petrosyan. Moscow: Science Publ., 1977. 231 p. (In Russian)

UNIKAL'NYY DOKUMENT [UNIQUE DOCUMENT]. Dictionaries and encyclopedias at Academician. 2009. URL: https://clerical_work.academic.ru (date of access: 18.07.2022)

Yakutskie narodnye pesni. Ch. 1. Pesni o prirode. [Yakut folk songs. Part 1. Songs about nature] Yakutsk: Book Publ., 1976. 230 p. (In Yakut and Russian)

Yakutskie narodnye pesni. Ch. 2. Pesni o trude i byte [Yakut folk songs. Part 2. Songs about work and life]. Yakutsk: Book Publ., 1977. 422 p. (In Yakut and Russian)

S.D. Mukhopleva

Manuscript of the Yakut Folk Song *Ehe Yryata* “Bear Song” as a Unique Document

Scientific novelty. The article for the first time provides a scientific description of the folk song manuscript which was recorded by the folklorist S.I. Bolo during the Vilyui expedition in 1938 and has not yet entered into scientific circulation. A textual description and study of the history of the creation of an archival document is an absolute necessity due to the fact that the text of a song in the folklore system of the peoples of Yakutia is a unique document. *The aim* of the article is devoted to the development of one textual problem of folklore, in connection with which the author had a specific aim – to show the scientific authenticity of the unique document under study through its scientific description. Because of this, the meaningful part of the handwritten text of *Ehe Yryat* “Bear Song” is only touched upon by us. *The tasks* included considering the issues of publishing and researching the songs of anthropomorphic heroes, posing the problems of the genre of the bear song, the uniqueness of the song text in the system of Yakut folklore, determining the need for subsequent immanent analysis of the song text with its parallel study in the ideological and historical contexts, as well as in a comparative typological context aspect. *Research methods*. The textual description of the folk song manuscript was carried out according to the scheme developed on the basis of the algorithm of scientific description by D.S. Likhachev. The research methodology was first applied in the study of handwritten self-recordings of Olonkho. Differing in the content aspect, the analyzed song text is simultaneously included in the general group of songs of anthropomorphic heroes (folk songs with the marker “I”). This allowed us to consider the text in the context of the history of publication and research of this category of songs.

Results. It has been established that the manuscript of the song is a reliable, well-documented record of the verbal text of the folk song. *Ehe Yryata* “Bear Song”. The song has no analogues in its content in the system of folklore of the peoples of Yakutia, but is of great value for research as a unique text. The song is one of the varieties of “personal” songs of anthropomorphic heroes.

Keywords: reliability of sources, Vilyui Expedition, S.I. Bolo, bear songs, “personal” songs of anthropomorphic heroes, contextual approach, scientific description of manuscripts

А.С. Жулева

DOI: 10.25693/SVGV.2022.40.3.0011
УДК 821.551.1

Антропоморфные образы в творчестве чукотского писателя Юрия Рытхэу

Новизна работы определена выявлением на материале прозы чукотского прозаика Юрия Рытхэу антропоморфизма как формы организации мысли и способа отношения к действительности. Впервые комплексно рассмотрены вопросы, связанные с отражением и трансформацией антропоморфизма в его произведениях.

Цель исследования – на основе углубленного текстуального анализа произведений Юрия Рытхэу выявить специфику антропоморфных образов с привлечением мифо-фольклорных, этнокультурных, философских и психологических знаний о культуре чукчей. *Основные задачи*: выявить генезис и социально-философское содержание антропоморфных образов в прозе Ю. Рытхэу; осуществить анализ биографического и автобиографического материала, связанного с мировидением и представлениями об антропосе и антропологизме; выявить в прозе Рытхэу степень присутствия и характер художественно-эстетического и бытового (практического) антропоморфизма; определить роль и значимость антропоморфизма в становлении художественности младописьменной литературы.

© Жулева А.С., 2022

Литературные образы, мотивы, сюжеты, проникнутые мифопоэтикой, содержат признаки тотемизма, зооморфизма, в них присутствует оборотничество – животные превращаются в человека, человек – в животное. Отмечено, что обращение к мифологическим образам, в том числе антропоморфным, было характерно для творчества Юрия Рытхэу в разные творческие периоды.

Методы исследования. Для достижения поставленной цели и решения задач использован комплексный подход, включающий в себя системный и структурно-семантический методы, а также методология смежных наук, в частности, этнологии, философии, эстетики и психологии.

Результаты. В ходе исследования выявлено, что в произведениях присутствует значительное количество антропоморфных объектов и персонажей, прежде всего это тотемные животные, птицы-трикстеры, оборотни. Литературные образы, мотивы, сюжеты, проникнутые мифопоэтикой, содержат тотемизм, зооморфизм, оборотничество животных и человека. Отмечено, что обращение к мифологическим образам, в том числе антропоморфным, было в разные периоды одним из ключевых приемов творчества чукотского писателя. Созданные разнообразные антропоморфные образы являются результатом сознательного и бессознательного трансформирования автором чукотских мифов, легенд и фольклора, а также обрядов, ритуалов.

Ключевые слова: чукотская литература, Юрий Рытхэу, мифопоэтика, антропоморфные образы, оборотничество, чукотское мировидение

I. Введение. В истории человеческого познания антропоморфизм прошел разные этапы, в частности, вместе с метафизикой он в догматическом марксизме «оттеснялся» в далекое историческое прошлое как архаическое сознание, связанное с мифологией и религией, хотя присутствие его в искусстве, в том числе и в литературе не подвергалось сомнению. Но исследование его не поощрялось.

Антропоморфизм в младописьменных литературах народов Севера не только определен мифологическими воззрениями в далеком прошлом народов, но является «действующим» в различной степени активности, присущим как коллективному сознанию, так и индивидуальному сознанию авторов литературных произведений. Антропос (лат. anthropos) – человек, оравэтльан (чукотское название человек – А.Ж.), по мнению Э. Кассирера (1998) и С. Кьеркегора (1993), – базисная категория, лежащая в основании системы представлений о природе, обществе, культуре, бытии и истине.

Проблемы, связанные с восприятием окружающего мира, спецификой выстроенной человеком картины мира актуальны и значимы как для постижения эволюции духовного первочеловека, так и для раскрытия содержания и художественности произведений младописьменной чукотской литературы. Поиск путей решения указанных проблем осуществляют как литературоведы и философы, так и этнологи, фольклористы. В частности, обозначены теоретико-методологические принципы исследования мифологизма и антропоморфизма в работах российских исследователей А. Афанасьева (1996), В. Богораза (1939), М. Бахтина (1979), А. Веселовского (1989), Е. Мелетинского (1998) и зарубежных – Р. Кайуа (2007), Э. Каннети (1998).

В последние годы также наблюдается формирование новой исследовательской парадигмы мифологизма и фольклоризма в становлении национальных литератур. Речь идет о том, что исследовательская мысль все больше стремится в глубины неявного, скрытого мифологизма и фольклоризма, стремясь уточнить сложность и многообразие их жизни в литературе. Это имеет важное значение в осмыслении процессов становления, истоков формирования образной системы, в раскрытии мировидения автора и героев, в понимании уникальной этнокультуры. Так, о поэтике сопряжения мифологизма и художественного слова пишет К. Султанов в книге «Угол преломления»: «Принцип смысловой многозначности безыскусного слова сказывается во всей системе художественной образности, изобразительных средств» [Султанов, 2019: 15]. Творческому переосмыслению и художественно-смысловой реорганизации фольклорно-мифологических источников в литературах народов Севера посвящена работа Ю.Г. Хазанкович «Эпические традиции в прозе коренных малочисленных народов Арктики». Исследователь приходит к выводу: «именно в фольклоре и мифологии были разработаны зачатки изображения характера, выработан особый стиль

конфликта, которые впоследствии вошли в арсенал зарождающейся литературы северных народов» [Хазанкович, 2019: 109].

Наша работа посвящена решению следующих вопросов на материале раннего и позднего творчества Юрия Рытхэу: каким образом воплощена в текстах своеобычная связь с чукотскими первообразами, отражена взаимозависимость природы и человека, макрокосма и микрокосма, свойственные мифологическому сознанию чукотского народа? как традиционные антропоморфные представления экстраполируются на окружающую среду в процессе создания образов, реализации мотивов и раскрытия тем в художественных произведениях Юрия Рытхэу?

Теоретическая значимость исследования состоит в апробации методики исследования антропоморфизма в новописьменных и младописьменных литературах, постижения специфики художественного антропоморфизма и мировидения автора и героев. Никогда ранее эта проблематика не была объектом изучения. *Практическая значимость исследования:* полученные результаты могут быть использованы в работах, посвященных изучению как чукотской литературы, так и других литератур народов Севера. Они также могут способствовать ревитализации их языков и культур.

II. Материалы и методы. В ходе исследования для достижения поставленной цели и решения задач использован комплексный подход, включающий в себя системный и структурно-семантический методы. В связи с тем что обращение к проблеме антропоморфизма в определенной степени смещает акцент изучения во внетекстовую реальность, обращение к нему требует выход на этнологию, философию, эстетику, психологию. Это позволит выявить глубину содержания и проследить эволюцию художественного сознания, этническую ментальность северного народа в произведениях чукотского писателя.

Работа проведена на материале произведений Ю. Рытхэу: повестей (современные легенды) «Когда киты уходят» и «Тэрыкы», романов «Сон в начале тумана», «Последний шаман» и «Скитания Анны Одинцовой», а также очерков и рассказов книги «Дорожный лексикон».

III. Результаты. Творчество Юрия Сергеевича Рытхэу (1930–2008) – животворный источник мировоззренческих представлений северного народа о себе и мире. Родившийся в чукотском селении Уэлен, где морские зверобои еще в 30-е – начале 40-х гг. XX в. жили в основном по законам патриархально-родового сообщества, были верны вековым традициям и обычаям, будущий писатель формировался под влиянием архаической духовной культуры, не без воздействия шаманизма, хорошо знал мифы и фольклор народа.

Этнофилософскими и традиционными чукотскими представлениями о человеке Рытхэу поделился в очерке-размышлении под названием «Человек» в своей последней книге «Дорожный лексикон» (2010). В этом своеобычном по форме и художественному стилю написанном в духе постмодернизма произведении «чукотский писатель» расположил тексты в алфавитном порядке. Оригинальный литературный проект писатель предварил небольшим предисловием, содержащим авторское намерение рассказать о своем народе, о собственном видении большого многообразного мира. Рытхэу его закончил, но не успел подготовить к изданию. Это сделали сотрудники редакции журнала «Звезда», и книга вышла через два года после ухода из жизни автора.

Выстроенные на смешении авторского сознания с сознанием героя-рассказчика, на пересечении настоящего с прошлым, видимого с потаенным рассказы, очерки-портреты в «Дорожном лексиконе» представляют читателю картины жизни чукотского народа в историческом развитии бытия. Автор, выражая собственное отношение к истории, традициям, устному народному творчеству, создал своеобразные литературные образы порой очеркового типа, нередко обращаясь к уже имеющимся в других своих произведениях описаниям, фрагментам.

В своих размышлениях об антропосе Рытхэу обратился к чукотскому языку, в котором человек назван древним словом «оравэтльан», что дословно переводится как «визуально отдельно стоящий». Так, по его мнению, его народ издревле выделил себя из окружающей природы. «Отъединение прежде всего началось с видения себя как бы со стороны, идущим по ровной, снежной пустыне. От остальных живых существ человек отличался тем, что шел прямо, на двух ногах, резко выделяясь именно тем, что что его можно увидеть даже на расстоянии. А когда он прекращал движение, становилось совершенно очевид-

но, что это существо, особое при всей тесной принадлежности к природному миру, уникальное и его невозможно принять за что-нибудь другое, тем более за представителя животного мира арктической тундры» [Рытхэу, 2010: 433]

Размышляя о человеке, Рытхэу выделил чукотское слово «лыгъоравэтльан» (нередко бытует в написании на русском языке луоравэтльан) – таково самоназвание его народа. Добавленный префикс -лыги- означает «истинный», «настоящий». Писатель предположил, что имеющиеся в чукотском фольклоре разнообразные перевоплощения – это способ скрыть сущность «лыги».

«Очеловечивание», антропоморфизм как первоначальная форма мировоззрения, стало одним из способов рождения в сознании человека упорядоченного мира из первобытного Хаоса времен творения. Антропоморфизм, синкретизм человека и природы нашли достойное место в произведениях Рытхэу. У чукчей есть понятие «Наргынен» – это своеобразный символ природы, объединяющий окружающее пространство, являющийся отражением восприятия мира чукчами древнего времени и сохранившийся в сознании современников благодаря традициям, ритуалам и обычаям, фольклору, мифам и преданиям. Рассматривая «затемненный внутренний смысл» древних преданий, мифолог, фольклорист и этнограф А.Н. Афанасьев писал об аналогичных сближениях мифических проявлений, которые отразились и в языке, и в мифе, «ибо тот и другой создавались в одно время». По его мнению, в доисторическую эпоху образования языка все предметы и явления человек называл по тем впечатлениям, какие они возбуждали в его душе своими наиболее наглядными и характеристическими признаками (свойствами и действиями): всякое понятие поэтому пластически обрисовывалось словом как верным и метким эпитетом. Но различные предметы и явления природы легко могут быть сходны по некоторым своим признакам и воздействовать на чувства одинаково. В связи с этим человек «стал сближать их в своих представлениях и даже придавать им одно и то же название, по крайней мере, названия, производные от одного и того же корня» [Афанасьев, 1996: 144].

В сюжет романа «Сон в начале тумана» Рытхэу включает целый ряд эпизодов с описанием чукотских обрядов, наполненных мифологическим материалом, свидетельствующим о единении человека и природы и об антропоморфизме. В одном из них предстает существующий и поныне в жизни чукотского народа способ благодарности за щедрость морскому владыке и извинения перед добытым (убитым) морским зверем.

Жена охотника Токо, одного из героев романа, увидев его приближающимся с добычей, набирает в ковш воды, непременно со льдинкой, и торжественно выходит навстречу мужу. Подойдя к яранге, Токо берет из рук жены ковш и льет воду на морду тюленя, как бы давая ему напиться после долгой и утомительной дороги. И только после этого долго с наслаждением пьет сам. И как бы ему ни хотелось пить, охотник последнюю воду вместе со льдинкой выплескивает в сторону моря в благодарность за его щедрый дар. Автор отмечает перемены в настроении и поведении персонажа: «После этого обряда Токо из важного лица, преисполненного сознанием своей значительности, снова превращался в того, каким он всегда был, и подробно отвечал на вопросы встречавших о состоянии льда, о направлении ветров и течениях в Ледовитом океане». В основе данной ситуации лежит явление, которое философ Р. Кайуа в работе «Игры и люди» [Кайуа, 2007: 254] определил как «миметизм» – способность человека, в данном случае охотника Токо, стать иллюзорным персонажем, который на время забывает, отбрасывает свою собственную личность и притворно приобретает чужую. По мнению Р. Кайуа, так проявляется стремление человека стать неузнанным, а также получить радость от удачного собственного маскарада.

В романе, написанном уже спустя десятилетия, Рытхэу остался верен художественно-эстетическому антропоморфизму, например, представил читателю яркую картину восприятия природы родного края героем, длительное время отсутствовавшим на Чукотке, пребывавшим в дальних краях. Млеткин, герой романа «Последний шаман», вынужденный долго скитаться по странам и континентам, вернулся на Чукотку и тревожится, способен ли он снова ощущать себя неотъемлемой частью этого пространства, появится ли у него как бывшего шамана умение «слышать внутренним слухом волшебную музыку и Голос Свыше, когда слова выстраиваются в звучные строки, складываются в Священные Песнопения». Млеткина раду-

ет, что его вспомнила вещая птица Ворон, не покидающий тундру на зиму: он встречает возвратившегося героя своим карканьем. Герой обращается к окружающему пространству с просьбой-заклинанием: «Пусть снова войдет в душу мою / Все, что вокруг меня / Как часть моя, как суть моя / И милость Высших Сил» [Рытхэу, 2010: 386].

Внутренний восторг и слезы умиления наполняют Млеткина, и он чувствует, «как в него заново входит чувство единения с природой, неведомая сила, с помощью которой он мысленно может облететь огромные пространства родной земли» [Рытхэу, 2010: 389].

Диалог сознаний автора и героев, на котором строится мир произведений Рытхэу, обнаруживает как личностное, так и надличностное содержание, извлеченное из исторического, культурного, национального опыта и традиционных ценностных ориентиров и представленное в виде независимой и вполне самостоятельной точки зрения вымышленных персонажей. В произведениях убедительно показана принадлежность автора миру, сформированному в определенном культурном семиотическом пространстве. Рытхэу и другие чукотские создатели уникальной литературы, пребывая в семиосфере своей культуры, хранящей историческую память и выражающей онтологические универсальные смыслы, постоянно ведут диалог с языком этой культуры и в первую очередь – на ее языке, утверждая свой особый взгляд на вещи. Обосновывая взгляд на литературно-художественное творчество как продукт взаимодействия и результат отношения человека к сложившимся в национальной культуре смыслам и ценностям, к устному народному творчеству, можно сказать, что особенности культуры как памяти наглядно проявляются на примере мифов и фольклора.

Юрий Рытхэу в очерке-рассказе «Кит» из книги «Дорожный лексикон» кратко обозначает, сославшись на чукотскую легенду, роль морского великана в происхождении прибрежных жителей от кита Рэу и первоженщины Нау, родившей сначала китят, которые росли в лагуне, а потом – человеческих детей.

На основе этой древней легенды писатель создал еще в начале творческого пути современную легенду «Когда киты уходят», в которой представил основанную на космогонических мифах о тотемизме воображаемую историю происхождения чукотских прибрежных жителей, в которой художественно обосновывается запрет на китовую охоту, дифференцированное отношение к этому виду животных-прародителей.

Определяя тотемизм и тотемические запреты, Леви-Стросс писал, ссылаясь на Фортеса, о том, что некоторые из животных образуют промежуточную категорию между сакральными животными или видами животных и тотемами. Запрет же на уничтожение мог быть обоснован географически локализованно и символизировал силу земли, которая может быть благотворной или вредоносной, а также верой в то, что предки и их человеческие потомки и животные объединены территориальной связью. Он предполагал, что географически локализованными по силе воздействия представлялись в прошлом и водные просторы, в которых обитали киты [Леви-Стросс, 2008].

Это предположение словно подтверждают воспоминания Рытхэу о детстве, прошедшем на побережье Ледовитого океана в рассказе очеркового типа «Море» в «Дорожном лексиконе». Автор, размышляя о сложных взаимоотношениях человека и моря, раскрывает зависимость от анкы (моря). От его щедрот и поведения зависела жизнь чукотского и эскимосского народа. Населяя его мысленно духами, обращались к ним за хорошим уловом и добычей морского зверя. Вспоминая собственное участие в обряде «кормления» моря, во время которого он слышал немало заклинаний, Рытхэу рассказывает о собственном удивлении казавшимися ему, ученику Уэленской школы, странными поступками взрослых. Он отмечает, что в детской душе появилось «некое трепетное, боязливое благоговение перед непостижимо могущественными силами, которые таились в морских пучинах» [Рытхэу, 2010: 216]. Запомнился с детских лет и страх перед морем, его таинственными хозяевами из-за традиции не спасать тонущих. Попавший в воду человек и даже несколько людей в пробитой клыками моржей байдаре не могли надеяться на то, что их кто-то бросится спасать, поскольку они стали жертвой Моря, у которого нельзя отбирать добычу. Унесенный на льдине в открытое море и долго отсутствующий человек также постепенно становился жертвой моря,

превращался в оборотня. На основании мифов и легенд об оборотнях Рытхэу написал вторую современную легенду «Тэрыкы». В первой современной легенде «Когда киты уходят» происхождение прибрежных чукчей основано на брачном союзе жившей в одиночестве на морской косе дочери солнца и любовавшегося ею приплывавшего ежедневно кита, который однажды предстал красавцем-мужчиной.

Мотив оборотничества, как известно, соотносится с архаической концепцией «взаимообратимости» всех сторон и проявлений действительности. Для потустороннего (т. е. относящегося к иной, обратной стороне) хтонического, запредельного мира характерна «оборотность – противоположность, начиная от ритма времени (день-ночь). Поворотами отмечается рубеж между мирами. В современной легенде «Тэрыкы» Рытхэу представил драму, связанную с обратным оборотничеством. Обратное превращение в чукотской мифологии, а также в мифологиях многих народов считается опасным, поскольку делает оборотня неуловимым, владеющим страстью к последующим повторениям. Каннети отметил: «Учащение обратных превращений ведет к редукции мира» [Каннети, 1988: 496]. В связи с этим появился у многих народов запрет и осуждение превращения. Позволительно это таинственное действо было только избранным, у чукчей – шаманам. Строжайший запрет накладывался на обратные превращения, его опасность многообразно подчеркивалась. В повести «Тэрыкы» мотив запрета на обратное превращение заложен в основу развития сюжета. Главный герой, оказавшись на отколовшейся от припая льдине, почти полгода боролся со всеми трудностями выживания в экстремальных условиях. Победив невзгоды, во многом благодаря любви и желанию встретиться с молодой женой, охотник Гойгой оказался на берегу около родного стойбща, но не рискнул появиться в нем, поскольку превратился в звероподобное существо. Он стал оборотнем-жертвой.

В качестве эпиграфа к «Тэрыкы» Юрий Рытхэу выбрал слова из старинной чукотской легенды: «И тогда отчаявшийся и измученный, потерявший человеческий облик несчастный, унесенный на льдине в море, превращается в тэрыкы – покрытого шерстью оборотня» [Рытхэу,1983: 516].

Писатель создал собственный вариант превращения охотника в оборотня. Больше того, творчески воссоздал продолжение: герою-оборотню удалось вернуться в свое стойбище. Старинная легенда о тэрыкы пришла к молодому охотнику Гойгою, главному персонажу произведения Рытхэу, во время длинных зимних «пуржистых» вечеров и ночей, когда слушал сказителей и певцов. Герой вспоминает, что слышал немало ночных сказаний, в которых звери и птицы ведут человеческий образ жизни. Гойгоя с детства поразил до глубины души сказ о тэрыкы (оборотнях), бывших людях, превратившихся в волосатых звероподобных чудовищ. Воздействие на него этой сказки, в которой было много страшных подробностей, оказалось настолько впечатляющим, что он стал видеть оборотня в сновидениях и даже на охоте лахтак (тюлень) порой казался ему человеком.

Оборотничество стало лейтмотивом произведения, его движущим началом. Оно постоянно присутствует в мыслях и разговорах как ожидающих возвращения с охоты Гойгоя братьев и его молодой жены Тин-Тин, так и в размышлениях борющегося за жизнь на льдине с весны до осенних заморозков Гойгоя. Как основной структурный элемент текста оно повторяется и создает интонацию предчувствия трагических событий, является способом характеристики персонажей, содержанием их переживаний. Оно варьируется и видоизменяется, становится для писателя лейтмотивом.

Само произведение «Тэрыкы» написано в духе чукотских устных народных произведений, в которых нередко сочетаются проза и стихи. В устной традиции народного художественного творчества чукчей, как и многих других народов Севера, взаимодействовали, перемежаясь, пение и рассказ, но превалировало и было изначальным пение, которое богато «поэтическими формулами», «нервными узлами» (А. Веселовский) и пробуждает ряды определенных образов. Устное творчество, являясь богатейшим историческим памятником, вдохновляло Рытхэу на использование мифологических и фольклорных мотивов и образов. Следует отметить, что в чукотских мифах и сказках присутствует антропоморфное обратное и прямое оборотничество не только представителей животного мира, но и небесных светил и явлений, стихий, а также воображаемых

сущностей. Так, в сказке «Шаман Кыкват» из записей В.Г. Богораза 1900 года в человеческом облике предстает кэле, злой дух, приносящий людям болезни. Он оборачивается добрым путником, который обманным путем насылает болезнь, съедает в первую очередь душу. Страх кэле испытывает только перед шаманом, который может распознать оборотня. Используя хитрость и фантазию, шаман Кыкват спасает селение от кэле и помогает тем, кто заболел, попав в сети злодея, но сумел сохранить душу.

Опираясь на мифологические и фольклорные образцы традиционной этнической антропоморфности в своих произведениях, Рытхэу не фетешизирует «естество» животных, не преклоняется перед ними, он открывает себе и другим забытую тесную связь, требующую возрождения, пробуждения самого себя. Благодаря сопричастности с иным существованием получает новую емкость в его произведениях и образ человека, литературного персонажа. Неслучайно Кассирер писал, что непрерывность и феномен человека подчиняется тем же законам, которым подчиняется общий процесс органической жизни», то есть эволюция человека продолжает закономерные процессы развития природного мира. Определяя качества антропоса-человека, исследователь утверждал, что поскольку способности и инстинкты свойственны и животному миру, то определять основы человеческого бытия можно через деятельность. По мнению Кассирера, от всех других живых существ человека отличает уникальная способность создавать символы.

Мистикой и символами наполнены в произведениях Рытхэу описания ритуальных праздников, связанных с добычей тотемных животных кита и белого медведя. Присутствующие и активно участвующие в этих действиях исполнены веры в мистическое воздействие своих слов и поступков, танцевальных движений. Эти своеобразные праздники наполнены радостью и надеждой. И эти радость и надежда сохранялись в памяти, укрепляя порядок, нравственные установки, благоприобретенные в период дружественного взаимодействия во время ритуалов, состязаний, праздников.

В очерке-рассказе «Медведь» об умке (белом медведе) из «Дорожного лексикона» писатель делится воспоминаниями о своем детстве. Герой-подросток ранним утром «задолго до наступления зимней утренней зари» обходит яранги, чтобы передать приглашение на встречу с важным гостем. В заученных мальчиком словах звучит благоговейное отношение к этому гостю: «Дядя Кмоль приглашает на встречу с могущественным морским владыкой-умкой» [Рытхэу, 2010: 323]. Добывший на охоте спасительного от голода во время жестоких холодов медведя Кмоль приглашал односельчан, чтобы угостить мясом и поделиться добычей, но главное – рассказать об охоте, во время которой находчивость и силу проявил не только охотник, но и белый медведь. Автор описывает ситуацию охоты, во время которой белый медведь предстает как умелый охотник на нерпу. Действия умки, его хитрость, терпение, выбор места, с которого он подползал к проруби, по мнению подростка, наблюдателя и слушателя, совпадали с человеческим способом охоты на нерпу. Удивляет маленького героя то, что многое в рассказе об охоте Кмоля было известно приглашенным, поскольку они сами не раз добывали умку, но все слушали с затаенным вниманием. Причиной же является то, что рассказ предназначался не только присутствующим. Он посвящался духу пострадавшего, убитого охотником белого медведя.

Обряд «встречи желанного гостя» продолжился на следующее утро, когда охотник вместе с подростком отправились вознести хвалу умке и передать угощение его духу. Кусочки вяленого охотничьего мяса, желтого сала были развеяны в сторону востока в сопровождении песнопения-заклинания. Добытчик Кмоль возносил хвалу и благодарение: «О, хозяин ледяных просторов, / Сильнейший среди сильных, / Быстрейший среди быстрых! / Осчастливил ты своим посещением / Мою ярангу / Благодарность тебе возглашаю / И в знак отдаю тебе / Священные дары!» [Рытхэу, 2010: 327].

Благоговейное отношение к белому медведю как к владыке, тотемному зверю задано традициями, сказками, в которых он как персонаж обладает невероятной силой и способностью к оборотничеству. Согласно полевым записям Богораза, чукчи верили, что у белых медведей есть свои поселки на льду в открытом море. Там они занимаются охотой на тюленей и моржей, строят снежные дома, которые освещают жировыми лампами. Их жизнь во всем подобна человеческой. Так, в сказке «Белая медведица» охотника,

оставшегося на оторванной льдине, спасает женщина, которая оказывается позднее белой медведицей. Юноша женится на женщине-оборотне, у которой рождаются мальчик и девочка, которая тоже владеет таинством оборотничества. Позднее и сам охотник, выполняя во время соревнований непосильное задание, сумел превратиться временно в утку.

Особое внимание в целом ряде произведений Рытхэу уделено антропоморфному образу таинственной с его точки зрения птицы – вороны. Он искал разгадку этого сакрального и профанного в чукотском мировидении образа с детских лет, судя по воспоминаниям в книге «Дорожный лексикон». Привлекало его в первую очередь то, что эта птица вела себя противоречиво и необъяснимо, вызывала у окружающих двойственное отношение.

В очерке-портрете «Ворон» писатель прежде всего выделяет сакральную роль птицы в сотворении мира. Согласно чукотской космологии, Ворон не был создателем мирового океана, а выполняя волю «хозяина небес», участвовал в создании земли, заполнении земного пространства, в добывании света. Используя космогонические мифы, легенды и сказки, писатель словами автора-рассказчика кратко излагает ситуацию появления первых солнечных лучей. Автор представил вариант первого жертвоприношения ради сотворения и благоденствия окружающего мира, взятый из жизнеутверждающих мифов. И Пуночка, и Ворон, уподобленные мыслящим и исполняющим добрые дела людям, вошли в число первых чукотских мифологических героев, принесших Рассвет и Солнце. Неслучайно бытует в устной и письменной поэзии чукчей, а также эскимосов метафора, определяющая эти народы, – «Люди Рассвета».

Отмечено, что антропоморфность, двойственность природы ворона, орла, пуночки и других птиц, участвовавших, согласно мифам, в сотворении мира, первоначально проявлялась не в облике, а в поведении. При этом грань между ипостасями человека и животного подчас трудноуловима.

В чукотских сказках ворон изображен в разных ипостасях, его поведение весьма неоднозначно, порой парадоксально. Называемый нередко в мифах, в волшебно-мифологических сказках именем Тэнантомгын (создатель), в сказках о животных, бытовых сказках эта птица предстает под именами Куркыль (Кутх, Кукки) – хитрец, обманщик, плут. Так, в сказке «Лиса и Ворон» жертвой обмана становится сама хитрая обманщица-лиса.

Судя по фольклору, превратившему в трикстера мифологического сакрального ворона, он стал у чукотского народа не только предметом насмешек, но и вызывающим страх персонажем, который способен поражать неожиданным исчезновением у всех на глазах, злоумышленным поведением, нападением. О пугающих превращениях ворона-трикстера у чукчей есть только сказки, а у североамериканских индейцев, например, имеется и множество мифов. В мифах, преданиях, сказках у четырехсот двадцати народов мира ворон выступает то как демиург, то как мудрый учитель и предсказатель, но нередко и как злодей. И хотя мудрость Ворона отмечается широко, в том числе и в античной традиции, проявляется она «преимущественно зловещим образом», в отличие от народов Камчатки, Чукотки и Аляски, в фольклоре которых он еще и трикстер и культурный герой. Рассматривая обширный мифологический «вороний» цикл у этих народов, Е. Мелетинский отметил, что в нем представлен «не только первопредок и демиург, но и «универсальный» медиатор, наделенный чертами культурного героя. Эта всеядная птица, летающая в небе и роющаяся в земле, медиатор между небом и землей, верхом и низом, неперелетная птица – между зимой и летом. В результате дальнейшей мифологизации Ворон оказался «между умом и глупостью (как трикстер – хитрец и шут), между мужским и женским началом (как шаман превращенного пола), между природой и культурой, как всякий культурный герой [Мелетинский, 1998: 185–186].

Обнаруженный Рытхэу удивлявший его раскол, двойственное представление народа о Вороне как мифологическом герое, где он обладает сакральной силой создателей земли и ее обитателей, и фольклорном персонаже – трикстере можно, с одной стороны, объяснить расширением простора человеческой души, уходом от абсолютизации родовых представлений, от резкой разграничительной черты между добром и злом. А с другой – раздвоение оценки Ворона, появление трикстера, возможно, произошло благодаря желанию избавиться от страха. Оборотничество

Ворона, его непредсказуемость, склонность приносить беды нередко наводит страх на героев произведений Рытхэу. Они пытаются найти путь к взаимодействию с ним, не будучи уверенными в положительном исходе. Представляется, что образ Ворона-трикстера прежде всего результат психологической защиты чукчей от «грозного царя» Ворона-первопредка, решение проблемы борьбы со страхом перед суровой птицей. Об этом явлении в первобытном обществе писал Мирча Элиаде. Ворон-трикстер в чукотских сказках – игровое проявление завуалированной борьбы со страхом перед сакральным образом, проявляющимся угрожающе и в реальной жизни. Этот страх, вероятно, и мог стать причиной превращения птицы в трикстера, над которым можно посмеяться, чтобы убрать превалирующий в восприятии тайный страх.

Появившийся в процессе эволюции человека страх оказал значительное влияние на мировоззрение, на формирование целостного восприятия себя и мира. Суть страха рассматривал оказавший значительное влияние на философскую антропологию датский ученый Сёрен Кьеркегор. В работе «Страх и трепет», размышляя о понятии «страх», он разграничил его с понятием «боязнь». По его мнению, страх возник позднее боязни. Страх – это мучительная тревожность, чувство, которое зарождается при появлении догадки о существовании некой силы, обладающей совершенно неведомыми возможностями, а боязнь – это «чувство, испытываемое перед тем, чему мы можем найти конкретную причину» [Кьеркегор, 1993: 9].

Вызывала страх не только сакральность Ворона, но и, как было отмечено, оборотничество, самоуправство, его таинственные действия. В романе «Скитания Анны Одинцовой» шаман Ринто предупреждает об опасности Ворона и о том, что он пребывает в странной дружбе со злыми и опасными подземными духами. По его мнению, подземный хозяин злых духов у озера Элелылы, приходя на поверхность тундры, принимает облик ворона. И его важно распознать, попытаться с ним подружиться, чтобы избежать бед. В другом романе Рытхэу «Сон в начале тумана» шаманка Келена называет воронов «мудрым народом».

Размышления о Вороне автор-рассказчик в книге «Дорожный лексикон» заканчивает своеобразным завуалированным обращением к потомкам продолжить поиск: «Он часто встречается мне в текстах сказаний, его изображения в избытке присутствуют в картинах древних и современных художников, и его именем часто называют новорожденных в тайной надежде, что они унаследуют мудрость этой черной, по-своему красивой птицы» [Рытхэу, 2010: 335].

Таким образом, разнообразные антропоморфные образы – от белого медведя, оборотня до кита, ворона, – пришедшие из чукотских легенд в произведения чукотского писателя Юрия Рытхэу, сохраняют генетическую связь с героем-первообразом, не утрачивают мифологического содержания, но получают авторское художественное переосмысление в контексте сакрального и профанного в культуре аборигенного народа Чукотки.

IV. Обсуждение. Представленная в статье тема трансформации антропоморфизма в творчестве Рытхэу и связанное с ней мировидение авторов и героев в чукотской литературе ранее не была исследована в критике и литературоведении. Исключением являются обсуждения темы в рамках авторских сообщений А.С. Жулевой «Историзм в творчестве чукотского писателя Юрия Рытхэу», «Концептуальная и языковая картины мира в литературах народов Севера». Наша статья одна из первых посвящена такой непростой теме и открывает перспективы ее изучения на материале других литератур народов Севера России.

V. В заключение можно сказать, что, моделируя эстетическую реальность в своих произведениях при поддержке мифологических представлений чукотского народа об антропосе, антропоморфизме и оборотничестве как его разновидности, Рытхэу выстраивал с их помощью новые поэтические стратегии и выбирал своеобразные приемы формирования дискурса, которые внесли значительный вклад в процесс становления чукотской литературы.

Обращение к мифологическим образам, в том числе антропоморфным, стало одним из ключевых в творчестве чукотского писателя. Он нередко раскрывал свои философские воззрения на связь человека с природой. Рытхэу относится к авторам, которые сумели высветить, художественно представить синкретизм человека и природы, эволюционный процесс, жизнепорождающую мудрость чукотского народа.

Проведенное исследование представляет собой один из этапов исследования антропоморфизма в прозе чукотского писателя. Результаты могут быть использованы как для последующих исследований его творчества, так и для изучения антропоморфизма в других новописьменных и младописьменных литературах.

Список литературы:

Афанасьев А.Н. Происхождение мифа. Статьи по фольклору, этнографии и мифологии [Сост., подготовка текста, статья, комментарии А.Л. Топоркова]. М.: Индрик, 1996. 640 с.

Кайуа Р. Дух сект // Игры и люди. Статьи и эссе по социологии культуры. М.: ОГИ, 2007. С. 252–290.

Каннети Э. Превращение. Основные феномены человеческого бытия // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 483–503.

Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Республика, 1993. 109 с.

Леви-Стросс К. Неприрученная мысль / Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль [Пер. с франц.]. М.: Академический проект, 2008. С. 145–502.

Мелетинский Е. М. Палеоазиатский эпос о Вороне и проблема отношений Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки в области фольклора / Избранные статьи. Воспоминания. М., 1998. С. 170–191.

Рытхэу Ю. Дорожный лексикон. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2010. 520 с.

Рытхэу Ю. С. Тэрыкы // Полярный круг. Л.: Советский писатель, 1983. С. 516–591.

Султанов К.К. Угол преломления. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 352 с.

Хазанкович Ю.Г. Эпические традиции в прозе коренных малочисленных народов Арктики: Монография. М.: ФЛИНТА, 2019. 416 с.

References:

Afanas'ev A.N. *Proishozhdenie mifa. Stat'i po fol'kloru, jetnografii i mifologii. Sostavitel', podgotovka teksta, stat'ja, kommentarii A.L. Toporkova* [The origin of the myth. Articles on folklore, ethnography and mythology. Compiled, text preparation, article, comments by A.L. Toporkova]. Moscow: "Indrik" Publ., 1996. 640p. (In Russian)

Hazankovich Ju.G. *Jepicheskie tradicii v proze korennyh malochislennyh narodov Arktiki: Monografija* [Epic traditions in the prose of indigenous peoples of the Arctic: Monograph]. Moscow: FLINTA Press, 2019. 416 p. (In Russian)

Kajua R. *Duh sekt. Igry i ljudi. Stat'i i jesse po sociologii kul'tury* [Spirit of sects. Games and people. Articles and essays on the sociology of culture]. Moscow: United Humanitarian Publ., 2007. Pp. 252-290. (In Russian)

Kanneti Je. Prevrashhenie. Osnovnye fenomeny chelovecheskogo bytija [Transformation. Basic phenomena of human existence]. *Problema cheloveka v zapadnoj filosofii* [The problem of man in western philosophy]. Moscow: Progress Publ., 1988. Pp. 483–503. (In Russian)

K'erkegor S. *Strah i trepet* [Fear and awe]. Moscow: Republic Press, 1993. (In Russian)

Levi-Stross K. Nepriruchennaja mysl' [Untamed thought]. *Totemizm segodnja. Nepriruchennaja mysl'* [Untamed thought. Totemism today.]. Moscow: Academic Project Press, 2008. Pp. 145–502. (In Russian)

Meletinskij E.M. Paleoaziatskij jepos o Vorone i problema otnoshenij Severo-Vostochnoj Azii i Severo-Zapadnoj Ameriki v oblasti fol'klora [The Paleoasiatic epic about the Raven and the problem of relations between Northeast Asia and Northwest America in the field of folklore]. *Izbrannye stat'i. Vospominanija* [Selected articles. Memories]. Moscow, 1998. Pp. 170–191. (In Russian)

Rythjeu Ju. *Dorozhnyj leksikon* [Road vocabulary]. St. Petersburg: Publ. of the magazine "Zvezda", 2010. 520p. (In Russian)

Rythjeu Ju.S. Tjeryky [Teryky]. *Poljarnyj krug* [Polar Circle]. Leningrad: Soviet Writer, 1983. Pp. 516-591. (In Russian)

Sultanov K.K. *Ugol prelomlenija* [Angle of refraction]. Moscow: Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 2019. 352p. (In Russian)

A.S. Zhuleva

Anthropomorphic Images in the Works of the Chukchi Writer Yury Rytkheu

Scientific novelty of the work is determined by the formulation and solution of the tasks of determining the role and significance of anthropologism as a form of thought organization and a way of relating to reality in the formation of the artistry of young literature. For the first time, issues related to the sub-conceptosphere of Yuri Rytkheu's creativity with

the reflection and transformation of anthropomorphism in his works are considered in a comprehensive manner. *The aim* of the study is to identify the specifics of anthropomorphic images based on an in-depth textual analysis of the works of Yuri Rytkheu with the involvement of mytho-folklore, ethno-cultural, philosophical and psychological knowledge about the culture of the Chukchi. The main *tasks*: to reveal the genesis and socio-philosophical content of anthropomorphic images in Yu. Rytkheu's prose; to carry out an analysis of biographical and autobiographical material related to worldview and ideas about anthropos and anthropologism; to reveal in Rytkheu's prose the degree of presence and nature of artistic, aesthetic and everyday (practical) anthropomorphism; determine the role and significance of anthropomorphism in the development of the artistry of young literature. *Research methods.* To achieve the set goal and solve problems, an integrated approach was used, including systemic and structural-semantic methods, as well as the methodology of related sciences, in particular, the descriptive method of ethnology, philosophy, aesthetics, and psychology.

Results. The study revealed that the works contain a significant number of anthropomorphic objects and characters. Literary images, motifs, plots imbued with mythopoetics contain totemism, zoomorphism, werewolves of animals turning into humans and humans turning into animals. It is noted that the appeal to mythological images, including anthropomorphic ones, was one of the key concepts of the Chukchi writer's work in different periods. The various anthropomorphic images created are the result of the conscious and unconscious transformation of Chukchi myths, legends and folklore, as well as rites, rituals, traditions acquired by Rytkheu in the process of life experience.

Keywords: Chukchi literature, Yuri Rytkheu, mythopoetics, anthropomorphic images, werewolves, Chukchi worldview

А.С. Ларионова

DOI: 10.25693/SVGV.2022.40.3.0012
УДК 398.8(=512.157)

Ритмические формы дэгэрэн ырыа (на материале олонхо В.О. Каратаева «Могучий Эр Соготох»)

Актуальность исследования связана с тем, что якутскими этномузыковедами в некоторой степени изучены ритмические начала якутской традиционной песенности. Тем не менее вплоть до настоящего времени не исследованы ритмика напевов и связи слова и музыки на основе слогоритмической структуры словесного текста с ритмической организацией мелодии песенной традиции народа саха. Совершенно отсутствуют труды по изучению квантитативной ритмической организации напевов дэгэрэн ырыа в олонхо в связи со слоговой структурой вербальной части песни.

Научная новизна исследования связана с тем, что впервые изучаются квантитативная ритмика дэгэрэн ырыа в олонхо в сравнении со слоговой ритмикой словесной части песен, выявлены ритмические формулы и стабильные параметры структуры напева.

Цель работы. На основе анализа квантитативной ритмики традиционных якутских напевов в олонхо В.О. Каратаева «Могучий Эр Соготох» выявляются формы ритмической организации песенных разделов в стиле пения дэгэрэн ырыа. На основе цели в статье формируются следующие *задачи*: изучить дэгэрэн ырыа в якутском героическом сказании вилюйской традиции; проанализировать соотношение структуры вербальной части и квантитативной ритмики напева в дэгэрэн ырыа олонхо В.О. Каратаева со слогоритмических позиций; выявить ритмическую формулу квантитативной ритмики напевов; определить стабильные параметры структуры квантитативной ритмики напевов.

© Ларионова А.С., 2022

Методом исследования стал сравнительно-сопоставительный анализ.

Результаты исследования связаны с определением ритмических формул напевов и выявлением их параметров структуры в дэгэрэн ырыа олонхо. В статье исследуются якутские традиционные напевы дэгэрэн ырыа в героическом сказании олонхо «Могучий Эр Соготох». Данным типом пения поют зооморфный стерх и представительница Нижнего мира, отрицательный персонаж дева-абаасы. В сравнительном плане анализируются слоговая ритмика вербальной части и квантитативная ритмика напева. Рассмотрены ритмические формулы каждого напева на основе преобладающей в песенном разделе структуры квантитативного ритма. В результате исследования определено, что ритмическая формула в песне достаточно устойчива и представлена стабильными параметрами структуры.

Ключевые слова: поэтика, слогоритмические структуры, квантитативная ритмика, ритмические формулы, музыка и слово, олонхо, дэгэрэн ырыа, напев

I. Введение. В музыкознании и этномузыкознании вопросы поэтики начали изучать в XX в. Поэтику преимущественно исследовали с позиций связи слова и музыки. В этом отношении наиболее изученной областью стала ритмика мелодий русских народных песен в ее связи со словесной частью. Серьезное внимание к народно-песенному стихосложению уделяли известные музыковеды Е.В. Гиппиус, К.В. Квитка, А.В. Руднева. Изыскания в области связи слова и музыки проводились в трудах Б.Б. Ефименковой, М.Г. Кондратьева и новосибирских этномузыковедов. Что касается якутских народных песен, то ритмику якутских традиционных напевов в своих исследованиях по якутской ладозвукорядной системе затрагивал Э.Е. Алексеев. К вопросу ритмической организации напевов олонхо обращалась Н.Н. Николаева, изучившая музыку якутского героического эпоса. В связи с этим проблематика настоящей работы, раскрывающая параметры структуры ритмической организации песенных разделов стиля дэгэрэн ырыа в олонхо В.О. Каратаева «Могучий Эр Соготох» на основе аналитики квантитативной ритмики в связи со слогоритмической структурой словесного текста, является актуальной и разрабатывается в якутском этномузыкознании впервые, чем и определяется новизна настоящего исследования.

К.В. Квитка изучал многообразные аспекты песенных мелодий музыкального фольклора болгар, белорусов, поляков, русских, украинцев и хорватов. Им рассмотрено также соотношение ритмических форм мелоса со стиховыми конструкциями и предложена систематизация позиций удвоения в построении периода и строфы в напевах с семисложным строением вербальной части. Он полагал, что «слого-временные схемы» являются важнейшим выражением песенного типа. «В подавляющем большинстве случаев именно ритмические формы являются главным определяющим моментом в создании песенных напевов, а также и опорой памяти в их традиционном поддерживании и варьировании», – писал он [Квитка, 1971: 194]. Вследствие сопоставлений строения ритмики словесной части и мелодии К.В. Квитка определяет происхождение песни и классифицирует жанры песенных образцов фольклора. В его трудах «слого-временные схемы» изучены с помощью слогоритмического метода, он устанавливает ритмические формулы, опираясь на позиции упрощения отправной ритмики напева, и укрупняет длительности, учитывая их без мелизматических украшений, выравнивая пунктирный ритм, не игнорируя ферматы и паузы в окончаниях фраз.

Б.Б. Ефименкова исследовала типологию ритмических форм русского вокального фольклора, в которой «дифференцирующим признаком выступил тип ритмического периода, т. е. структурный статус составляющих период формул музыкально-слогового ритма и принципы их линейного соединения. На этом уровне определились классы и типы ритмической организации вокальных фольклорных текстов» [Ефименкова, 2001: 246]. По ее мнению, «Песенный стих – лишь компонент периода музыкально-поэтического – периода слоговой музыкально-ритмической формы (СМРФ), который показывает соотношение периодизации стихового и музыкального ритмов» [Ефименкова, 1993: 5]. Б.Б. Ефименкова отмечает в структуре, «координирующей напев и словесный текст, три

уровня: малые ритмические единицы (МРЕ), составляющие словарный, грамматический фонд традиции, большие ритмические единицы (БРЕ), или периоды, представляющие типизированную группировку малых ритмических единиц, и "композиционную единицу" (КЕ), комбинацию всех больших ритмических единиц текста в рамках его напева» [Там же: 49-50]. Ею впервые отмечены стабильные и мобильные формы в традиционной песенности восточных славян, к которым относится и русский народ. Она пишет: «В вокальном фольклоре восточных славян доминируют тексты с устойчивыми временными пропорциями. Сама сущность песенной формы – с многократной повторяемостью конструкции, охватываемой напевом, предполагает стабильность этой "раппортной" композиции, сегментирующей развертывание словесного текста. Однако в народной отечественной культуре существует и сравнительно небольшая группа произведений с мобильными параметрами организации. Они имеют небольшой удельный вес и ограниченное распространение как в жанровом, так и в территориальном отношениях. Подвижность формы выступает свойством либо отдельных жанров (в основном, сольных – старин, духовных стихов, плачей, колыбельных), либо отдельных традиций. Но и в том, и в другом случае она не бывает всеохватной, глобальной. Так, в любом из перечисленных жанров есть тексты стабильной организации, и ни в одной местной традиции мобильность не выступает качеством всех фольклорных текстов, а затрагивает лишь небольшую их часть, иногда лишь в рамках одного жанра» [Там же: 230].

В методической дефиниции уровня вариантного родства мелодических конструкций А.А. Банина «центральным моментом является анализ песенной слоговой ритмики, который состоит в моделировании обобщенных структур слогового ритма» [Банин, 1978: 135]. Обобщенная и в то же время нередко реализуемая на практике формула ее слоговой ритмики (слогоритмический период) исследована им на примере русских народных песен. Итоги проведенного А.А. Баниным обследования, осуществленные методом слогоритмического изучения совокупности версий, позволили ему более подробно понять эволюцию поэтического текста рассматриваемых им песен. Он выработал аналитический метод обобщенной слоговой ритмики, позволяющий установить родство отдельных напевов по определенным инвариантам [Там же: 140–141].

М.Г. Кондратьев исследовал квантитативную ритмику чувашских фольклорных напевов, благодаря чему была проведена типологическая систематизация музыкальной ритмики чувашской народной песни. Он полагает, что в чувашской традиции «при более конкретном рассмотрении акцентности как громкостного усиления отдельных тонов (любым способом), нельзя не признать чувашскую ритмику примером чисто музыкальной квантитативной системы, для которой акцентуация оказывается совершенно не существенной. Конечно, естественные акценты присутствуют в чувашских напевах <…>, но они не необходимы, не играют конструктивной роли, а иногда и не ощутимы. Сама система ритмики чувашских народных песен образована без участия акцентов» [Кондратьев, 1990: 115]. По М. Г. Кондратьеву, «квантитативная ритмика (от лат. *quantitas* – количество) – особый тип музыкально-поэтической организации времени, основанный на упорядоченном чередовании долгих и кратких элементов (интонируемых слогов, слогонот, силлабохроносов) и их сочетаний в стопах и строках» [Кондратьев, 2020: с. 158]. Он считает, что «ритмическая организация чувашской народной песни основана на принципах квантитативной ритмической системы. Ее главная особенность – большая четкость квантитативных долготных отношений в структуре мелодии при свободе от внемузыкальных детерминант (словесно-речевых или иных)» [Кондратьев, 1990: 3].

Цель настоящего исследования связана с выявлением параметров форм ритмической организации квантитативной ритмики напева и слоговой структуры словесного текста в дэгэрэн ырыа олонхо В.О. Каратаева «Могучий Эр Соготох».

Теоретическая значимость работы выражается в возможности применения результатов исследования в дальнейшем изучении связи слова и музыки в якутском фольклоре.

Практическая значимость состоит в использовании результатов работы в учебной практике ДМШ, музыкальных отделений ДШИ, ссузов и вузов РС (Я).

II. Материалы и методы. Материалом исследования послужили нотные расшифровки Н.Н. Николаевой песенных разделов дэгэрэн ырыа олонхо В.О. Каратаева «Могучий Эр Соготох» в записях 1982 и 1986 гг., изданных в монографии Н.Н. Николаевой «Эпос олонхо и якутская опера» [Николаева, 1993] и в томе «Якутский героический эпос "Могучий Эр Соготох"» [Якутский героический эпос, 1996].

Главными для изысканий стали работы по соотношению слова и музыки А.А. Банина [Банин, 1978], Б.Б. Ефименковой [Ефименкова, 1993; 2001], К.В. Квитки [Квитка, 1971]. Изучая песни олонхо якутской традиции, мы основывались на разработках Э.Е. Алексеева [Алексеев, 1976; Якутский героический эпос, 1996], Г.Г. Алексеевой [Алексеева, 1994], Н.Н. Николаевой [Николаева, 1993]. По исследованию квантитативной ритмики якутских напевов опирались на труды М.Г. Кондратьева [Кондратьев, 1990; 2020], Г.Б. Сыченко [Сыченко, 1998]. Взаимодействие слова и музыки в якутских традиционных песнях стиля дьиэрэтии ырыа в аспекте распевов слогов изучено с фонологических позиций в работе А.С. Ларионовой «Вербальное и музыкальное в якутском дьиэрэтии ырыа» [Ларионова, 2004]. В сфере нашего внимания были также ранее вышедшие научные труды автора статьи, связанные с изучаемой проблематикой [Ларионова, 2021а; 2021б; 2021в; 2022].

В исследовании использован сравнительно-сопоставительный метод.

III. Результаты.

Стили пения в олонхо В.О. Каратаева «Могучий Эр Соготох»

Высокопоэтичным созданием народа саха является масштабное героическое сказание – олонхо, которое включает в себя все богатство традиционной песенной культуры саха. В современный период наиболее показательным стилем якутского пения стала вилюйская исполнительская традиция. Данную локальную исполнительскую традицию Э.Е. Алексеев обозначил как «этэн ыллыыр» ('поет, выговаривая'), в отличие от центральной (приленской) традиции, названной им как «тардан ыллыыр» ('поет, украшая каждый слог'). Песенные разделы в якутском сказании занимают довольно значительный объем в общем повествовании. Они выполняют большую выразительную и драматургическую роль, неизменно чередуясь со словесной линией.

Олонхо В.О. Каратаева «Могучий Эр Соготох» представляет собой классическое исполнение сказания вилюйской традиции. Его в разное время записывали сотрудники Института языка, литературы и истории СО РАН (ныне Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН). Так, в 1975 г. В.П. Еремеев и В.В. Илларионов произвели магнитофонную запись полного исполнения олонхо «Могучий Эр Соготох», в 1982 и 1986 гг. В.В. Илларионов выполнил запись для подготовки тома к серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Том «Якутский героический эпос "Могучий Эр Соготох"» этой серии был издан в 1996 г. Нотные расшифровки песенных разделов данного *олонхо* в записях 1982 и 1986 гг. принадлежат Н.Н. Николаевой. Они вошли в ее монографию «Эпос олонхо и якутская опера» [Николаева, 1993] и в том «Якутский героический эпос "Могучий Эр Соготох"» серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» [Николаева, 1993].

В якутском эпосе типы пения жестко зафиксированы за определенным персонажем сказания. Все типы или стили пения находят отражение в олонхо В.О. Каратаева «Могучий Эр Соготох». Многие исследователи считают, что в олонхо противопоставлены три главных интонационных мира. Стиль пения или тип и манера пения дьиэрэтии ырыа (плавная, цветистая песня с гортанными призвуками-кылысах) используется в пении положительных персонажей олонхо. Данное пение представляет собой, в отличие от стиля, который характеризует территориальную исполнительскую традицию, национальный стиль (тип или манера) якутского пения с его необычными темброво-артикуляционными свойствами, свободой импровизационного развития метроритмики, мелизматическими певческими каденциями, оригинальной мелодикой, характерными гортанными призвуками-кылысахами. Дьиэрэтии ырыа представлен в олонхо В.О. Каратаева в пении всех положительных персонажей.

Другим типом якутского пения, применяемым в олонхо, является дэгэрэн ырыа. Он упо-

требляется олонхосутами в песнях девы-абаасы, удаганок, а также зооморфных персонажей, таких как конь и стерх. Дэгэрэн ырыа (размеренная, подвижная песня – термин М.Н. Жиркова) тоже связан с понятием национального стиля, являясь одним из древнейших стилей якутского пения. Дэгэрэн ырыа представляет собой мелодически развитое пение обычным голосом, подразумевающее широкий диапазон мелодий. Он является ритмически и метрически определенным. Структура мелодии дэгэрэн ырыа жестко связана с выработанной звукорядной системой. В олонхо В.О. Каратаева типом дэгэрэн ырыа поют такие персонажи, как зооморфный стерх и отрицательный – дева-абаасы.

Для изучения форм ритмической организации песенных разделов олонхо В.О. Каратаева «Могучий Эр Соготох» в данной работе основное внимание уделено напевам дэгэрэн ырыа, т.к. в дьиэрэтии ырыа нами уже рассмотрены мобильные параметры структуры текста в предыдущих исследованиях [Ларионова, 2022].

Соотношение словесной структуры и музыкального ритма в дэгэрэн ырыа олонхо В.О. Каратаева «Могучий Эр Соготох»

Дэгэрэн ырыа обладает ясной ритмизацией, формульностью мелодико-интонационного рисунка. В нем вербальный текст тесно связан с формульным напевом, определен импровизационностью поэтической речи и вариационностью мелодической формулы, четким метроритмом, обусловленностью импровизируемого словесного текста мелодической формулой напева. Особенностью этого типа пения является отсутствие кылысахов.

Основным и связующим понятием в организации поэтической речи и мелодики в раннефольклорном пении является ритм. Н.Н. Николаева пишет: «В фольклорном песенном творчестве слово и напев тесно взимосвязаны: ни напев народной песни, ни ее поэтический текст не существовали порознь. Исходя из такой органичной неразрывности сторон целого, ритм напева следует рассматривать в единстве ритма стиха» [Николаева, 1993: 46].

В якутской песенности слогоритмические структуры в соотношении словесного текста и напева до настоящего времени исследованы недостаточно. Имеются только некоторые наблюдения этого аспекта в работах Э.Е. Алексеева и Н.Н. Николаевой. Они анализируют ритм якутских народных песен с позиций сопоставления специфики особенностей связи ритмики слова и мелодики в разных типах и стилях пения.

Э.Е. Алексеев считает, что взаимодействие словесного текста и напева в традициях якутов довольно прямые. По его словам, «песенная мелодика, по существу, неотделима от словесной речи. Как бы широко не было распето слово в вокальной мелодии, оно не может восприниматься вне своих речевых связей, тем более что народный певец никогда и не стремится к подобному “преодолению” словесной речи. Особенно – на ранних этапах мелодического творчества, когда смысловая сторона песенного текста нередко остается чуть ли не главной заботой певца» [Алексеев, 1976: 23]. Из-за такой близкой согласованности взаимоотношений словесного текста и напева в якутской народной песне каждому слогу вербальной части соответствует музыкальный звук или распев.

Н.Н. Николаева в качестве методики исследования соотношения словесного текста и напева применяет трехстрочный анализ нотного и словесного текста, разработанный В.М. Беляевым. В этой методике верхняя строка передает именно мелодию песни, средняя строка показывает в одной строке ритмику проговариваемого текста в виде одной длительности пропетого слога, в нижней строке представлен собственно словесный текст песни. Вследствие использования данного метода автор приходит к выводу, «что в дэгэрэн ырыа, имеющем свободный поэтический стих, четкий метроритм напева выступает организующим началом, подчинившим себе поэтический текст песни» [Николаева, 1993: 58].

В якутских традиционных напевах любого стиля пения отсутствуют ударные и безударные звуки, в них чередуются долгие и краткие музыкальные звуки. Чередование долгих и кратких длительностей, т.е. квантитативная ритмика напевов дэгэрэн ырыа в олонхо В.О. Каратаева «Могучий Эр Соготох» представлена нами в виде таблицы и выражена разнообразными длительностями, которым в напеве представлен каждый слог вербального текста. Так, краткой (К) длительности соответствует восьмая или восьмая с точкой, а долгой (Д) – четвертная, четвертная с точкой, сверхдолгой (СД) – поло-

винная и более долгая, чем половинная длительность и сверхкраткой (СК) – длительность меньше шестнадцатой с точкой. Здесь мы имеем также в виду, что «слог, обладающий фиксированной протяженностью звучания, является материалом ритмической организации всех построений вокального текста, начиная с малых» [Ефименкова, 2001: 52]. Каждый слог в пении имеет разную протяженность звучания от СД до СК.

Квантитативная ритмика «Песни абаahы» из олонхо О. Каратаева «Могучий Эр Соготох» в версиях 1982 и 1986 гг. представлена различными структурами (табл. 1).

Таблица 1

Песня девы-абаасы[1] (запись 1986 г.)

№	Строка	Структура стиха	Количество слов	Количество слов	Ритмическая структура напева
1.	1	4+4	8	2	К Д СК К К Д К К
2.	2	4+4	8	2	К Д К К К Д К К
3.	3	3+1+4	8	3	К Д К К К Д К К
4.	4	4+4	8	2	К Д К.К.К Д К К
5.	5	2+2+4+4	12	4	К Д К К К Д К К К Д К К
6.	20	2+2+3	7	3	К СД СК СК СК СК

Так, ритмическая формула (РФ) в песне девы-абаасы в записи 1986 г. [Якутский героический эпос, 1996, с. 70] представлен соотношением:

К Д К К

Подобная РФ обнаруживается в 1–4 строках напева, в которых словесная строка имеет восьмисложную структуру. В 5-й двенадцатисложной строке РФ напева звучит дважды.

В версии 1982 г. [Николаева, 1993: с. 156–157] ритмика слова и напева представлена следующим образом (табл. 2):

Таблица 2

Песня чертовой девы (запись 1982 г.)

№	Строка	Структура стиха	Структура словесного текста в пении	Кол-во слогов	Кол-во слогов в пении	Кол-во слов	Ритмическая структура напева
1.	1	4+4		8	2	2	К Д К К К К СК К
2.	2	4+4		8	2	2	К К СК К К К СК К
3.	3	4+4		8	2	2	К К СК К К К СК К
4.	4	4+4		8	2	2	К К СК.К.К К СК К
5.	5	4+4		8	2	2	К К СК К К К СК К
6.	6	4+4+4		12	3	3	К К СК К К К СК К К К СК К
7.	7	4+3+2+2+4	4+4+2+2+4	15	5	5	К К СК К К К СК К К К СК К К К СК К
8.	8	2+2		4	2	2	К К К К
9.	9	4+3+4		11	12	3	К К СК К К К СК К К К СК К
10.	10	4+4+2+1+1	4+4+2+1+1	12	12	5	К К СК К К К СК К К К К К

[1]Названия песен представлены по их наименованию в изданиях Н.Н. Николаевой «Эпос олонхо и якутская опера» [Там же] и тома «Якутский героический эпос “Могучий Эр Соготох” [Якутский героический эпос, 1996].

Здесь РФ выражена К К СК К. Она обнаруживается в 2–5 восьмисложных строках и в завуалированном виде проявляется в 6 строке, где РФ повторяется в одной строке трижды. В словесной части в 7-й пятнадцатисложной строке добавляется еще один слог в пении за счет огласовки согласного звука *т* гласным *а*.

В песнях девы-абаасы в каждой версии ритмика имеет различные соотношения длительностей, что связано с характеристичностью в показе отрицательного персонажа Нижнего мира. В то же время в отдельно взятом напеве РФ в первом разделе достаточно стабильна и повторяется в течение песни неоднократно.

Кроме того, дэгэрэн ырыа олонхо О. Каратаева «Могучий Эр Соготох» близок ко второй типологической группе в классе равномерно сегментированных форм, выявленных Б.Б. Ефименковой в русской традиции. По ее мнению, модели песен этой группы «сложились под воздействием пляски. Ее влияние сказалось прежде всего в структуре напевов, ритмическая организация которых первостепенна, тогда как словесные тексты подчинены пляске и приспосабливаются к заданной музыкально-моторной ритмической форме» [Ефименкова, 2001: с. 144]. В якутской традиции многие напевы интонационно и метроритмически близки круговому обрядовому танцу осуохай. Ритмика осуохая четкая и подчинена семислоговой структуре вербальной части. В ней преобладает двухдольность, РФ песни-танца имеет следующее соотношение длительностей: К К К К К К Д. То есть РФ выражена несколькими звуками с ритмическим суммированием.

Подобная РФ встречается в семисложниках в «Песне стерха» (запись 1986 года) [Якутский героический эпос, 1996, с. 62] в отображении зооморфного персонажа, которая представлена, как и в осуохае, квантитативным ритмом К К К К К К Д во 2-й и 5–7 строках. Такой же квантитативный ритм в семислоговых строках обнаруживается в версии данного напева 1982 г. [Николаева, 1993: с. 150].

Таблица 3

Песня стерха (запись 1982 года)

№	строка	Структура словесного текста	Структура словесного текста в пении	Кол-во слогов	Кол-во слогов в пении	Кол-во слов	Ритмическая структура напева
1.	1	1+1+2+3		7	7	4	СД Д Д Д К К Д
2.	2	4+3		7	7	2	К К К К К К Д
3.	3	1+1+1+1		4	4	4	Д Д Д Д
4.	4	1+3+4+4+3		15	15	5	Д СК СК К К К К СК К К К К К Д
5.	5	4+2+2+3		11	12	4	К К К К К К К К К К К
6.	6	2+2+4+3		11	11	4	К К К К К К К К К К К
7.	7	2+2+4+3+2+2		15	15	6	К К К К К К К К К К Д К К К К
8.	8	2+2+3+4		11	11	4	К К К К К К Д К К К К
9.	9	4+3	4+4	7	8	2	К К К К К К К К
10.	10	2+2+3		7	7	3	К К К К К К Д
11	11	2+2+3+1		8	8	4	К К К К СК СК К Д

В словесной структуре данного песенного раздела обнаруживается 4 семисложника, который за счет огласовки гласным звуком э сонорной согласной *н* в слове *буолларгын* (‘если’) в 9 строке и образованием добавочного слога *буолларгын(э)* модифицирует в пении из семисложника в восьмисложник. Здесь также выявляется стабильная ритмическая формула осуохая: в 1-й и 10-й строках она представлена в прямом виде, а в строках 4-й на слова *Тойоммуна огонньер* (Господин старец), 7-й на слова *Туохтарбына туймуулаах* (‘с чем я связанный’) и 8 на слова *Кэпсэл багас кэпсээтин* (‘всякий сказ сказываешь’) в завуалированном виде. В «Песне стерха» модель соотношения РФ осуохая с семиложной структурой словесного текста в дэгэрэн ырыа обнаруживается у положительного зооморфного персонажа сказания.

Таким образом, в проанализированных напевах обнаружены устойчивые ритмические формулы со стабильными параметрами структуры. По мнению Б.Б. Ефименковой, «сама сущность песенной формы – с многократной повторяемостью конструкции, охватываемой напевом, предполагает стабильность этой “раппортной” композиции, сегментирующей развертывание словесного текста» [Ефименкова, 2001: с. 230]. Подобная стабильность характерна для напевов дэгэрэн ырыа в якутском героическом эпосе олонхо вилюйской традиции В.О. Каратаева «Могучий Эр Соготох».

IV. Обсуждение. В якутском фольклоре практически все жанры либо поются, либо имеют песенные разделы. В них слово и музыка выступают в нерасторжимом единстве. В связи с этим большое значение приобретает изучение взаимодействия стиха и напева. Соотношение слова и музыки изучено как в профессиональных вокальных жанрах, так и в русских народных песнях. В якутском фольклоре исследователями высказаны лишь отдельные замечания по этому вопросу. В 1990 г. М.Г. Кондратьев впервые высказал мысль о квантитативной природе ритмической системы напевов не только чувашских народных песен, но и фольклорных напевов других этносов. Его методологию плодотворно использовали новосибирские исследователи музыкального фольклора народов Сибири. По нашему мнению, применение данной методологии в изучении напевов якутского фольклора плодотворно в связи с квантитативной природой якутских традиционных мелодий. Сравнение квантитативного ритма мелодий со слоговой структурой стиха дали определенные результаты для обнаружения как мобильных параметров ритмических формул напевов дьиэрэтии ырыа [Ларионова, 2022], так и стабильных форм в дэгэрэн ырыа в олонхо В.О. Каратаева «Могучий Эр Соготох».

В перспективе было бы интересно рассмотреть инварианты ритмических формул напевов олонхо В.О. Каратаева. В будущем необходимо также провести сравнение взаимосвязи интонационных особенностей слова и музыки. В отдельных моментах эти связи достаточно прямые. Но подобное исследование станет возможным, когда будут изучены интонации якутской речи и появятся компьютерные программы, в которых воочию было бы возможно провести параллельное сравнение интонаций речи и музыки.

V. Заключение. Изучив формы квантитативной ритмики напевов в связи со слоговой структурой словесной части в якутских дэгэрэн ырыа из олонхо В.О. Каратаева «Могучий Эр Соготох», мы пришли к следующим выводам.

Дэгэрэн ырыа в олонхо – значимый стиль традиционного якутского пения. Каждая из песен дэгэрэн ырыа олонхо вилюйской традиции имеет определенные РФ в квантитативной ритмике напева, связанной со слоговой структурой вербального ряда песни. В них обнаружены стабильные параметры как вербального, так и поющегося текстов. Каждый музыкальный текст выражен устойчивой РФ: К Д К К; К К СК К в восьмисложных строках словесного текста в песнях девы-абаасы. Разнообразие квантитативного ритма напева связано с характеристическим описанием отрицательной героини олонхо. Устойчивая РФ осуохая выявлена в семисложнике в песнях стерха, положительного зооморфного персонажа сказания. Стабильность формы передана тем, что в напевах РФ повторяется неоднократно на протяжении песни, проявляя свою достаточно устойчивую форму, но все же фрагментарное наличие таких форм, чаще в первых разделах песни, по-видимому, говорит о преобладании подвижных форм ритмической организации в соотношении слова и музыки в якутской песенной традиции.

Список литературы:

Алексеев Э.Е. Проблемы формирования лада. На материале якутской народной песни. М.: Музыка, 1976. С. 189.

Алексеева Г.Г. От фольклора до профессиональной музыки. Якутск: Нац. кн. изд-во «Бичик», 1994. С. 46.

Банин А.А. Об одном аналитическом методе музыкальной фольклористики // Музыкальная фольклористика. Вып. 2. М., 1978. С. 117–157.

Ефименкова Б.Б. Ритм в произведениях русского вокального фольклора. М.: Композитор, 2001. 256 с.

Ефименкова Б.Б. Ритмика русских традиционных песен. Учебное пособие по курсу «Народное музыкальное творчество» / РАМ им. Гнесиных. М.: Издательство МГК, 1993. 154 с.

Квитка К.В. Избранные труды в 2-х томах. Т. 1. М.: Сов. композитор, 1971. 384 с.

Кондратьев М.Г. Традиционная музыка чувашей как язык культуры // Чувашский гуманитарный вестник. 2020. № 15. С. 144–167.

Кондратьев М.Г. О ритме чувашской народной песни. К проблеме квантитативности в народной музыке. М.: Сов. композитор, 1990. 144 с.

Ларионова А.С. Вербальное и музыкальное в якутском дьиэрэтии ырыа. Новосибирск: Наука, 2004. 324 с.

Ларионова А.С. Мобильные параметры структуры текста в песнях стиля джиэрэтии ырыа олонхо В.О. Каратаева «Могучий Эр Соготох» // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова: Серия Эпосоведение. 2022. № 1 (25). С. 34–42. URL: http://epossvfu.ru. Ларионова.pdf (дата обращения: 24.08.2022).

Ларионова А.С. Структура стиха и напева в якутском олонхо «Могучий Эр Соготох» В.О. Каратаева (по аудиозаписям полевых экспедиций в Нюрбинский улус 1968, 1975, 1982 и 1986 гг.) // Актуальные проблемы изучения дописьменной истории Северной Евразии: сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 75-летию археолога, д.и.н., профессора, заслуженного деятеля наук Республики Саха (Якутия) Анатолия Николаевича Алексеева. Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2021. С. 162–167.

Ларионова А.С. Ритмическое соотношение слова и музыки в песенной традиции якутов (по материалам Вилюйской экспедиции М.Н. Жиркова 1943 г.) // II Сибирский форум фольклористов: к 90-летию со дня рождения А.Б. Соктоева, основателя серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»: тезисы докладов. Новосибирск: Алекспресс, 2021. С. 70–72.

Ларионова А.С. Соотношение ритмических структур стиха и напева в песенной традиции якутов: по материалам Вилюйской экспедиции М.Н. Жиркова 1943 г. // Музыкальное творчество, исполнительство, образование: инновационные подходы: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Киров: Издательство МЦИТО, 2021. С. 135–140.

Николаева Н.Н. Эпос олонхо и якутская опера. Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1993. 187 с.

Сыченко Г.Б. Традиционная песенная культура алтайцев. Автореф. дис. … канд. искусств. Новосибирск, 1998. 23 с.

Якутский героический эпос «Могучий Эр Соготох». Новосибирск: Наука, 1996. 440 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 10).

References:

Efimenkova B.B. *Ritm v proizvedeniyakh russkogo vokal'nogo folklore* [Rhythm in the works of Russian vocal folklore]. Moscow: Kompozitor Publ., 2001, 256 p. (In Russian)

Kvitka K. V. *Izbrannye Trudy v 2-kh tomakh* [Selected works in 2 volumes]. V. 1. Moscow: Sov. Kompozitor Publ., 1971, 384 p. (In Russian)

Kondrat'ev M.G. *O ritme chuvashskoi narolnoi pesni. K probleme kvantitativnosti v narodnoi muzyke* [About the rhythm of the Chuvash folk song. To the problem of quantitism in folk music]. Moscow: Sov. kompozitor Publ., 1990, 144 p. (In Russian)

Kondrat'ev M.G. Traditsionnaya muzyka chuvashei kak yazyk kul'tury [Traditional Chuvash music as a language of culture]. *Chuvash humanitarian bulletin*. 2020. N 15. Pp. 144-167. (In Russian)

Larionova A.S. *Verbal'noe i muzykal'noe v yakutskom dieretii yrya* [Verbal and musical in the Yakut dieretii yrya]. Novosibirsk: Science Publ., 2004. 324 p. (In Russian)

Larionova A.S. Struktura stikha I napeva v yakutsrom olonkho "Moguchii Er Sogotokh" V.O. Karataeva (po audiozapisyam polevykh ekspeditsii v Nyurbinskii ulus 1968, 1975, 1982 i 1986 gg.) [The structure of poem in Yakut Olonkho "Mighty Er Sogotokh" of V.O. Karataev (according to audio recordings of field expeditions to the Nyurba ulus in 1968, 1975, 1982 and 1986)]. *Aktual'nye problemy izucheniya dopis'mennoi istorii Severnoi Evrazii:* sbornik materialov Vserossiyskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvjashhennaja 75-letiju arheologa, d.i.n., professora, zasluzhennogo dejatelja nauk Respubliki Saha (Jakutija) Anatolija Nikolaevicha Alekseeva [Actual prob-

lems of studying the pre-literate history of Northern Eurasia: collection of materials of the All-Russian Scientific Conference with international participation, dedicated to the 75th anniversary of the Doctor of Historical Sciences, Professor Anatoly Nikolaevich Alekseev]. Yakutsk: IHRISN SB RAS Publ., 2021. Pp. 162-167. (In Russian)

Larionova A.S. Ritmicheskoe sootnoshenie slova i muzyki v pesennoi traditsii yakutov (po materialam Vilyuiskoi ekspeditsii M.N. Zhirkova 1942 goda) [Rhythmic correlation of word and music in the song tradition of the Yakuts (based on the materials of the Vilyui expedition of M. N. Zhirkov in 1943)]. *II Sibirskiy forum folkloristov: k 90-letiyu so dnya rozhdeniya A.B. Soktoeva, osnovatelya serii "Pamyatniki folklore narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka": tezisy dokladov* [II Siberian Forum of Folklorists: on the 90th anniversary of the birth of A.B. Soktoev, founder of the series "Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East": abstracts of reports]. Novosibirsk: Alexpress Publ., 2021. Pp. 70-72. (In Russian)

Larionova A.S. Sootnoshenie ritmicheskikh struktur ctikha i napeva v pesennoi traditsii yakutov: po materialam Vilyuiskoi ekspeditsii M.N. Zhirkova 1942 goda [The ratio of rhythmic structures of verse and melody in the song tradition of the Yakuts: based on the materials of the Vilyui expedition of M.N. Zhirkov in 1942]. *Muzykal'noe tvorchestvo, ispolnitel'stvo, obrazovanie: innovatsionnye podkhody: sbornik materialov Vserossiyskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Musical creativity, performance, education: innovative approaches: collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical conference with international participation]. Kirov: MCITO Publ., 2021. Pp. 135-140. (In Russian)

Nikolaeva N.N. *Epos olonkho i yakutskaya opera* [Epos Olonkho and Yakut opera]. Yakutsk, YaNTs SO RAN, 1993, 187 p. (In Russian)

Sychenko G.B. *Traditsionnaya pesennaya kul'tura altaitsev*: avtoref. dis. … k. isk. [Traditional song culture of Altai residents: Synopsis of a thesis of the Candidate of Art]. Novosibirsk, 1998. 23 p. (In Russian)

Yakutskii geroicheskii epos "Moguchii Er Sogotokh" [Yakut heroic epic "Mighty Er Sogotokh"]. *Pamyatniki folklore narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka*; T. 10 [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East; V. 10]. Novosibirsk: Science Publ., 1996, 440 p. (In Russian and Yakut)

A.S. Larionova

Rhythmic Forms of Degeren Yrya (Based on V.O. Karataev's Olonkho "Mighty Er Sogotokh")

Scientific novelty of the study is due to the fact that for the first time the quantitative rhythm of Degeren Yrya in Olonkho is studied in comparison with the syllabic rhythm of the verbal part of the songs, rhythmic formulas and parameters of the song structure have been revealed. *The aim* of the work is to identify parameters of the structure of rhythmic organization based on the analysis of the quantitative rhythm of traditional Yakut singing by Degeren Yrya in V.O. Karataev's Olonkho "Mighty Er Sogotokh". Based on the aim, the following *tasks* are formed in the article: 1. Study Degeren Yrya in the Yakut heroic epic olonkho; 2. Analyze the ratio of the verbal part and the quantitative rhythm of the song in the Degeren Yrya of the Olonkho V.O. Karataev "Mighty Er Sogotokh" from syllable rhythmic positions; 3. To identify the rhythmic formula of the quantitative rhythm of singing; 4. Determine stable parameters of the structure of the quantitative rhythm of tunes. *Research methods* of study were a relatively comparative analysis.

The results of the study are associated with the definition of rhythmic formulas of tunes and the identification of their parameters of the structure in the Degeren Yrya of V.O. Karataev's Olonkho "Mighty Er Sogotokh". The article explores the Yakut traditional singing of Degeren Yrya in the heroic legend of V.O. Karataev's Olonkho "Mighty Er Sogotokh". This type of singing is sung by crane and a representative of the Lower World, a negative character of the Virgin Abaasy. In comparative terms, the syllable rhythm of the verbal part and the quantitative rhythm of the song are analyzed. Rhythmic formulas of each song are considered on the basis of the structure of the quantitative rhythm prevailing in the song section. The results of the study it is determined that the rhythmic formula in the song is quite stable and is represented by stable structure parameters.

Keywords: poetics, slogorhythmic structures, quantitative rhythm, rhythmic formulas, music and word, Olonkho, Degren Yrya, singing

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аммосова Ия Васильевна – м.н.с. отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; Россия, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1; ammosova.iya@bk.ru; https://orcid/0000-0002-2851-2951.

Афанасьева Евдокия Николаевна – к.ф.н., с.н.с. отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; Россия, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1; lukow@mail.ru; https://orcid.org/0000-0002-4373-9441.

Васильева Надежда Николаевна – к.ф.н., с.н.с. отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; Россия, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1; vaserel@mail.ru; https://orcid/0000-0002-1742-1974.

Винокурова Лилия Иннокентьевна – к.и.н., в.н.с. отдела истории и арктических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; Россия, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1; lilivin@mail.ru; https://orcid.org/0000-0002-5779-6893.

Жукова Людмила Николаевна – к.и.н., с.н.с. отдела археологии и этнографии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; Россия, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1; zjukova@mail.ru; https://orcid.org/0000-0003-1645-8043.

Жулева Альбина Сергеевна – к.п.н., с.н.с. отдела литератур народов России и СНГ Института мировой литературы имени А.М. Горького РАН; Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а; aszhuleva@mail.ru; https://orcid.org/0000-0001-7734-5187.

Кичеева Кристина Владимировна – с.н.с. сектора языка Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории; Россия, г. Абакан, ул. Щетинкина, д. 23; kristi.tabakova@mail.ru; https://orcid.org/0000-0001-8946-7026.

Курилова Ладина Гавриловна – лаборант-исследователь отдела северной филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; Россия, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1; ladinakuril@mail.ru; https://orcid.org/0000-0003-0019-2797.

Ларионова Анна Семеновна – д.иск., доцент, г.н.с. отдела фольклора и литературы Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Россия, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1; профессор кафедры теории и истории музыки Высшей школы музыки (институт) РС(Я) им. В.А. Босикова, Россия, г. Якутск, Покровское шоссе 16 км., д. 5а; degerenan@mail.ru; https://orcid.org/0000-0001-8524-6162.

Монастырёв Владимир Дмитриевич – к.ф.н., в.н.с. отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; Россия, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1; dimamon92@mail.ru; https://orcid/0000-0001-6510-7800.

Мухоплёва Светлана Дмитриевна – к.ф.н., доцент, с.н.с. отдела фольклора и литературы Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; Россия, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1; muhopleva@mail.ru; https://orcid.org/0000-0001-8577-7238.

Саввинов Павел Олегович – м.н.с. отдела истории и арктических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; Россия, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1; pavel_savvinov@mail.ru; https://orcid.org/0000-0002-4260-6225.

Степанова Ольга Борисовна – к.и.н., с.н.с. отдела этнографии Сибири Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН; Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3; stepanova67@mail.ru; https://orcid.org/0000-0002-2130-2695.

Юрганова Инна Игоревна – д.и.н., в.н.с. Центра истории религии и церкви Института российской истории РАН, Россия, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19; в.н.с. отдела истории и арктических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Россия, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1; inna.yurganova@mail.ru; https://orcid.org/0000-0002-7751-8540.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Ammosova Iya Vasilievna – Junior Researcher of the Department of the Yakut Language of the the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Russia, Yakutsk, 1, Petrovskogo, St.; ammosova.iya@bk.ru; https://orcid/0000-0002-2851-2951.

Afanasyeva Evdokia Nikolaevna – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Department of the Yakut Language of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Russia, Yakutsk, 1, Petrovskogo, St.; lukow@mail.ru; https://orcid.org/0000-0002-4373-9441.

Vasilyeva Nadezhda Nikolaevna – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Department of the Yakut Language of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Russia, Yakutsk, 1, Petrovskogo, St.; vaserel@mail.ru; https://orcid/0000-0002-1742-1974.

Vinokurova Liliya Innokentievna – Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher of the Department of History and Arctic Research of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Russia, Yakutsk, 1, Petrovskogo, St.; lilivin@mail.ru; https://orcid.org/0000-0002-5779-6893.

Zhukova Lyudmila Nikolaevna – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of Archeology and Ethnography of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Russia, Yakutsk, 1, Petrovskogo, St.; zjukova@mail.ru; https://orcid.org/0000-0003-1645-8043.

Zhuleva Albina Sergeevna – Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Researcher of the Department of Literature of Russia's Ethnicities and the CIS Countries of A.M. Gorky Institute of World Literature RAS; Russia, Moscow, 25a, Povarskaya St.; aszhuleva@mail.ru; https://orcid.org/0000-0001-7734-5187.

Kicheeva Kristina Vladimirovna – Senior Researcher of the Department of Language of the Khakass Research Institute for Language, Literature and History; Russia, Abakan, 23, Shchetinkina St.; kristi.tabakova@mail.ru; https://orcid.org/0000-0001-8946-7026.

Kurilova Ladina Gavrilovna – Laboratory Assistant-Researcher of the Department of Northern Philology of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Russia, Yakutsk, 1, Petrovskogo, St.; ladinakuril@mail.ru; https://orcid.org/0000-0003-0019-2797.

Larionova Anna Semyonovna – Doctor of Art Science, Associate Professor, Chief Researcher of the Department of Folklore and Literature of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Russia, Yakutsk, 1, Petrovskogo, St.; Professor of the Department of Theory and History of Music, Higher School of Music (Institute) of the RS (Yakutia) named after V.A. Bosikova, Russia, Yakutsk, 5a, Pokrovskoe highway 16 km, degerenan@mail.ru; https://orcid.org/0000-0001-8524-6162.

Monastyrev Vladimir Dmitrievich – Candidate of Philological Sciences, Leading Researcher of the Department of the Yakut Language of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Russia, Yakutsk, 1, Petrovskogo, St.; dimamon92@mail.ru; https://orcid/0000-0001-6510-7800.

Mukhopleva Svetlana Dmitrievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Senior Researcher of the Department of Folklore and Literature of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Russia, Yakutsk, 1, Petrovskogo, St.; muhopleva@mail.ru; https://orcid.org/0000-0001-8577-7238.

Savvinov Pavel Olegovich – Junior Researcher of the Department of History and Arctic Research of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Russia, Yakutsk, 1, Petrovskogo, St.; pavel_savvinov@mail.ru; https://orcid.org/0000-0002-4260-6225.

Stepanova Olga Borisovna – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of Ethnography of Siberia of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) RAS; Russia, St. Petersburg, 3, University Emb.; stepanova67@mail.ru; https://orcid.org/0000-0002-2130-2695.

Yurganova Inna Igorevna – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Center for the Study of the History of Religion and Church History of the Institute of Russian History RAS, Russia, Moscow, 19, Dmitry Ulyanov St.; Leading Researcher of the Department of History and Arctic the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Russia, Yakutsk, 1, Petrovskogo, St.; inna.yurganova@mail.ru; https://orcid.org/0000-0002-7751-8540.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ И РЕЦЕНЗИЙ

В журнале «Северо-Восточный гуманитарный вестник» публикуются статьи, содержащие результаты фундаментальных и прикладных исследований в области языков, истории и культуры коренных народов Северной Азии, в том числе работы компаративного характера. Помимо научных статей, в журнале публикуются рецензии на научные издания, вышедшие за последние 5 лет и имеющие отношение к тематике журнала. К публикации принимаются рукописи на русском или английском языках.

Статьи должны содержать не опубликованные ранее новые фактические данные или теоретические положения. Обзорные статьи и рецензии, представляющие собой пересказ рецензируемого материала, к печати не принимаются. Передавая редакции журнала рукопись статьи или рецензии, автор гарантирует, что она полностью или частично не опубликована и не отправлена на публикацию в другие издания. Автор также соглашается не размещать текст на интернет-ресурсах, пока не будет принято решение о его публикации в «Северо-Восточном гуманитарном вестнике», и в случае положительного решения воздержаться от его размещения в сети Интернет до выхода журнала в свет.

Объем рукописи, включая иллюстративный материал и список литературы, должен составлять для статей – 12–24 страницы (20000–40000 знаков), для рецензий – 12 страниц (20000 знаков). Рукописи большего или меньшего объема принимаются по согласованию с редакцией. Рукописи должны быть автором хорошо отредактированы и тщательно проверены.

Формат рукописи: А4, интервал 1,5, шрифт Times New Roman, размер 14, поля: сверху, снизу и слева – 2,0 см, справа – 1,5 см. Переносы, автоформат и табуляция в статьях не допускаются. Допустимый формат файла – .doc / .docx.

Содержание рукописи необходимо оформить следующим образом:

1. Код **УДК** (код УДК, соответствующий тематике статьи или рецензии, можно найти по адресу: https://nlrs.ru/to-professionals/Cataloque/udk/index.shtml).

2. DOI (присваивается редакцией).

3. Заголовок статьи или рецензии (Title) должен кратко (максимальная длина заглавия составляет 10–12 слов) и точно отражать содержание статьи или рецензии, тематику и результаты проведенного научного исследования. В него необходимо вложить как информативность, так и привлекательность, уникальность научного творчества автора.

Благодарность или признательность размещается в виде постраничной сноски к названию статьи, отмеченной символом (*).

4. Аннотация (Abstract) статьи или рецензии на русском и английском языках (не менее 150 слов). Аннотация не должна содержать ссылки на разделы, формулы, рисунки, номера цитируемой литературы. Она должна отражать в первую очередь главные результаты работы, а не являться формальным описанием статьи или рецензии, т. е. быть краткой, но содержательной.

Структура аннотации: Научная новизна (Novelty of the research); Цель и задачи (Goal and objective); Методы исследования (Research Methods); Результаты (Results).

5. Ключевые слова (Key words) служат ориентиром для читателя и используются для поиска статей или рецензий в электронных базах, поэтому должны отражать дисциплину (область науки, в рамках которой написана работа), тему, объект и предмет исследования. Количество ключевых слов – от 5 до 10.

6. Текст статьи должен соответствовать следующей структуре:

I. Введение (Introduction). Представляет собой вступительную часть, в которой идет речь об общей теме исследования, дается постановка проблемы, описываются цель и задачи планируемой работы, теоретическая и практическая значимость, а также наиболее известные и авторитетные публикации по изучаемой теме.

II. Материалы и методы (Materials and Methods). Приводятся ссылки на соответствующие фактологические источники. Описываются методы и приемы, при помощи которых проводится изучение обсуждаемой проблемы.

III. Результаты (Results). В этой части статьи должен быть представлен систематизированный авторский аналитический и статистический материал. Результаты проведенного исследования необходимо описывать достаточно полно, чтобы читатель мог проследить его этапы и оценить обоснованность сделанных автором выводов. Это основной раздел, цель которого – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты при необходимости подтверждаются иллюстрациями (таблицами, графиками, рисунками), которые представляют исходный материал или доказательства в свернутом виде. Важно, чтобы проиллюстрированная информация не дублировала уже приведенную в тексте. Представленные в статье результаты желательно сопоставить с предыдущими работами в этой области как автора, так и других исследователей. Такое сравнение дополнительно раскроет новизну проведенной работы, придаст ей объективность. Результаты исследования должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Также должно быть обосновано, почему для анализа были выбраны именно эти данные.

IV. Обсуждение (Discussion). Раздел, содержащий полемику по теме исследования.

V. Заключение *(Conclusion(s)).* Заключение содержит краткую формулировку результатов исследования. В нем в сжатом виде повторяются главные мысли основной части работы. Повторы излагаемого материала следует оформлять фразами, отличающимися от высказанных в основной части статьи. В этом разделе необходимо сопоставить полученные результаты с обозначенной в начале работы целью. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость.

Внутритекстовые ссылки на опубликованные работы приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например: [Ефремов, 2010: 47] или [Ефремов, 2004: 47–48].

Неопубликованные источники: документы, архивные материалы, рукописи – нужно указывать постраничными сносками внизу страницы: [1]Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС(Я)). Ф. 12. Оп. 2. Д. 134. Л. 1–2об. При повторном упоминании архива приводится его сокращенное название: [2]НА РС(Я). Ф. 12. Оп. 2. Д. 135. Л. 3–4.

7. К статье прилагается **два списка литературы** в алфавитном порядке, включающие в себя только работы, использованные при подготовке статьи, отмеченные в тексте статьи, оформленные в соответствии с требованиями журнала «Северо-Восточный гуманитарный вестник».

Первый список литературы – на русском языке.

Второй список литературы – References – идет отдельным блоком и повторяет список литературы на русском языке, независимо от того, есть в нем иностранные источники или нет. Название публикации в ссылках должно быть транслитерировано (написано латинскими буквами) и дублировано на английский язык в квадратных скобках […]. При транслитерации нужно воспользоваться ссылкой https://www.translit.ru (с вариантом BGN). Необходимо указать в скобках язык оригинала статьи, на котором написан полный текст публикации. Например,

в списке литературы: Вдовин И.С. Религиозные культы чукчей // Памятники культуры народов Сибири и Севера (2-я половина XIX - начало XX вв.). Сборник МАЭ. Т. 33. Л: Наука, Ленинградское отделение, 1977. С. 117-171.

в References: Vdovin I.S. Religioznye kul'ty chukchej [Chukchi religious cults]. *Pamjatniki kul'tury narodov Sibiri i Severa (2-ja polovina XIX - nachalo XX vv.). Sbornik Muzeja antropologii i jetnografii imeni Petra Velikogo (Kunstkamera) Rossijskoj akademii nauk* [Cultural monuments of the peoples of Siberia and the North (2nd half of the 19th – beginning of the 20th century). Collection of the Peter the

Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences]. Volume 33. Leningrad: Science Publ., Leningrad branch, 1977. Pp. 117-171. (In Russian)

Список использованных источников и литературы должен содержать не менее 15 наименований. Приветствуются ссылки на труды зарубежных ученых по теме исследования, а также на научные работы, опубликованные в течение последних 5 лет.

Важно правильно оформить ссылку на источник: следует указать фамилию(и) автора(ов), журнал, год издания, том (выпуск), номер, страницы, у электронных источников – адрес доступа в сети Интернет.

Для книг: указывается место издания, название издательства, год издания и общее количество страниц.

Для статей: название журнала, год издания, том, выпуск (или номер), страницы начала и конца статьи.

Ссылка на электронные источники должна включать информацию о сайте, режиме доступа и дату последнего посещения. Например,

Sikora M. et al. The population history of northeastern Siberia since the Pleistocene. Nature. 2019. Vol. 570 (7760). URL: https://www.nature.com/articles/s41586-019-1279-z (дата обращения: 02.12.2020).

При ссылках на личные ПМА отдельно уточняется конкретная экспедиция, при этом в скобках все информанты, картотеки либо другие единицы, на которые даются ссылки в статье. Если по условиям проведения исследований требуется соблюдать анонимность, то имена информантов могут сокращаться до инициалов или опускаться в соответствии с конкретными требованиями, которые налагаются на автора в рамках его проекта.

Все словари, на которые даются ссылки в тексте статьи, оформляются отдельным списком после литературы на русском языке, а также идут в общем списке References.

8. Полные сведения об авторе (авторах) (About the author): Ф.И.О., организация(и), адрес организации(й) (требуется указать основное место работы автора, в котором выполнялось исследование (постоянное место, место выполнения проекта и др.), должность, ученая степень и ученое звание, e-mail, номер мобильного телефона (необходим для связи с редакцией, не публикуется в журнале), ORCID ID.

Сведения об авторе (авторах) необходимо продублировать также на английском языке. При этом приводится официальное англоязычное название учреждения.

В процессе подготовки и отправки статьи или рецензии в редакцию необходимо соблюдать этические нормы соавторства, разработанные COPE (Committee on Publication Ethics).

Статьи и рецензии, поступающие в редакцию, проходят проверку на уникальность (допускается оправданное целями написания статьи или рецензии наличие корректно оформленных заимствований в размерах, не превышающих 10% от общего объема рукописи; оригинальность текста должна быть не менее 80%), **рецензируются и по решению редколлегии утверждаются к печати в порядке очереди.**

Рукописи следует отправлять на электронный адрес редакции:
svgv2010@mail.ru

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76636 от 02 сентября 2019 г.

Адрес издателя и редакции
677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.
Электронный адрес издателя, редакции и редколлегии: igi@ysn.ru; svgv2010@mail.ru

Подписано в печать 09.09.2022. Дата выхода в свет 29.09.2022.
Формат 60x90 $^{1}/_{8}$. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. п.л.17,25. Уч.-изд. л. 15,18. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Отпечатано в типографии ФИЦ «ЯНЦ СО РАН»
677007, г. Якутск, ул. Петровского, 2, тел. 8 (411) 235–49–96

Индекс П2454